

Александр Березин

Семейные байки

Александр Березин

Семейные байки

Издание второе дополненное

Мурзинка 2013

Предисловие к первому изданию

Я пишу, а точнее, записываю истории, происходившие с нами, с нашими детьми и близкими нам людьми. Эти истории мы вспоминаем, когда собираемся вместе. Это невыдуманные, как правило, забавные, а иногда трогательные случаи, которые отражают приметы времени, характеры и чувства действующих лиц.

Кому это нужно? Для кого я пишу?

Я пишу для нас с Инной, чтобы не забыть, чтобы ещё и ещё раз пережить те мгновения, из которых соткана наша долгая совместная жизнь.

Я пишу для наших детей, Дениса, Стаса и Максима, чтобы они представляли себе нас в их возрасте, чтобы они взглянули на себя нашими глазами, чтобы снова ощутили нашу родительскую любовь и заботу.

Я пишу для наших внуков: Алика, который пока не умеет читать, и Софии, которая ещё не умеет говорить. Придёт время, и они услышат, а потом и сами прочитают эти истории, связанные с их родителями, дедушками и бабушками.

Я пишу для родителей Инны — Ханана Ефимовича и Веры Петровны, которые так много сделали для нас, которые постоянно интересуются нашей жизнью, переживают и радуются вместе с нами.

Я пишу для светлой памяти моих родителей, Дениса Никандровича и Веры Михайловны. Как жаль, что их так рано не стало!

Я пишу для Инниного брата Жени и своей сестры Людмилы.

Я пишу для всех наших ближайших родственников, друзей и знакомых, которые хорошо знают нашу семью.

Буду считать свои труды не напрасными, если чтение этих баек вызовет хотя бы одну улыбку.

-Автор.

Апрель 2011 года-

Предисловие ко второму изданию

Прошло два с половиной года. Скромный тираж книги быстро нашёл своих адресатов и оказался слишком мал, чтобы удовлетворить общий интерес. С момента выхода первого издания в нашей жизни произошло много новых интересных событий, а также вспомнились подзабытые старые истории. Всё это и послужило поводом для переиздания моего скромного произведения.

Из многочисленных отзывов стало понятно, что читателей занимает не только содержание и персонажи отдельных историй, но и точная привязка их к месту и времени событий. Поэтому в этом издании байки расположены в хронологическом порядке. На мой взгляд, это придало книге схожесть с милыми старыми семейными фотоальбомами.

В этих альбомах обязательно найдутся фотографии на толстом картоне, газетные вырезки, случайные письма, открытки, детские рисунки и прочие милые сердцу «артефакты», которые хранятся за последней страницей. Похожим образом в этом издании появился новый раздел «Монологи», который нашёл своё место в конце книги.

Фразы из соответствующего раздела первого издания теперь рассыпаны по всей книге, словно пометки на страницах альбома. Увеличилось количество фотографий.

Надеюсь, что эта книга, как и семейные альбомы, позволит сохранить в памяти хотя бы небольшую часть нашей общей семейной жизни.

-Автор.

Ноябрь 2013 года-

Оглавление

БАЙКИ

1958-1965

Тире и запятая	12
И другие	12
Клавиши и кнопки	13
Как я поступил в музыкальную школу	14
Первый экзамен в музыкальной школе	15
Психологический этюд	15

1966-1970

Музыкальные пальцы	17
Стелла	17
Невольное соавторство	18
Ночевка в Подольске	18
Как мы клеили обои	19
Синяя птица	19

1971-1975

Добрый волшебник	20
Годовщина свадьбы	20
Молоко в сугроб, колбасу на балкон	21
Ночь перед защитой	21
Трудно ли застеклить балконную дверь?	22
А если бы взял телевизор?	23
Три полки	23
Украли коляску	23
Отпуск в Молдавии	24
После отпуска в Молдавии	25
Первые предложения Дениса	26
Письмо	26

1976-1980

Отпуск у бабы Дуси	28
Трусы по почте	28
Как себя вести	29
Тамбур за тридцать рублей	30
Быть благородным приятно	30

О пользе бега	31
Велосипед за пять копеек	32
Денискин поход на лыжах	32
Как я не стал чемпионом Спартакиады.....	33
Кто быстрее	34
Городошный опыт	35

1981-1985

Плавать раньше, чем ходить	36
Пять ступеней отношений	37
Регулировка карбюратора.....	38
Быстрое отучение от соски	38
Первая авария	39
Вторая авария	40
Первый раз в Первоуральске	40
Как мы забыли Стасика в садике	41
Резиновая груша.....	41
О, эти утренние женщины	42
Собачья конура	43
Отдых в Батуми.....	43
Мы желаем счастья вам.....	44

1986-1990

Ошибочка вышла.....	45
Как мы выбирали имена детям	46
Угорели	47
В гараже	48
Поход на Висячий камень.....	48
Человек — амфибия	49
Как я заблудился.....	49
Бег с отягощением	50
С чемоданом по Белой.....	50

1991-1995

Одним выстрелом двух зайцев	51
Весенние запруды в Галашках	52
По дороге в Геленджик	53
Костёр в Геленджике.....	53
Участие Максима в конкурсе поделок.....	54

Купили прицеп.....	55
Потеряли прицеп.....	55
Кто съел торт?	56
Куда делся хариус?.....	56
Первый Стасин заработок.....	57
А чего бежал?	57
Юбилей шестого канала.....	58
Картошка	60
Как нет яблок?	61
А борща хватит?	61
Попутчик	61
Походы при луне	62
Стенгазета	63
Праздников стало больше	65
Волнушки на дороге.....	65
Ещё раз про баян.....	66
До-диез.....	66
Как мы исправляли почерк Максиму	67
Как мама проверяла ошибки у Максима	68

1996-2000

Нос Стасика	68
Про Тойоту.....	69
Пробник.....	71
Труба упала.....	72
Рыбалка на Иртыше.....	72

2001-2005

Домашнее задание по литературе	75
Тренировка памяти	77
У дома отдыха.....	78
Параллельная ситуация	78
Устал	79
Пасха	79
Цена вопроса	80
На приёме у врача.....	80
Постоять за земляков.....	81
Метод Фолля.....	82

На Ниве без света	83
Телевизор за двойную цену.....	84
Bell	85
Затоп.....	87
С телефоном через проходную.....	88
На Ниве без документов	88
Благодарный заказчик.....	90

2006-2010

На крыше.....	90
Алкогольный бизнес.....	91
Красные апельсины	91
Участие в конкурсе частушек	92
... и проставиться	93
Тёзки	94
Жми!.....	95
Тормозить будем?.....	96
Усы	96
Дрель как оружие	97
Нос Инны.....	97
История влюблённостей.....	99
Окарался	99
Оренбургские правила	99
Не надо сказок.....	100
Пока жареный петух не клюнет.....	100
О, Париж!.....	101
Сонет Шекспира.....	103

2011-2013

Засор	104
Очки со стразами	105
Автомат-боксёр	106
Свет фар.....	107
Ракушки из Италии.....	108
Красота и мир.....	110
Геморрой.....	111
Оладушки	113
4 болта	114

Оля пошла выносить мусор.....	116
В кабинете ЭКГ	117
Женская логика	118
Телефон 08258	119

МИР ТЕСЕН

В Евпатории.....	121
В Москве	121
В поезде	122

СОВПАДЕНИЯ

Бесплатный цирк.....	124
Про чайник.....	124
Про фонари.....	125
Бдительный автомобиль.....	125

УДАЧНЫЕ ПОИСКИ И НЕОЖИДАННЫЕ НАХОДКИ

Кольцо	127
Ключ	127
Пропуск.....	128
Дверка от машинки	128
Паспорт на счётчик.....	129

МОНОЛОГИ

Вместо предисловия.....	131
Тост.....	132
Про таланты	132
Про харизму.....	133
Битва за Максима	135
Укрощение строптивой.....	136
Про Инну и её ресурсы	136
Про вино и конфеты.....	138
День сурка	140
Нелёгкий выбор.....	141
Соблазны	144
Две гитары	145
Рецепт реабилитации.....	147
Расставание с трудовым коллективом	148
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	149

БАЙКИ

Тире и запятая

Во время моего сознательного детства в каждом доме было радио, которое постоянно работало, как сейчас телевизор. Иногда оно заставляло прислушиваться и увеличивать громкость. Например, когда передавали популярные песни.

Мне очень нравилась песня «Я люблю тебя, жизнь» в исполнении Бернеса. Я её распевал, когда бежал на речку купаться, когда шагал по каким-то делам, когда гонял на велосипеде. В этой песне есть куплет:

*Как поют соловьи!
Полумрак, поцелуй на рассвете...
**И вершина любви —
Это чудо великое — дети!**
Вновь мы с ними пройдем
Детство, юность, вокзалы, причалы.
Будут внуки потом,
Всё опять повторится сначала.*

Моё особое внимание привлекали две строчки про любовь и про детей. Я их воспринимал так:

***И вершина любви —
Это чудо великое, дети!***

То есть для меня слово «дети» было обращением. Я тогда уже начинал мечтать о Прекрасной Даме, и у меня захватывало дух от мысли, что взрослые люди делятся со мной самым сокровенным.

Прошли годы. Всё состоялось, как в песне: и дети, и внуки. И правильное тире заняло своё место. Но мне до сих пор дорога моя детская запятая.

-1958-

И другие

Когда я учился в четвёртом классе, мой отец, учитель, организовал в школе шахматный турнир. Так получилось, что из одиннадцати участников наибольшее количество очков набрали сразу четверо учеников и поделили места с первого по четвёртое. В этой четвёрке оказался и я. Отец предложил написать заметку

в районную газету. Заметка получилась коротенькая и заканчивалась примерно так: «Места с первого по четвёртое с одинаковым количеством очков заняли Гриша Панов, Володя Иванов, Гоша Русанов и я». И подпись: ученик четвёртого класса Бизинской неполной средней школы Березин Саша.

Через несколько дней отец приносит газету «Тобольская правда», а в ней наша заметка, маленькая такая — спичечным коробком закрыть можно. А в заметке всё так, как мы написали, только вместо «и я» напечатано «и другие». Отец сказал: «Это правильно. А то у нас как-то нескромно было».

А ещё через несколько дней нам пришёл перевод на один рубль — гонорар! Килограмм ирисок «Забава» тогда стоил рубль тридцать. Блаженству не было конца! Я жевал ириски, перечитывал заметку и думал: — Надо было написать не «и другие», а «и автор этих строк». Так было бы понятней, о ком речь, да и... ирисок больше.

-1959-

Клавиши и кнопки

В детстве у меня был приятель Сашка Кызылов. Он жил в соседнем переулке с мамой и бабушкой. Однажды он встречается меня на улице, гордый такой: — А мы радиолу купили. Пойдём, покажу.

Радиола была из светлого дерева, покрытого лаком. Верхняя крышка открывалась, и там можно было крутить пластинки. На передней панели было с десяток клавиш, которые при нажатии плавно утапливались и фиксировались с мягким щелчком. Сашка с важным видом показывал, как при нажатии любой клавиши утопленная клавиша выскакивала и теперь нажатой становилась другая клавиша. А если клавишу нажимать не до конца, то утопленная клавиша просто выскакивала и всё. Это было забавно. Мы нажимали две, три, четыре клавиши, и они дружно возвращались назад любой из оставшихся клавиш. И вот мы нажали уже почти все клавиши одновременно и оставшейся клавишей вернули их на место. Оставался ещё один вариант. Последний. Мы с Сашкой посмотрели друг на друга. Я спросил: — Ну, что? Нажимаем? — Сашка сказал: — Давай! — И мы в четыре руки нажали все клавиши. Они дружно щёлкнули, как курки на двухстволке. Мы замерли в предчувствии беды — возвращать клавиши было нечем. И тут пришла с работы Сашкина мама. — Саша, ты дома? — спросила она и заглянула в комнату. Мы стояли по обе стороны радиолы по стойке «смирно». — Чего натворили? — Мы продолжали стоять в почётном карауле. Сашкина мама, побледнев, подошла к радиоле. — Что вы с ней сделали? Сожгли? — Нет, мы даже не включали. Мы только клавиши нажали и всё, а они застряли. — Кто нажимал? — Кызыл промолчал, а я начал мямлить: — Ну-у...это... — Сашкина мама посмотрела на меня: — Понятно! — И вышла из дома. Через пять минут она вернулась с моим отцом. Отец, не

глядя на меня, взял радиолу и понёс домой. Я потащился следом. Я знал, что отец меня по головке не погладит. Мои предчувствия оправдались. После этого отец завернул радиолу в мамину шаль и отнёс в мастерскую. Вернее отвёз на автобусе, до которого надо было идти полкилометра по сугробам.

В мастерской мастер за пять минут вернул клавиши на место. А отец мне сказал, чтоб я больше никогда не совал свои пальцы туда, куда не просят. Отца я уважал и боялся, и многие простые истины, сказанные им в моём детстве, я помню до сих пор.

Прошли годы и десятилетия. Мы обросли бытовой техникой с множеством клавиш и кнопок. И я разучиваю их годами, и смело нажимаюлишь после того, как техника отслужит свой срок или сломается, то есть перед тем, как её выбросить.

-1961-

Как я поступил в музыкальную школу

В мои детские годы у нас дома был баян. Точнее полубаян с уменьшенной клавиатурой. У него был только один ремень на правое плечо, и он страшно пропускал воздух. К шестому классу я уже мог на нём кое-что сыграть и даже подобрал первую часть вальса «Амурские волны». А мой школьный приятель Аркаша Кайдалов учился в музыкальной школе и пользовался уважением в классе. И вот как-то весной он говорит: — Пойдём со мной в музыкалку, я тебя с учителем познакомлю. Вот такой мужик! Кошкарлов Владимир Николаевич». Мы пошли.

Владимир Николаевич, молодой (23 года) элегантный мужчина разрешил мне поприсутствовать на уроке. Минут двадцать я слушал, как Аркаша играл гаммы, потом пилил домашнее задание. Потом Владимир Николаевич взял баян, который показался мне таким маленьким в его руках, длинные пальцы почти накрывали и левую, и правую клавиатуры. Когда Владимир Николаевич исполнил «Полёт шмеля», я прирос к стулу. Аркаша горделиво поглядывал на меня. Потом сказал: «А Саша умеет играть на баяне и хочет учиться в музыкальной школе». Владимир Николаевич говорит: «Сыграй». Я начал играть «Амурские волны». После первой музыкальной фразы Владимир Николаевич сказал: «Понятно. Ноты знаешь?» Я говорю: — Нет. — За пять минут Владимир Николаевич объяснил мне и про нотный стан, и про ноты, и про диезы с бемолями, и про паузы. Потом выбрал три музыкальные вещи (одна из них была «Подгорка») и сказал когда приходить. За два месяца я подготовил эти три произведения и сдал экзамен за первый класс.

Как я сдавал свой первый в жизни экзамен в музыкальной школе — это отдельная история.

-1962-

Первый экзамен в музыкальной школе

За два месяца занятий в музыкальной школе я выучил три произведения, и меня допустили до экзаменов.

Меня вызвали, я зашёл, взял баян, сел на стул. Члены комиссии ещё продолжали что-то обсуждать. Я нашёл нужные лады, нашёл нужный бас (кнопка До обычно имеет ямочку, поэтому нужный бас находят вслепую), наклонил баян — посмотрел, ещё раз наклонил — посмотрел, потом для верности попробовал на звук — убедился что исходные позиции заняты верно. Успокоился. Председатель комиссии спросил: — Что будем играть? — Я назвал этюд. Председатель сказал: — Пожалуйста, играйте.

На нашем домашнем баяне был только один правый ремень, который работает, когда растягиваешь мех. Но мех так сильно пропускал воздух, что я дополнительно прижимал баян подбородком. А поскольку на нашем баяне не было левого ремня, который должен работать при сжатии меха, то я упирался правой кистью в гриф, отчего пальцы теряли свободу. На экзамене баян имел оба ремня и мех не пропускал, но за два месяца я не избавился от домашних привычек.

И вот я играю, помогая себе то подбородком, то кистью, и вижу, как шеи у членов комиссии вытягиваются. В дополнение ко всему этюд закончился при максимально раздвинутом мехе. Вообще это не страшно. Надо нажать специальный клапан сбоку под левым большим пальцем или сразу много кнопок на обеих клавиатурах, тогда мех можно беззвучно сжать. Но я этого не знал. На нашем баяне мех можно было сжать, не нажимая кнопок. И я, чтобы вернуть баян в исходное положение, нажал несколько соседних кнопок на правой клавиатуре. Баян издал противный звук аккорда, состоящего из одних секунд. Я давлю, баян пищит, члены комиссии удивлённо смотрят. Наконец, мех сжался, и мои мучения закончились. Я сыграл остальные вещи и вышел в коридор.

Через пару минут вышел мой преподаватель Владимир Николаевич и, улыбаясь, сказал: — Ну, ты, брат, даёшь! Ладно, не расстраивайся! Тебя перевели во второй класс.

-1962-

Психологический этюд

С нами в 9 классе учился Володя Аниськов — маленький, щуплый, баболо и приколист, хорошо играл в настольный теннис, но учиться не хотел. Вот на уроке математики его вызывает к доске Мария Владимировна Крючева (Мэра — так мы звали её за глаза), женщина строгая и беспощадная. И между ними завязывается диалог:

— Расскажи нам, пожалуйста, про равнобедренный треугольник. — Вова выдерживает паузу, как будто собирается с мыслями, потом вопросительно смотрит на класс, округляя глаза. Пауза затягивается.

— Так какой треугольник называется равнобедренным? — Вова переводит круглые глаза с одной парты на другую, вопросительно подёргивая подбородком.

Мэра старается не выдавать своих чувств и ровным голосом продолжает:

— А какие вообще бывают треугольники? — Вова чувствует, что он не знает чего-то очень простого и начинает нервничать. Но молчит.

— Ты хоть знаешь, какая фигура называется треугольником? — Мэра едва сдерживается, чтоб не спустить собаку.

Вова понимает, что тонет, причём позорно, но продолжает молчать. И Мэра не выдерживает:

— Ну, это же любой первоклассник знает!

Вова мгновенно взрывается:

— Чё сразу первоклассник-то! Вообще ничего не буду говорить! — И демонстративно отворачивается. Всё! Ситуация резко изменилась. Теперь он молчит не потому, что не знает, а потому что его обидели. Мэра даёт волю чувствам, не стесняясь в выражениях, но Вова непробиваем — он мученик и жертва учительского произвола.

— Садись, дитё! — И Вова с видом Наполеона идёт на своё место — он не победил, но и не проиграл.

С тем же Вовой Аниськовым был ещё такой эпизод. Его вызвали к доске решить тригонометрическое уравнение. Вова даже вникать не стал, он приставил мел к доске и тут же повернул голову к классу. Учительница в это время была занята своими делами и не смотрела ни на доску, ни на класс. И началась пантомима. Вова, всем своим лицом и телом спрашивал, мы, яростно артикулируя, рисовали в воздухе буквы и цифры, Вова, почти не глядя на доску, записывал. Вот уже уравнение стало намного короче, вот уже тангенсы и котангенсы превратились в простые числа. Вова черкнул очередную закорючку и снова устремил на нас пылающий взор — что дальше!? И тут класс заржал. Вова растерянно посмотрел на доску, там было написано $1+1=...$

-1964-

Музыкальные пальцы

На своей первой целине в 1967 году, в Казахстане, я работал подсобником в бригаде каменщиков. Мешал раствор вручную, подавал вёдра с раствором на леса, таскал кирпичи, придерживая их подбородком — всё в соответствии с девизом «Бери больше, кидай дальше». В общем, по утрам каждый палец на руках приходилось разгибать персонально. Но мы не только работали. Мы ещё несли культуру в массы. Это было неременным условием соревнования между отрядами и между бригадами. Поэтому мы давали концерты, читали лекции, шефствовали над школами и садиками, чинили им мебель, оформляли помещения, проводили спортивные мероприятия.

Однажды в день концерта, где я должен был аккомпанировать нашему танцору Мише Галкину и исполнять соло на баяне, примерно за час до конца работы я подошел к своему бригадиру Саше Пупышеву и попросил его дать мне другую работу, чтобы пальцы отдохнули и стали разгибаться. Пупышев сказал: — Конечно, конечно! Идите с Женькой (Трошковым) приготовьте кирпич на завтра. — И мы с Женей целый час кидали кирпич на второй этаж. Один кидает, второй ловит и укладывает в штабель. К концу дня пальцы разогнулись, но согнулась спина. Хорошо, что играть можно было, сидя на стуле.

-1967-

Стелла

Однажды, будучи студентом, я отправился с поручением кому-то что-то передать. Нашёл нужный адрес, позвонил в дверь. В квартире раздался собачий лай и голос: — Стелла, к нам кто-то пришёл. — Дверь отворилась, на пороге стояла приятная женщина в зрелом возрасте, и рядом прыгала и лаяла домашняя собачонка. Из комнаты вышла ещё одна женщина, похожая на первую, видимо, сестра. Они прикрикнули на собачку и сказали, что это она так здоровается. А ещё, что она будет лаять, когда я буду уходить. И это будет означать, что она со мной прощается.

Я выполнил поручение, мы ещё немного поговорили, и я стал раскланиваться. И чтобы доставить женщинам удовольствие, я дружелюбно сказал, обращаясь к собаке: — Стелла, пора лаять! — Женщины переглянулись. И та из них, которая отворяла мне дверь, сказала: — Вообще-то, Стелла — это я!

Извиняясь и задевая за все углы, я протиснулся в дверь и выпал на лестничную площадку.

-1969-

Невольное соавторство

В семидесятом году мы были на целине в Казахстане. В День Строителя по традиции целинные отряды собрались на фестиваль в районном центре. Это всегда запоминающееся событие — встреча друзей за тысячи километров от Свердловска, от УПИ, от физтеха. После насыщенной программы мы собрались у костра. Гитара ходила по кругу. Когда очередь дошла до Миши Неволлина, который уже тогда писал стихи и песни, он спел свою песню «Вот и всё — я забыл адреса». Меня она так зацепила, что я пристал к Мише — спиши слова.

Вскоре прозвучала команда — «По машинам!» — и я при свете костра, буквально на ходу законспектировал слова под Мишину диктовку. Ещё раз послушать песню времени уже просто не было. Мы разъехались. На следующий день я разобрал свои записи, восстановил слова и даже, как мне показалось, мотив. Песня вошла в мой репертуар, и меня часто просили её спеть.

После целины на очередном сборище кто-то попросил: «Вот и всё — я забыл адреса!» Я говорю — Ребята, это песня Миши Неволлина. Пусть он её и поёт. — Миша говорит: — Да ладно, чего уж там, пой. — Я спел. Миша хмыкнул: — Ну что тебе сказать? Слова почти все правильные, а мотив совсем другой. — Я говорю: — И что теперь? — А Миша: — Да ладно, пой по-своему. Тоже ничего.

Так и поём Мишину песню: он — по-своему, а я — по-своему.

-1970-

Ночевка в Подольске

Осенью 1970 года мы с Володей Попковым, старостой нашей группы, проходили практику на комбинате в Подольске. Жили в гостинице. Развлекаться ездили в Москву (дорога занимала меньше часа на электричке). Но один раз мы решили сходить на танцы в местный парк. Танцы были неплохие. Организаторы зажигали толпу и проводили конкурсы. Один из конкурсов, кстати, выиграл актёр Александр Кавалеров (Мамочка в «Республике ШКИД»).

Мы познакомились с девчонками и после танцев пошли их провожать. В результате я на пять минут опоздал в гостиницу и меня не пустили. Я звонил, стучал, звал, заглядывал в окна — бесполезно.

Я сел на скамейку, потом лёг, потом задремал. Вдруг кто-то ткнул меня в бок:

— Ты чего тут лежишь? — передо мной стоял подвыпивший парень.

— В гостиницу не пускают.

— Пойдём со мной, у меня переночуешь.

И я пошёл. Парень привёл меня к себе домой, сказал матери, что мне негде переночевать и пошёл спать. Женщина без лишних разговоров постелила мне чистую постель на раскладушке, и я проспал до утра.

Утром, когда парень ещё спал, женщина напоила меня чаем, мы немного поговорили, я поблагодарил её и ушёл. В гостиничном номере мирно спал Попков.

Как всё было просто в семидесятом году всего-то в тридцати километрах от столицы!

-1970-

Как мы клеили обои

Перед нашей свадьбой студсовет выделил нам отдельную комнату в физтеховском общежитии на Ленина, 66. Она располагалась на первом этаже в конце коридора налево от главного входа. Её номер был 108-а.

До свадьбы оставалась неделя, и мы бросились приводить наше первое совместное жильё в порядок. Купили обои, клей, позвали помощников и за вечер заклеили все стены. Помощники ушли, мы навели порядок и ещё долго любовались нашей комнатой, представляя себе, как будет красиво, когда мы поставим мебель.

Уходя из комнаты, мы слышали лёгкое потрескивание, но значения не придали. Когда на следующий день после занятий мы зашли в комнату, то увидели, что наши симпатичные обои стоят рядом со стенами. Ну, что делать! Мы же знали, что надо было сначала смыть старую побелку, потом промыть стены и только после этого наклеивать обои. Думали — обойдётся, уж больно хотелось побыстрее всё сделать. Не обошлось.

Мы собрали обои в огромный ком и унесли в умывалку. Потом зачистили остатки клея и успокоились. А когда повесили ковёр два на три метра, повесили шторы и расставили мебель, то стен и вовсе не стало видно. Да и смотреть особо на них было некогда: днём мы на занятиях, а ночью — темно.

Сейчас весь первый этаж общежития занимают магазины. Иногда мы заходим в самый крайний из них, слева. Там продают обувь. Кругом кафель, пластик, стеклопакеты — всё красиво. Евроремонт!

-1970-

Синяя птица

После свадьбы мы стали вести совместное хозяйство: готовили себе завтраки и ужины, а по воскресеньям — ещё и обеды. Тем более что к нам частенько заходили вечно голодные друзья-целинники. Однажды кто-то из них принёс нам курицу, и мы решили её сварить. Засунули в кастрюлю, залили водой и поставили на электроплитку. Когда вода закипела, нам приспичило куда-то пойти. Мы выключили плитку и слиняли. Через час или два мы пришли и снова включили

плитку. А через полчаса опять ушли, остановив процесс. И так несколько раз. Мы посчитали, что если курице положено вариться один час, то какая разница — будет этот час непрерывным или с интервалами.

Таким образом, курица варилась целый день, а вечером пришли гости, мы ели блюдо под названием «Синяя птица» и никто не почувствовал разницы.

-1970-

1971-1975

Добрый волшебник

В 1971 году я дипломировал на кафедре ФХМА на физтехе в УПИ. Мой диплом был посвящён исследованиям аналитических возможностей двойного полого катода. Мне надо было сделать фланец к камере с катодом. Я взял в мастерской алюминиевую заготовку толщиной 10 мм, нарисовал окружность, зажал заготовку в тисы и стал отпиливать лишнее. Сначала ножовкой, потом напильником. На какое-то время я ушёл из мастерской, оставив заготовку в тисах. А когда вернулся, рядом с тисами лежал мой фланец, аккуратно обточенный на станке. Сделать это мог только один человек, Олег Хохлов, который работал на кафедре инженером и умел работать на всех станках. Тут зашёл Олег, я выразил ему свою благодарность. На что он сказал: — А я смотрю, кто-то мается вручную, когда можно сделать на станке за пять минут. — И я вспомнил случай, который был в моём далёком детстве, когда я ещё не ходил в школу.

На куче песка во дворе школы играли две девочки. Они строили дом, и у них не получалась крыша, она всё время проваливалась. Девочки ушли, а я взял и с помощью подручных материалов, палочек, щепок, сделал у домика крышу — получилось хорошо. И тут девочки вернулись и увидели, что их дом — с крышей. Они очень удивились и обрадовались. А я стоял невдалеке, слушал их восторги и чувствовал себя добрым волшебником.

-1971-

Годовщина свадьбы

После комнаты в общежитии следующим нашим жильём была однокомнатная квартира на улице Авиационной в районе Вторчермета (остановка трамвая «Южная»). Эту квартиру нам уступили на время без всякой оплаты родственники со стороны моей мамы — тётя Фира и дядя Валентин.

Обстановка квартиры состояла из того, что нам отдали Иннины родители и того, что подарили на свадьбу. Обеденного стола не было, стульев тоже не было.

Поэтому, когда на годовщину свадьбы завалились гости, мы накрыли поляну на полу. Все лежали и сидели в разных позах, а когда говорили тосты, то вставали на колени. Шуточки типа «извините, но вы наступили мне на руку» или «молодой человек, вы своими очками порвали мне чулки» — были весьма актуальны, и мы хохотали до упаду. Это был один из самых весёлых наших семейных праздников.

-1971-

Молоко в сугроб, колбасу на балкон

Когда мы жили на улице Авиационной, были трудные времена с продуктами. Для того чтобы купить молоко, люди с утра занимали очередь. Мы не были исключением. Как-то в очередной раз, купив пару бутылок молока и кусок варёной колбасы, мы поспешили на занятия. Подбегая к нашему дому, мы решили сэкономить время: не подниматься к себе, а спрятать продукты в сугробе. Мы закопали продукты в снег, и тут нас осенило... Собаки! Они же найдут нашу заначку. Молоко, может быть, и не выпьют, но колбасу точно сожрут. Тогда я решил закинуть колбасу к нам на балкон. Это было непросто. Мало было докинуть до балкона на третьем этажа, надо же было ещё и попасть в него. Поэтому попыток было несколько.

Трудно сказать, выгадали мы или нет, но было весело. А что в это время думали прохожие — можно только гадать.

Молоко, кстати, нас дождалось. И колбаса — тоже.

-1972-

Ночь перед защитой

Зима 1971/72 года нам запомнилась как очень холодная. Может быть ещё и потому, что мы жили в районе Вторчермета и ездили в институт на трамвае. Я обычно занимал место у окна, Инна усаживалась ко мне на колени и мы сорок пять минут, от остановки «Южная» до УПИ, досматривали сны. Если трамвай был с пластмассовыми сиденьями, то кроме нас почти никто не сидел, все предпочитали стоять.

В ту зиму Инна училась на пятом курсе, а я был дипломником. Темой моего диплома было исследование аналитических характеристик двойного полого катода — детища моего руководителя Атнашева Юрия Борисовича. С утра до вечера, порой по двенадцать часов, я торчал в лаборатории, ставя эксперимент за экспериментом. Уже наступил январь, а у шефа появлялись всё новые и новые идеи. В середине января я сказал: — Юрий Борисович, через месяц защита — надо уже на чём-то остановиться. Он согласился: — Ты прав. Проведи ещё пару опытов и начинай писать.

В те времена писать диплом означало, что ты берёшь ручку и красивым почерком на отдельных листах по трафарету пишешь текст, врукопашную чертишь таблицы, графики и схемы. А ещё плакаты. Работы — как минимум на месяц. Так оно и получилось: завтра отдавать диплом на рецензию, а у меня ещё остались недоделки.

Вечером Инна спросила: — У тебя всё готово? — Я говорю: — Да. Почти. Осталось кое-какие графики нарисовать. — Инна говорит: — Покажи. — Я показал. Она говорит: — Ничего себе! А спать ты собираешься? Говори, что надо делать.

И вот мы с ней весь вечер до глубокой ночи рисовали графики. Я чертил простым карандашом, она обводила цветными фломастерами. Мы всё успели сделать, и даже удалось поспать.

До рождения Дениса оставалось три месяца. Не удивительно — откуда у него такая тяга к таблицам и графикам.

-1972-

*При мне два студента вспоминали: — Хорошо вчера посидели, попили портвейна. **А какая закуска была...м-м-м! Колбаса и батон!***

Трудно ли застеклить балконную дверь?

Перед новым учебным годом Инна приехала от родителей на Авиационную с трёхмесячным Денисом. Я занёс Дениса в квартиру, положил на кровать, вышел, и дверь захлопнулась. Через балкон четвёртого этажа я спустился на наш балкон и стал исследовать — как лучше проникнуть в квартиру. В это время Денис заплакал, и мама Инна заволновалась. Думать было некогда, пришлось выдать оба стекла в балконной двери.

На дворе был тёплый август, и мы временно затянули двери плёнкой от сквозняков. Но проблему надо было решать. А это действительно было проблемой, во-первых, найти стекло, во-вторых, доставить его на место, не имея машины.

В конце концов, я купил стёкла в Верх-Нейвинске (я тогда уже работал на комбинате и жил в общежитии), обрезал их по размеру и привёз на электричке, потом на трамвае. Правда, одно стекло пришлось ещё раз обрезать по месту, но это уже было дело техники.

-1972-

А если бы взял телевизор?

Примерно месяц, пока мне не дали отдельную комнату в Верх-Нейвинске, я каждую пятницу приезжал в Свердловск на Авиационную к Инне с Денисом. Мы вместе проводили выходные, а в воскресенье вечером я мчался на электричку, прихватив что-нибудь из небогатого домашнего скарба. В очередной раз я приехал с намерением увезти старенький телевизор. Однако в воскресенье я засиделся, всё откладывая отъезд на более поздние электрички, а когда стало понятно, что я едва успеваю на последнюю электричку, то решил телевизор не брать.

Мне повезло: на электричку я успел. Но не повезло в другом: я проспал свою станцию и вышел в Нейво-Рудянке, что в пятнадцати километрах от Верх-Нейвинска. Обратная электричка через четыре часа. И я решил добираться до дома бегом.

Ночь. Прохлада. Ночные птицы шарахаются в темноте. Я бегу. Самочувствие отличное! Настроение замечательное! Бегу и думаю: — Как хорошо, что я не взял телевизор!

Это неправда, что нельзя бегать перед сном. В ту ночь я спал как убитый.

-1972-

Три полки

Мне дали комнату в трёхкомнатной квартире в доме по адресу: Гагарина 3-22. Мы перевезли вещи из Свердловска и стали обустраиваться. Три полки от стеллажа, который пять лет простоял в общежитии, показались нам подозрительными. Мы обработали полки дихлофосом и выставили проветриться около подъезда. Через час или два я спустился за полками, а их нет. С досады я написал объявление «Уважаемые товарищи, верните, пожалуйста, полки в квартиру 22 или приходите за остальными». Никто, конечно, не пришёл и полок не принёс.

Я заказал полки в мастерской, мне их через неделю сделали, мы собрали стеллаж и успокоились. А по прошествии нескольких месяцев как-то выходим из квартиры, глядим — около двери стоят родные три полочки. Они так и пролежали у нас под диваном, пока мы не подарили стеллаж Вите Черных. И три полки в нагрузку.

-1972-

Украли коляску

Вскоре после переезда в Верх-Нейвинск у нас появилась коляска. Немецкая. Высокая. На рессорах. Единственная в городе. Дед купил в своём Челябинске по очень большому блату. Когда мы гуляли, нам казалось, что все смотрят только на нас, на нашего Дениса и на нашу коляску.

И вот, буквально, в октябре, на пятом месяце Денискиной жизни у нас эту коляску спёрли. Унесли ночью с лестничной площадки от дверей квартиры. Я написал заявление в милицию, надеясь на то, что коляска приметная, и её легко будет найти. Но прошла зима, потом лето, потом ещё одна зима, Денис уже стал ходить своими ногами, а зимой — на санках, и мы с пропажей смирились.

Но как-то раз я иду по улице и вижу нашу коляску. У неё всё еще не было конкуренток в городе. И приметы сходились: небольшой разрез на крышке и самодельный шарик из тефлона на одном из рычажков. Я подошёл к мамаше и, извинившись, поинтересовался — у кого они купили коляску. Она назвала адрес. По тому адресу мне выдали предыдущих хозяев, и так далее. Когда цепочка повела в посёлок, я пошёл в милицию.

Через день мне позвонили и сказали, что вора нашли, и он готов рассчитаться.

— Что вы хотите получить, коляску или деньги? — Я подумал: — Зачем нам теперь коляска? — Я выбрал деньги и назвал сумму — тридцать рублей. А коляска новая стоила сорок пять. Ну, мы же тогда ничего не знали про инфляцию и моральный ущерб. Мы и этому были рады.

-1974-

Отпуск в Молдавии

Летом семьдесят четвёртого, когда Денису исполнилось два года, мы поехали с Инной вдвоём в отпуск, а Дениса сдали Инниным родителям в Челябинске 70.

Наша путёвка начиналась на турбазе в молдавском городе Дубоссары. Первую неделю мы валяли дурака на территории турбазы. За это время была единственная экскурсия на местную гидроэлектростанцию. Потом нас посадили на теплоход, и мы поплыли по Днестру к Чёрному морю. Предполагалось, что мы три дня будем плыть до Одессы, любуясь красотой, а потом три дня обратно, вспоминая знакомые места.

На теплоходе нас распределили по каютам и выдали талоны на питание. Народ потянулся в бар. Круиз начался. Через несколько часов объявили зелёную стоянку. Все, кто мог, вышли на берег размяться — всё-таки хоть какое-то развлечение. Неподалёку двое небритых парней (как оказалось туристы) набирали воду в котелки. Завязался диалог, и они пригласили нас к себе в лагерь. Нас, отдыхающих, пошло человек десять.

В лесу, на уютной поляне, метрах в ста от воды стояла палатка, горел костёр. Туристов было трое — двое парней и девушка, все из Одессы. У них оказалась гитара. Мы (то есть мы с Инной) попели песни, кто хотел — попил чайку. Туристы расписывали прелести дикого отдыха и приглашали желающих остаться. Все восприняли это как шутку, а мы согласились.

О чём мы думали? На ночь глядя, остаться с незнакомыми людьми в незнакомом лесу со всем своим барахлом — сейчас это кажется, мягко говоря, неосмотрительным. А тогда — мы быстро скидали в чемоданы наши вещи, отоварили часть талонов сухим пайком и сошли на берег, вибрируя от куража и собственной смелости.

— Что вы делаете? Вы их знаете? — неслоь нам вслед.

Туристов звали: Миша Талис — харизматичный одессит, влюблённый в свой город, Толя и его девушка Люда — обычные ребята, их образы и характеристики как-то со временем в памяти не задержались. Палатка была большая, мы обустроились, и началась незапланированная часть нашего отпуска.

Оказалось, что ребята владеют приёмами боевого раздела самбо и даже взяли с собой лапу для отработки ударов. Ещё у них была гитара, на которой они играть не умели, но мечтали научиться. Поскольку мы проявили интерес к самбо, а они — к гитаре, то после завтрака у нас был музыкальный час, а после обеда — спортивный. Мы купались, загорали, ловили раков, плавали на лодке в деревню на другую сторону Днестра за вином, вишней и клубникой, покупали в соседних деревнях дефицитные книги и слушали бесконечные истории про жизнь в Одессе.

Через пять дней к нашему берегу причалил теплоход. Тот самый, с которого мы прыгнули. Он возвращался в Дубоссары. На берег сошли опухшие люди, которые сильно удивились, увидев нас, загорелых и жизнерадостных. Они удивились ещё больше, услышав, что мы не собираемся возвращаться на теплоход. Мы отоварили остатки талонов остатками продуктов и помахали всем рукой.

А потом мы поехали в Одессу, и я впервые в жизни увидел море! Миша оказался прекрасным экскурсоводом и показал нам свою Одессу с её оперным театром, Потёмкинской лестницей, памятником Дюку де Ришелье, Пушкинским бульваром, Привозом, пляжами, ресторанами, таксистами, своим другом — гроссмейстером Тукмаковым и братом — главным инженером консервного завода.

На самолёт Миша проводил нас до самого трапа и долго не выпускал из объятий.

-1974-

После отпуска в Молдавии

Счастливые, полные впечатлений и подарков мы вернулись домой, и сразу ощутили — как мы соскучились по Денису. Ближайшим автобусом мы поехали к родителям. Нетерпение нарастало. Мы рисовали себе — как Денис кинется нам на шею, как будет расспрашивать нас и рассказывать про себя. Нам казалось, что прошло очень много времени, и Денис тоже по нас соскучился, сильно вырос и начать говорить.

Вот и проходная. Вот и автовокзал. Мы хватаем вещи и спешим к Денису. Вбегаем на четвёртый этаж, толкаем дверь — никого нет! Значит — гуляют. Спускаемся вниз и мчимся на детскую площадку. Наших нет! Мы летим на озеро и видим — как вдоль берега в нашу сторону не торопясь идёт знакомая троица: дед Ханан, баба Вера и между ними, держась за две руки, — наш Дениска! Постанывая на ходу, мы кинулись навстречу, растопырили руки, закричали: — Дениска! Дениска!

Денис остановился, поспешно высвободил руки и... спрятался за бабушку. Нам было удивительно и обидно. Мама Инна всплакнула. И мы решили, что больше никогда не будем расставаться так надолго.

-1974-

*Сидим компанией за столом у Попковых. Лариса — умнейшая женщина — влюблена в литературу, может подолгу на память читать Ахматову, Цветаеву, любимого Маяковского, но хозяйка — никакая. Все салаты без соли и перца, и на столе ни солонки, ни перечницы. Однако процесс идёт, никто не подаёт вида, что чего-то не хватает. Наконец, кто-то не вытерпел: — А где соль? — **Видимо, там же, где и перец.***

Первые предложения Дениса

Мы гуляли с Денисом во дворе дома на Гагарина. Лежал снег, значит, Денису было два с половиной года или чуть больше. Вот-вот должна была вернуться мама Инна из Свердловска на электричке. Смеркалось. Наконец появилась мама. Встреча, объятия... Мы присели на скамейку. Денис в шубе до самых валенок крутился рядом. И вот он решил сделать кувырок через спинку скамейки и приземлиться рядом с нами. Перегнулся через спинку, прицелился... И тут на планируемое место приземления запрыгнула кошка. Денис, висая на спинке скамейки и суча руками и ногами, пытался прогнать кошку, но та не уходила. После минуты тщетных усилий Денис произнёс сдавленным голосом: «Убали коську!» (убери кошку). Мы рассмеялись.

Примерно в то же время мы гуляли с Денисом в том же дворе. Ради развлечения я поставил его на бетонную тумбу (это была вентиляция бомбоубежища). Денис выпрямился, поднял правую руку и сказал: «Как Ленин!».

-1974-

Письмо

Вскоре после начала работы на комбинате меня послали в командировку в Москву. Накануне моего отъезда ко мне подошла одна наша сотрудница, Роза Андреевна, и сказала, что в Москве у неё живёт сестра, что фамилия у неё Гусева, что я могу остановиться у них, что они покупают дачу и что она хочет со мной передать сестре деньги. Я согласился, и Роза Андреевна вручила мне пакет с деньгами. Денег было три тысячи. Жигули тогда стоили пять.

В Москве я нашёл Гусевых. Передал пакет. Они предложили мне остановиться у них. Я не отказался. И прожил у них три дня в полном восторге от всего: от их образованности, простоты, от их общения между собой, от их юмора, подначек, от обстановки. Оказалось, что Гусев по долгу службы часто бывает за границей, и поэтому в доме было немало диковинных вещей. Они показывали

мне кухонный гарнитур, который Гусев сделал сам, когда был в творческом отпуске по случаю изучения французского языка и семь месяцев строгал и пилил под магнитофон.

Благодаря моим новым знакомым я много что успел посмотреть и купить в Москве. Гусева провела со мной целую беседу на тему модных в то время париков, научила в них разбираться, и я уже был готов привезти Инне парик, но достойных мне не попалось.

Перед отъездом я зашёл в магазин и, ничего не понимая в коньяках, купил бутылку не самого дешёвого. Кажется армянского. Кажется — пять звёзд. Вечером за ужином я выставил коньяк и сказал слова благодарности. Гусевы внимательно рассмотрели бутылку, откупорили, разлили по рюмкам, попробовали, посмаковали, посмотрели друг на друга и сказали, что коньяк хороший. Мягкий.

Когда я уезжал, Гусева дала мне письмо в конверте для Розы Андреевны. Конверт был не запечатан.

В дороге я достал конверт, покрутил и положил обратно. Потом опять достал, опять покрутил и опять положил. Потом снова достал, вынул письмо и прочитал начало: — Дорогая Роза, спасибо тебе... и т. д. И потом: — Нам очень понравился твой сотрудник. Вот если бы вся молодёжь у нас была такая! — Мне стало жарко. Я засунул письмо в конверт и больше не доставал.

На работе я передал Розе Андреевне письмо, поделился впечатлениями и ушёл к себе в комнату. Через пять минут заходит Роза Андреевна и говорит: — Саша, я хочу ещё раз сказать тебе спасибо за услугу. Сестра очень хорошо пишет о тебе, вот послушай. — И читает: «Нам очень понравился твой сотрудник. Вот если бы вся молодёжь у нас была такая!» — Я слушал, и мне было очень неудобно. С тех пор я не читаю чужих писем и записок. И не подслушиваю. И не подглядываю. И часто слышу в свой адрес: «Березин, почему ты всегда узнаёшь всё в последнюю очередь?»

-1975-

Отпуск у бабы Дуси

Отпуск летом 1976 года мы проводили на Кубани у бабы Дуси. Мы — это Вера Петровна, я и Денис. Баба Дуся Черевань — это мама Веры Петровны. Местечко называлось КНИИТиМ — Кубанский научно-исследовательский институт тракторов и машин.

У бабы Дуси была обыкновенная хата-мазанка, двор, на котором росла раскидистая яблоня, сад и кое-какие постройки. Черешня уже отошла, но зато поспели вишня, абрикосы, яблоки.

Я поправил сарай, заштукатурил две стены хаты — этого оказалось достаточно, чтоб завоевать полное расположение внешне суровой бабы Дуси. Ели мы за дощатым столом под яблоней. Иногда отпавшие яблоки стучали по веткам, и мы дружно закрывали головы руками. Каждый раз за ужином баба Дуся ставила на стол пол-литровую бутылку домашней вишневой наливки. Вера Петровна говорила — Санька, сопьёшься! — На второй неделе мы стали выпивать по две пол-литровочки — в обед и за ужином. А на третьей недели пили в завтрак, в обед и в ужин.

У нас установился свой режим, согласно которому мы с Денисом после обеда ложились отдыхать. Я читал ему про Мальчиша-Кибальчиша — это была единственная книжка, которую мы взяли с собой. На меня так действовала вишнёвочка и борщ, что я начинал заговариваться уже со второй страницы. Денис слушал и никак не хотел засыпать, периодически приводя меня в чувство: — Папа, не спи! — А вечером всё повторялось опять. Я даже стал ставить палочки на последней странице после каждого прочтения книжки. За две недели их набралось больше двадцати!

Когда мы уезжали, баба Дуся налила мне с собой десятилитровую канистру полюбившейся вишнёвой наливочки. А ещё после этого отпуска я весил 75 килограммов. Этот абсолютный рекорд остаётся не побитым мной до сих пор.

-1976-

Трусы по почте

Это было в конце семидесятых. Мы, ориентировщики, поехали на соревнования в Каменск-Уральский. Вечером пошли прогуляться по городу. В то время всеобщего дефицита в первую очередь, конечно, привлекали магазины — посмотреть, сравнить — авось и встретится что-нибудь, чего у нас не купишь.

Идём к универмагу, а навстречу идёт ещё одна наша компания. Все до-

вольные, у многих в руках свёртки. Традиционный вопрос: — Что купили? — Они говорят: — Трусы! — И показывают нам мужские семейные трусы из цветастого сатина. По рубль двадцать. Мы поспешили к магазину, но он уже оказался закрытым. Больше всех расстроился Володя Павлов. Но парень он был настойчивый, и, не долго думая, останавливает проходившую мимо девушку: — Извините, Вы в этом городе живёте? Можно Вас попросить об одном деле? — Девушка удивлённо обводит глазами нашу компанию:

— Да, а что?

— Видите ли, мы спортсмены из другого города, и завтра уезжаем, а нам хотелось кое-что купить в вашем магазине. Но он, к сожалению уже закрыт. Вы не могли бы сделать покупку и прислать по почте? Я Вам оставлю деньги и адрес. — Девушка нерешительно произносит:

— Ну, если вам очень нужно...

— Нужно очень!

— А что купить — то?

— Трусы мужские, цветастые, размер 48-50, по рубль двадцать.

Девушка в смущении смотрит то на Павлова, то на нас — не розыгрыш ли это. Володя продолжает: — Я даю Вам три рубля. Купите, пожалуйста, двое трусов. Вот мой адрес.

Через неделю Володя получил бандероль с трусами.

-1976-

Как себя вести

Было время, когда хорошие книги были в дефиците. Все за ними охотились и приобретали разными путями: сдавали макулатуру, участвовали в лотереях, покупали у спекулянтов, подкатывались к работникам торговли, стояли в очередях за подпиской, ездили по деревням, привозили из Москвы.

И мы тоже пополняли нашу библиотеку по мере своих возможностей: и макулатуру собирали, и в лотерею играли. Кстати у Дениса была самая лёгкая рука. Много книг мы привезли из Молдавии. Несколько посылок с книгами я отправил из Узбекистана, будучи в отпуске.

Особенно мне нравилась книга «Как себя вести» про этикет, про правила хорошего тона.

Однажды кто-то взял её почитать и не вернул.

-1977-

Тамбур за тридцать рублей

Как-то в самом начале нашей семейной жизни мы на несколько дней приехали к родителям. И Ханан Ефимович попросил меня сделать потолок и тамбур в овощной яме у него в гараже. Мы поставили опалубку, уложили арматуру, залили бетоном. Когда бетон схватился, я стал выкладывать из кирпича тамбур. Работа мне была знакома, поскольку в стройотряде я работал каменщиком.

Вот я стою на лестнице по грудь в яме и ряд за рядом кладу кирпичи. Ханан Ефимович на месте не стоит — то кирпич подаст, то раствор, то на солнышко выйдет поздороваться с кем-нибудь из соседей. В очередной раз он ушёл, и долго его не было. Слышу — идёт с каким-то мужиком, и они разговаривают на ходу. Речь идёт о том, что мужику тоже делают тамбур в яму, и что он договорился с работником о цене в пятьдесят рублей. Они подошли к яме. А у меня: кирпичи — по уровню, внутренние углы — по отвесу, швы — расшиты по сырому раствору! Мужик посмотрел и спрашивает: — Ты своему сколько пообещал? — Ханан Ефимович не моргнул глазом: — Тридцать рублей! — Мужик постоял немного и ушёл. Через пять минут слышу скандал:

— Жмот! Полтинника ему жалко! Сам делай свою яму!

А в ответ:

— Хапуга! Иди отсюда! Посмотри, как парень кладёт за 30 рублей!

Я иногда спускаюсь в яму, смотрю на знакомые кирпичи и думаю: — Хорошо ещё, что дед сказал — за тридцать рублей, а мог бы сказать и за бутылку. Вот бы мужик-то расстроился!

-1977-

Быть благородным приятно

Проходили очередные областные соревнования по летнему ориентированию. Я бежал по второй группе. Бежалось легко, и всё получалось — я выходил на контрольные пункты безошибочно. К концу дистанции я уже чувствовал, что могу быть в лидерах. От последнего пункта на финиш вела маркировка. Взять его было не сложно. Вот и КП. Подбегаю к нему одновременно с какой-то спортсменкой. Карандаш для отметки — один (тогда ещё ставили крестики на картах). Я притормаживаю и показываю рукой — мол, пожалуйста, сударыня, только после Вас. — Она сказала: — Спасибо. — Мы отметились и рванули на финиш.

На награждении оказалось, что я выиграл по второй группе, а среди женщин победительницей стала моя знакомая с последнего КП. Мне не стыдно было помахать ей рукой.

На этих соревнованиях я выполнил первый разряд.

-1978-

О пользе бега

Это было летом 1978 года. Разгар «холодной войны», противостояние двух сверхдержав, строжайший режим секретности — ну и так далее.

Однажды на обеде в столовой ко мне подошёл Володя Ломов и попросил сочинить несколько строк одному хорошему человеку, Черепахину, которого они провожают на пенсию и купили в подарок электродрель. Я его в глаза не видел, этого Черепахина, но Ломову отказать не смог.

В конце рабочего дня, когда уже все дела были сделаны, я засел за сочинение. И пошла масть, да так удачно, что к тому моменту, когда дежурный стал всех выгонять из помещения, я уже все написал. Здесь я поясню для молодых. Существовал определенный порядок закрывания режимных помещений. Дежурный осматривал комнаты и громко оглашал, что «двери закрываются», потом звонил в комендатуру и предупреждал, что ставит помещение на сигнализацию, сообщал показания кодового устройства, потом закрывал и опечатывал двери, ключи складывал в пенал, опечатывал пенал, потом относил его дежурному коменданту и сдавал под роспись. При открывании процедура повторялась в обратном порядке.

Ну, так вот. Счастливый и довольный собой я покинул рабочее место и через полчаса уже был дома по улице Комсомольской. Попил чайку и решил переписать свои вирши набело. Хвать, а черновика нет — оставил на рабочем столе. Стал восстанавливать по памяти и вспомнил почти весь текст кроме двух строчек. Две строчки ну никак не ложились на бумагу. Но ведь они же были на черновике! Вдруг в дверь позвонили. Открываю — стоит Никифоров Валерий Николаевич, смотрит на меня зверскими глазами и беззвучно, одними губами, яростно изображает слова, которые понятны и без звука. Меня как громом поразило: я не сдал чемодан с документами в секретную часть!!! До пяти часов (конец рабочего дня у спецчасти) оставалось 25 минут!

Никогда, не до, не после этого дня, я не добирался до работы быстрее. Залетаю в здание 52 с ключами. Под дверью стоит инспектор 1-го отдела Киршина Майя Федоровна и повторяет: «Ну, Березин! Ну, Березин!». Под этот рефрен я вскрываю помещение — занятие не быстрое, (вы помните — да?). Майя Федоровна оттирает меня от дверей и мчится в мою комнату, видимо, ожидая застать проявление преступной халатности во всей красе. Забегаем в комнату — все чисто: никаких разбросанных документов, только на столе лежит мой одинокий черновик. Мы — к сейфу. Сейф закрыт и опечатан. «Открывай!» Открываю сейф. Чемодан на месте и тоже опечатан. «Открывай!» Открываю чемодан. Все журналы в целости и сохранности. Майя Федоровна взялась за телефон, чтобы доложить своему начальству, а я — к столу, где черновик. При всей завидности моего положения мне не терпелось скорее прочитать эти две злополучные строчки.

В итоге дело кончилось устным предупреждением. Может быть потому, что я тогда быстро бежал. А того хорошего человека очень тепло поздравили, и он остался, говорят, очень доволен. Вот такая история.

Собрались ненадолго у Макаровых небольшой компанией, чтобы принять по чуть-чуть и куда-то пойти. Татьяна быстро поставила на стол бутылку вина, посуду, а про закуску забыла. Мы выпили, поговорили. И я говорю: — А давайте ещё раз выпьем и опять не закусим.

Велосипед за пять копеек

Когда Денису исполнилось семь лет, мы купили ему велосипед «Школьник». Что называется — на вырост. Он быстро его освоил и катался в соседних дворах сначала под нашим присмотром, а потом самостоятельно.

Однажды он появился домой весь в слезах и сказал, что у него украли велосипед.

— Как украли?! — И Денис, рыдая, рассказал, что он катался во дворе, что подошли мальчишки и попросили покататься, что он сначала не давал, а потом они предложили ему пять копеек, и он разрешил. Мальчишки сели на велосипед, сделали круг и уехали.

Мы обошли с Денисом соседние дворы — бесполезно. Денис хлюпал носом, а я вспоминал, как я в тринадцать лет точно также бегал по улицам Тобольска в поисках своего новенького велосипеда, который у меня угнали от аптеки, куда я зашёл на пять минут, чтобы купить для матери лекарство. Угнали без компенсации. А тут — пять копеек! Всё-таки не задаром.

-1979-

Денискин поход на лыжах

В конце семидесятых мы довольно тесно дружили с челябинцами. В семьдесят девятом году они пригласили нас в домик под Вишнёвогорском. Денису не было ещё семи лет. Мы доехали до Верхнего Уфалея, встали на лыжи и пошли в избу. Пройти предстояло 25 километров. Для нас это не было проблемой, но для Дениса было большим испытанием. Мы знали, что Денис при желании способен на многие подвиги, но при отсутствии интереса его было трудно уговорить. Мы готовились к тому, что будем тащить его на себе.

Однако наши опасения были напрасными. Денис бодро шагал вместе со всеми. На второй половине он стал заметно сдавать, но продолжал идти при поддержке всего коллектива. Километра за три до цели мы увидели челябинцев, которые выдвинулись нам навстречу. Остаток пути Денис преодолел, сидя на плечах у Койнова.

В избе Денису торжественно вручили значок «Юный турист». А может — «Юный альпинист» — не помню.

-1979-

Как я не стал чемпионом Спартакиады

Мне исполнилось 29 лет, и я решил сменить ориентирование на многоборье ГТО. Ориентированием я занимался уже четыре года, а до наших мастеров мне было — как до Луны пешком. Зато на всех контрольных тренировках я набирал наибольшую сумму очков в беге, прыжках, плавании. И я позвонил на стадион. Мне сказали, чтобы я приходил на тренировку многоборцев. На первых же городских соревнованиях я набрал 102 очка — это было выше первого разряда — и закрепился в сборной города.

Мы усиленно тренировались. Нас освобождали от работы с мая по сентябрь — пять видов тренировать после работы невозможно. В августе был главный старт: Спартакиада закрытых городов. Мы поехали в Жёлтые воды. В нашей команде в возрасте 29-39 лет — «Физическое совершенство» — было три человека: Коля Пантелеев, бывший десятиборец, чемпион области; Володя Виноградов — очень сильный средневик — и я. Пантюха был безусловный лидер, а мы с Виноградовым — где-то на равных.

Накануне отъезда я зашёл в тир, получил разрешение на оружие, взял винтовку и патроны. Почему-то решили взять (или дать) только одну винтовку, хотя мы всегда стреляли из двух — «эсэмки» и Урала. Мне больше нравился Урал. А пришлось взять «эсэмку».

Наутро мы сели в электричку до Свердловска. На вокзале пересели на экспресс до Кольцово. Винтовку я положил на полку для багажа. В аэропорту мы выгрузились, автобус уехал, и мы с ужасом обнаружили, что винтовки среди вещей нет! Она уехала в автобусе! Что делать? По телефону мы дозвонились до диспетчерской, выяснили номер автобуса, фамилию шофёра. Оказалось, что он уже сменился. Нам дали его адрес, и я поехал искать его где-то на Посадской. Нашёл. Звоню в дверь, открывает мужик в трусах. Я выдыхаю: — Винтовка где? — Мужик молча протягивает руку за дверь и подаёт винтовку. И всё! И никаких вопросов! Дальше мы без приключений добрались до Жёлтых вод. Приключения начались позже.

В первый день соревнований выяснилось, что пропал Пантюха. До соревнований осталось полтора часа, а его нет. Женя Космынин, старший тренер команды, подождал, сколько мог и вычеркнул его из заявки. В команде остались я и Виноградов.

Первый вид — сто метров. 12,5 — личный рекорд! Второй вид — метание гранаты. 59 метров — личный рекорд! Третий вид — плавание на сто метров. 1 минута 16 секунд — второй результат в моей биографии. У меня кураж. Соперники уже поглядывают в мою сторону, наводят справки — кто такой? Откуда? Как стреляет? Как бежит?

И вот четвёртый вид — стрельба из малокалиберной винтовки на 50 метров десятью патронами. Мой среднестатистический результат 93 очка. Этого было бы достаточно, чтобы сохранить лидерство. А вдруг больше? Тогда можно рассчитывать на победу! Правда, неизвестно как стрельнут соперники. Осо-

бенно ребята из Факела. А стреляют они здорово! Ведь у них тренер — мастер спорта по стрельбе, а у нас — мастера спорта по биатлону Лёня Пенских и Стас Чернобровкин. У них винтовки с кольцевыми прицелами, а у нас со шпёнками. У них куртки кожаные, а у нас — брезентухи.

Вызывают нашу смену. Укладываюсь на мат с неродной винтовкой. Сзади Стас Чернобровкин с трубой. У нас с ним договорённость: если «десятка», то он говорит — «Продолжай», если «девятка», то предупреждает: — «Внимательней!». Про «восьмёрки» мы даже не говорили. И вот я начинаю стрелять. «Внимательней. Внимательней! Внимательней!!» Да что такое! Я оборачиваюсь к Стасу. Он разводит руками: — Не понятно, какую поправку делать. Стреляй дальше.

Стреляю дальше. Уже нет «дыхания ребёнка», «нежности спуска», «расслабухи», появился пульс. Домучиваю серию до конца. 89 очков! Всё! Это провал!

На кросс я вышел обречённым. 3000 метров — это не тот вид, где можно случайно выиграть у соперников, которые на голову сильнее. Хотя ты умри. Чудес не бывает.

Кросс выиграл Володя Виноградов и резко поднялся с конца протокола в его середину. Рядом со мной.

-1979-

После какого-то официального мероприятия идём с Валерой Никифоровым домой, в костюмах, при галстуках.

— *Зайдём?*

— *Зайдём.*

— *Сфотографируйте нас, пожалуйста.*

— *Вам на паспорт?*

— ***Нам на память!***

Кто быстрее

Начиная с конца семидесятых годов, я регулярно бегал на работу в спортивном костюме. Туда — почти пять километров с улицы Комсомольской до 52-го здания и, соответственно, обратно — столько же. В спокойном темпе я тратил на дорогу 25 минут. Многие считали это блажью и говорили, что на автобусе быстрее и комфортней, а на своей машине — тем более.

Однажды утром я выбегаю из дома, бегу вниз по Комсомольской мимо почты, овощного магазина и вижу, как мой коллега Валера Никифоров садится в машину. Он тогда жил над четвёртым гастрономом и машину оставлял напротив овощного, где потом было фотоателье Дьякова, а сейчас ювелирный магазин «585». Я помахал Валере рукой — мы поняли друг друга — и соревнование началось.

Мне надо было пробежать чуть больше четырёх километров с единственной заминкой на проходной. А Валере надо было доехать до проходной, припарковать машину, пройти проходную и ещё больше километра протоптать пешком по территории комбината. Короче, я догнал его на диагонали от семидесятого цеха к двадцать четвёртому — это примерно середина отрезка от проходной до 52-го здания. Валера был сильно удивлён. Когда мы встретились на рабочем месте, он сказал, что ехал быстро и только один раз стоял перед светофором.

Дело на этом не кончилось. С работы мы опять вышли вместе и опять включились в соревнование. Через шестнадцать с половиной минут я был у подъезда. Валера появился через полторы минуты. Вопрос о том, кто быстрее — был снят.

-1979-

Идёт открытие Спартакиады закрытых городов по многоборью ГТО в г. Жёлтые воды. Центральный стадион, зрители, диктор, музыка. Десять девушек в национальных нарядах преподносят командам хлеб-соль. Я в своей команде стою первым. Ко мне подходит девушка, делает реверанс и, очаровательно улыбаясь, протягивает мне рушник. Я галантно принимаю, улыбаясь во весь рот:

- Спасибо!
- Пожалуйста!
- А поцеловать?
- **Обойдётсяя!**

Городошный опыт

В молодые годы я часто выступал на соревнованиях за свой отдел и закрывал многие виды: лёгкая атлетика, плавание, лыжи, ориентирование, стрельба. И вот однажды не хватило одного человека в команду городошников, и пригласили меня. Мне не надо было объяснять — что такое честь отдела, зачёт, незачёт — я сам это объяснял многим и много раз. Короче, я согласился. Тем более что в нашей деревне городки были очень популярны. Да и гранату я метал неслабо.

Первое, что меня удивило — это биты, тяжёлые и длинные. Их можно было (и, главное, нужно было) метать только прямой рукой. А у меня была другая манера: я метал биты как гранату, сгибая руку в локте. Ведь в нашей деревне биты были короткие и лёгкие — из подходящих палок. Наши городошники наскоро показали мне технику метания бит и напомнили правила.

Городошники обычно играют двумя комплектами городков: один комплект в игре, а другой — наготове, в двух шагах от города. Когда выбивают фигуру (а хорошие городошники делают это с одного — двух ударов), то, экономя

время, тут же ставят приготовленный второй комплект.

Игра началась. Летают биты. Свободные игроки собирают выбитые городки прямо в процессе игры и делают это на грани фола, с некоторой бравадой — дескать, мы же знаем, что вы классные игроки и кладёте биты точно в цель.

Наступила моя очередь. Я прицелился, замахнулся и первым же ударом вынес все... запасные городки. Никто и бровью не повёл. Но когда я взял вторую биту, все как-то рассредоточились и постарались встать кто — за столб, кто — за скамейку.

Чем закончилась игра — я не помню, а вот этот эпизод запомнился.

-1979-

1981-1985

Плавать раньше, чем ходить

Когда Стасик только родился, в журнале «Физкультура и спорт» напечатали статью «Плавать раньше, чем ходить». В статье было три идеи: научить ребёнка нырять, держаться на воде и закалить. Поскольку купание детей было моей обязанностью, то я начал претворять идеи в жизнь.

Купать Стасика было одно удовольствие. Он быстро научился задерживать дыхание под водой. Было забавно смотреть, как он по команде нырял с открытыми глазами, потом выныривал, фыркал и с шумом втягивал воздух. Каждые две недели я снижал температуру воды на полградуса. Через год занятий температура была уже меньше тридцати градусов. Мама Инна смотрела на градусник, качала головой и говорила:

— Простудишь мне ребёнка — я не знаю, что с тобой сделаю!

И тут в гости приехали родители. Наступил вечер, я стал готовить ванну. Вера Петровна, напевая, ходила по квартире и наблюдала за процессом. Она ни во что не вмешивалась, но всё подмечала и приговаривала — какой я молодец! Когда ванна была готова, я пошёл за Стасиком и вдруг слышу тётчин вскрик:

— Санька, я тебя убью!

Что такое!? Подскакиваю к ванной, смотрю — Вера Петровна держит в руках градусник и, не веря своим глазам, окунает в ванну свой локоть.

— Двадцать восемь градусов! Ты с ума сошёл!

Стоило большого труда уговорить её, что всё нормально. Я стал купать Стасика. Он вёл себя хорошо, и мы продемонстрировали бабе Вере, как мы умеем плавать и нырять. Она ойкала, всплёскивала руками и награждала нас разными эпитетами, которые становились всё мягче и приятнее.

-1981-

Едем с работы в переполненном автобусе. Рядом со мной держится за поручень Юра Калмаков — мой хороший знакомый со студенческих времён. Говорим то про женщин, то про машины. После очередной небольшой паузы я спрашиваю: — Ты, всё-таки, какое противоугонное средство считаешь самым надёжным? Юра пожал плечом:

— Трое детей, наверное.

Пять ступеней отношений

Дениса мы выращивали по книжкам, а Стасика растили по наитию. Со Стасиком я придумал теорию ступенчатости отношений. Всего ступеней подразумевалось пять.

Первая ступень: ребёнок — сам по себе, родители — сами по себе. Ребёнок родителей не видит и не слышит. У родителей полная свобода действий, но нужно слушать и посматривать, только незаметно.

Вторая ступень: ребёнок должен видеть родителей. У родителей полная свобода действий, но в пределах комнаты с ребёнком.

Третья ступень: ребёнок требует общения, но пока на расстоянии. В это время с ним надо разговаривать, петь. У родителей занята голова, но свободны руки.

Четвёртая ступень: контактное общение. Ребёнок рядом с родителями или на коленях, или на руках. Они разговаривают, читают, рисуют, поют, лепят, мастерят. Свободы действий у родителей практически нет.

Пятая ступень: ребёнка тискают, подбрасывают, щекочут, с ним бесятся, играют, смешат. Ребёнок возбуждается. Родители больше ничем не могут заниматься.

По моей теории отношения могут переходить только с низшей ступени на высшую. Назад хода нет. Ребёнок этого не позволяет. Как говорится — после сладкого не захочешь горького. Поэтому я старался, как можно дольше продержаться на низших ступенях общения. Только так можно было что-то успевать делать, или отдыхать, или тянуть время. Однако движение вверх неотвратимо. За пятой ступенью обязательно следуют кормление и сон. После сна всё начинается сначала, и ребёнка можно опять оставлять одного.

Я строго следовал этой теории и пресекал все попытки окружающих перескочить на следующую ступень или, что ещё хуже, через несколько ступеней. Исключение делалось только для деда. Он проходил мимо спокойно играющего Стасика и непременно исполнял: — Лы-лы-лы-лы...!

Теория работала практически без сбоев. Благодаря ей мы выдерживали длительные переезды на электричке, в автобусах, ожидания в очередях. И все вокруг удивлялись — какой спокойный ребёнок!

Они ничего не знали о моей теории.

Регулировка карбюратора

Когда у нас появилась первая машина — красные Жигули тринадцатой модели, я первое время катался на ней с Воликом Ванюхиным, исполнявшим роль инструктора. В один из вечеров, когда мы, накатавшись по городу, поставили машину в гараж, Волик предложил: — Давай обороты холостого ходаотрегулируем. — А ты можешь? — А то! Заводи мотор. Открывай капот. Давай отвёртку. — Волик сунул отвёртку в карбюратор, покрутил: — Так лучше? — По-моему одинаково. — А так? — В распахнутом пальто, с мохеровым шарфом на шее Волик смотрелся великолепно! — Да вроде так же. — Волик покрутил ещё и сказал: — Вот так нормально. Глуши мотор.

Через пару дней я заехал на станцию техобслуживания по гарантии. Слесарь выполнил плановые операции, отдал мне машину и квитанцию с перечнем работ. В одной из строк значилось: «Регулировка оборотов холостого хода». Я неуверенно сказал: — Мы вроде карбюратор-то регулировали. — Слесарь небрежно сплюнул: — Не знаю, чего вы регулировали. Там даже заглушка не была снята.

Сейчас Владимир Викторович Ванюхин директор театра оперетты Урала.

-1983-

Быстрое отучение от соски

В возрасте полутора лет у Стасика с засыпанием не было проблем. Он, лёжа в кроватке, высасывал через соску бутылку кефира из молочной кухни, отворачивался к стенке и засыпал. Мы очень дорожили этим отлаженным процессом и каждый вечер повторяли его, соблюдая все мелочи. Дырка на соске с каждым днём становилась всё больше и, в конце концов, порвалась. Соску пришлось выбросить, а замены ей в нужный момент не нашлось. Что делать? Я отрезал от резиновой перчатки палец, выстриг в нём маленькое отверстие, натянул на бутылочку и дал Стасику. Он три раза всосал, и палец слипся. Подача кефира прекратилась. Я отнял бутылку, снял и снова надел палец и опять дал Стасику. После трёх «затяжек» палец снова слипся. Я опять запустил воздух в бутылку и предложил Стасику. Он с интересом смотрел на мои манипуляции и послушно тянул из соски — пальца. Но после десяти циклов он отвернулся, не выпив и половины бутылки.

На следующий день мы купили новую соску, но Стасик даже рот не открыл. С того дня мы стали поить его из кружки.

-1983-

К нам на Комсомольскую приехали родители на выходные. А у нас заранее были куплены билеты в цирк, и мы не могли решить — ехать или не ехать. И с родителями охота побыть, и заплаченных денег жалко. На что дед сказал: — Ну, так шо? Если поедете, вам деньги вернут?

Первая авария

Свою первую машину мы купили перед Новым 1983 годом. Это были красные Жигули тринадцатой модели. До весны машина простояла в гараже, так как начать ездить на ней зимой я не решался. Весной, когда просохли дороги, мне пришлось учиться водить машину заново. Через несколько поездок с друзьями — автомобилистами у меня появилась уверенность, которая меня и подвела: при развороте машины я не рассчитал скорость и «клюнул» дверь собственного гаража. На самой выпуклой части левого крыла возле фары образовалась ровная площадка с маленькое блюдце.

Инне я ничего не сказал, а сам не спал две ночи. Наконец собрался с духом и пошёл в гараж. Снял фару, отпилил часть черенка от лопаты, закруглил его рубанком и стал потихоньку выстукивать крыло изнутри. Постучу — погляжу, опять постучу. Я постепенно увлёкся и не заметил, как в проёме ворот появилась Инна (у неё была вечерняя пробежка).

— Что ты тут делаешь?

Деваться некуда. — Вот — говорю — машину ремонтирую.

Инна обошла вокруг машины.

— Ничего себе! Давай помогу.

И всё! Ни слова упрёка! Это был один из самых трогательных моментов, который, как вспышка электросварки, ещё одним контактом соединил нас. Дальше мы взялись за дело вдвоём: я — стучал, а Инна глядела и подсказывала. Дело пошло быстрее и вскоре вмятина превратилась в сферу.

Ну, а потом наш приятель Витя Киселёв нашёл классного жестянщика, народного умельца Серёгу Бевза. Он всё отрихтовал, зашпаклевал, зашкурил и покрасил — не отличишь. В процессе этого я познакомился ещё и с Володей Санниковым. Короче, когда через неделю Инна вернулась из очередной командировки, то у нас дома она застала шумную компанию, которая весело отмечала окончание работы.

Вот так у нас появились новые хорошие знакомые. А с Володей Санниковым, его очаровательной женой Наташей и сыном Пашей мы на двух машинах в то же лето поехали в отпуск в Челябинскую область, где провели незабываемых десять дней на берегу Уфы недалеко от деревни под названием Шемаха.

-1983-

Вторая авария

Наличие двух детей и отсутствие няnek заставляло нас, порой, работать по сменам. Мы были на хорошем счету, поэтому нам шли навстречу. И вот однажды, я сижу на работе во вторую смену, вдруг — звонок. Инна плачущим голосом пытается мне рассказать, что она поцарапала машину... правую сторону... от переднего крыла до заднего... включая обе двери... когда пыталась объехать во дворе припаркованную машину... на первой передаче.

Я долго не мог поверить, что Инна, с её отменной реакцией и самообладанием, не смогла остановиться сразу, как только задела чужую машину, а продолжала скрести и ехать со скоростью пешехода.

К счастью, на переднем бампере чужой машины не осталось даже следа. А нам выплатили страховку по максимуму, включая замену дверей. Мы, конечно, двери менять не стали. Обратились к нашим знакомым умельцам, которые всё восстановили у себя в гараже. А на страховочные деньги мы очень даже хорошо погуляли всё с той же ремонтной бригадой.

-1984-

Первый раз в Первоуральске

Как-то мы с Инной решили съездить в Первоуральск на нашей первой новенькой красной машине тринадцатой модели с номером А 73-83 СФ. Это была наша первая дальняя поездка. Приехали в Первоуральск, заехали на площадь с круговым движением. Дальше нам надо было свернуть к универмагу, он был виден с площади, но он стоял на улице с разделёнными полосами движения. То есть по противоположной от магазина полосе можно было ехать только туда, а по полосе мимо магазина — только обратно. Мы сделали один круг, но не повернули направо по полосе «туда», сделали второй круг и, показывая правый поворот, остановились у полосы «обратно». Оттуда выезжал автобус. Водитель видел, что мы собираемся нарушить правила, тем не менее, махнул нам рукой — дескать, проезжайте. И мы поехали против одностороннего движения. Нас тут же остановил гаишник. Мы оба вышли из машины и в два голоса запели обычную песню, что мы не здешние, что мы ещё неопытные, что мы не знаем, как подъехать к магазину. Гаишник сказал: — Если вы заехали по ошибке не туда, так надо было свернуть на правильную сторону при первой же возможности. — Мы продолжали заливать, что так и хотели сделать, но не успели, что мы хорошие, что больше не будем... Инна исполняла свою партию очень эмоционально, искренне и разнообразно, придумывая всё новые и новые аргументы в наше оправдание. Гаишник слушал, разглядывая документы. Потом вынул компостер, прицелился и просёк дыру в талоне предупреждений. Инна тут же поменяла тональность: — Прячетесь

тут по кустам, ловите мелких нарушителей вместо того, чтобы следить за порядком на трассах, где гоняют, как сумасшедшие, где люди гибнут. — Гаишник вернул документы и потерял к нам интерес. Мы сели в машину и проехали до магазина оставшиеся пятьдесят метров по встрече.

-1984-

Как мы забыли Стасика в садике

Стасика из садика обычно забирал я. Инна в это время заходила в магазины, готовила ужин. Я мог погулять со Стасиком, а мог и оставить его во дворе. Он спокойно оставался один или с другими детьми.

Однажды мы с Инной то ли не поняли друг друга, то ли кто-то что-то напутал или забыл — не важно. Короче в садик за Стасиком не зашел ни тот, ни другой. В полной уверенности, что ребёнок гуляет во дворе, мы сели попить чайку. Времени почти семь часов — пора ребёнка загонять домой. Вдруг звонок в дверь. Открываем — на площадке стоит воспитательница и держит за руку Стасика:

— Ваш ребёнок?

— Наш! Наш!

— Он вам нужен?

— Нужен! Нужен!

— А то, если не нужен, я его себе заберу.

— Нет — нет, что Вы!

Стасик в это время выглядывал из-за воспитательницы и строил рожи — не часто увидишь, как родителей отчитывают за их провинность.

Резиновая груша

На квартире по улице Комсомольской я соорудил спортивный уголок в детской комнате: две перекладины, кольца, качели и лестницу. Это было любимое место Стасика. Он выделял там разные номера и ловко перелезал со снаряда на снаряд, стараясь не задеть пола.

Как-то я взял волейбольную камеру, наполнил её водой, засунул в детские колготки, затянул резинку и привязал к перекладине. Получилась боксерская груша. Стасик любил с неё повозиться: бил по ней руками и ногами, бодал головой, крутил, раскачивал.

И вот однажды я из коридора перехватил его хитрый взгляд, направленный на грушу. В его руках был чертёжный циркуль. Он медленно прошёлся мимо груши один раз, второй... Я украдкой наблюдал. Намерения Стасика легко читались. Он тихонечко коснулся груши иголкой, легонько провёл ею в одну сторону, потом в другую... Наконец любопытство и жажда острых ощу-

щений взяли верх, и Стасик проткнул камеру!

Фонтанчика не получилось. Колготки мешали. Но струя была обильной. Сразу образовалась приличная лужа, и Стасик закричал: — Папа, иди сюда быстрее! Я схватил ножницы, перерезал колготки и отнёс грушу в ванну, а Стасик стал собирать воду тряпкой.

Я пожурил Стасика, но не очень сильно — мне и самому было интересно посмотреть, что получится, да и груша эта уже давно надоела маме Инне.

-1985-

О, эти утренние женщины

В конце семидесятых у нас в городе организовался клуб самодеятельной песни «Горицвет». Мы выступали с концертами, ездили по фестивалям, принимали гостей из других клубов и сами ездили к ним. Наши фестивали назывались «Апрель» и «Июльские зори», у тагильчан «Зелёная лампа», у челябинцев «Листопад». Я выступал как автор и исполнитель своих песен. Постепенно клуб стал обрастать молодёжью, среди которой были очень славные и способные ребята.

И вот однажды ко мне подошли две молоденькие девушки. Одна из них была Света Пастухова, которая стала впоследствии оперной певицей и спела весь репертуар меццо-сопрано в Екатеринбургском оперном театре. Они сказали, что им нравится одна песня, но запись на плёнке такая плохая, что они в одном месте не смогли разобрать две строчки. И протянули мне текст с просьбой восстановить его. Я пообещал подумать.

На работе я собрался с мыслями (где ещё можно было сосредоточиться, как не на работе?), вошёл в образ и дописал свой вариант куплета. Спустя какое-то время я узнал, что девчонки раздобыли нормальную запись, и мой текст практически совпал с авторским.

И вот лет так через тридцать мы сплавлялись по Чусовой. С нами были Майя и Сергей Энские, оба поющие. Мы пели, хохмили, вспоминали прошлое, и когда упомянули Свету Пастухову, я рассказал этот случай. Майя сказала: — А вторая девушка была я. — Тогда я попросил её спеть. И Майя запела:

*О, эти утренние женщины,
Не то, что женщины вечерние...*

Я слушал её чистый высокий голос и чувствовал себя соавтором Ольги Качановой, которая написала эту песню.

-1985-

Собачья конура

Когда Стасику было года четыре, мы купили цветной телевизор. Он был очень большой, а коробка от него — просто огромная. Она едва поместилась под обеденным столом. Зная страсть Стасика к укромным уголкам, я сделал из коробки домик с дверью и окошками. Внутри постелил спальник. Стас натащил туда своих игрушек и подолгу играл, не вылезая. А один раз он даже там спал. Баловство, конечно, но чего не сделаешь ради того, чтоб было что вспомнить.

В очередной раз к нам приехали родители. Всё было хорошо, пока Стасик не показал свой домик и не сказал, что он там живёт и даже спит. На что тёща сказала:

— С ума сойти! Бедный ребёнок! Не родители, а чёрт — те что!

Дед подхватил тётшину тональность:

— Что это такое? Ребёнок у вас живет как собака! Там же нечем дышать! Уберите!

И я разобрал домик, демонстрируя всем, как дети должны слушаться родителей.

-1985-

Отдых в Батуми

Летом 1985 года мы решили поехать всей семьёй в отпуск по путёвке в Батуми. Денису было тринадцать лет, Стасику четыре года. С такими детьми мы уже не боялись никаких трудностей.

Нас поселили в частном секторе в семью, где было пять девчонок. Отец девочек полдня прождал, когда я предложу ему выпить, не дождался, ушёл, и больше мы его не видели. И мы остались в окружении пяти девчонок и их мамы — хромой Дарико.

Дениса в первую же ночь достали муравьи, которые ползали по полу и облепляли всё сладкое: огрызки яблок, косточки от персиков, виноград. А днём его достали пять девчонок, которые гонялись за ним с криками: «Дениська! Дениська!» К счастью для Дениса через пару дней девчонки тоже пропали куда-то.

Денис явно скучал. Мы научили его играть в преферанс, и он снисходительно соглашался иногда составить нам компанию. Зато Стасик не скучал ни минуты. Ему всё нравилось: гонять лягушек вокруг маленького озера, на котором плавали пеликаны, купаться в море и лазать, лазать без конца на столбы, бамбук, лестницы, перила. Когда не было погоды, мы гуляли по набережной. Любили посидеть в кафе за чашечкой кофе с мороженым. И слушали «Сюзанну», которую крутили каждый день по несколько раз.

В конце отпуска мы, как обычно, прогуливались вдоль набережной, встретили руководительницу нашей туристической группы и разговорились. Значит,

мы стоим — разговариваем, Денис стоит поодаль — скучает, а Стасик носится вокруг нас. Руководительница спрашивает:

— Как вам отдыхается с двумя детьми? По — моему, это так хлопотно.

— Да что вы! Никаких проблем. Сплошная идиллия.

В это время раздались странные звуки. Мы оглянулись — Стасик запустил пальцы в рот и звучно изображал рвотные позывы. Я подскочил к нему, смотрю, а он засунул в рот лист осоки, пытается его извлечь, а лист заходит всё глубже и глубже. Я ухватил осоку за самый конец и вытянул длинную травину. Стасик ещё раз громко озвучил этот процесс, вытер ладошкой рот и опять начал нарезать круги.

У руководительницы слегка округлились глаза и вытянулось лицо.

— И всё-таки, двое детей — это такая ответственность. Не дай бог, если что-то случится.

— А что может случиться? Мальчики уже большие, послушные...

И тут жизнерадостный Стасик с разбега врезался в Дениса, который стоял в любимой позе, скособенившись на одну ногу, и не ожидал нападения. Стасик подбил опорную ногу Дениса, и они вместе рухнули на траву. Я побежал их поднимать. У руководительницы глаза стали ещё больше, а лицо длиннее. Она сказала: — Да, уж! — пожелала нам хорошего отдыха и поспешила откланяться.

Чего она так разволновалась? Нормальные дети! Таких можно хоть сколько.

Через год у нас родился Максим.

-1985-

Квартира на Комсомольской 12. В гости пришла Тамара Концевая. Мы всей семьёй выстроились в коридоре. Маленький Стасик говорит:

— *Здравствуйте, тётя Тома!*

— *Здравствуй, Стасик!*

— ***Проходите. Снимите шубу, сапоги и штанишки.***

Мы желаем счастья вам

Стасик в детстве знал довольно много песен и стихов, охотно их исполнял и поэтому часто был палочкой-выручалочкой для воспитателей.

Однажды на каком-то очередном утреннике в садике дети, отпрыгав, отбегав и оттанцевав, сидели за столиками и с удовольствием уплетали пирожные. И тут воспитатель по музыке говорит: — Дети, давайте споём для наших родителей! — Она подняла руки, встряхнула ими невидимую тряпку, и дети нестройными голосами начали: — В мире, где кружится снег шальной... — Воспитательница с энтузиазмом махала тряпкой, солировала, но хор постепенно слабел, и она сказала: — Молодцы! Все молчат, никто не поёт. Стасик, давай! — И Стасик, не

прожевав до конца пирожное, запел: — Мы желаем счастья вам, счастья в этом мире большом, как солнце по утрам, пусть оно заходит в дом...» — Поющий кудрявый Стасик с напироженными щеками никого не мог оставить равнодушным, и к концу припева все уже дружно хлопали в такт.

Спустя много лет, Стас с этой песней ездил в Москву отбираться на «Фабрику звёзд». Если его попросить, он расскажет.

А ещё на свадьбу Стаса и Светы мы сделали клип. Не трудно догадаться — на какую песню.

1986-1990

Ошибочка вышла

Приближался срок Инне идти в больничку. За девочкой — как мы надеялись. Просто сидеть и ждать — было не в характере Инны, и она всё время находила себе занятия.

Вечером 11 сентября 1986 года (это был четверг) мы вышли погулять. Проходим мимо овощного магазина на улице Комсомольской, и Инна говорит: — А давай сегодня помидоры замаринуем. Тебе нравятся мои помидоры? Правда — классные?

Мы купили помидоры, зелень, лук, пришли домой и развели кухню. Через пару часов на столе красовались банки с ровненькими помидорами, которым, казалось, было очень комфортно в компании с аккуратными кружочками лука между листьями хрена и стеблями укропа. Оставалось сварить маринад, разлить по банкам и закатать. Инна посмотрела на часы: — Тебе пора спать. Давай завтра продолжим.

Я проснулся оттого, что Инна толкала меня в бок: — Сашуля, вставай. Мне пора. Вызывай скорую. — Она была одета — уже или ещё — я не спрашивал. Времени было три часа ночи. Я вызвал скорую и стал одеваться. Инна оглядывала комнаты, себя, собранный пакет, соображая — не забыла ли чего. Взгляд её упал на банки.

— Кстати, не забудь про помидоры. Сваришь маринад, один раз зальёшь, потом выльёшь, вскипятишь, опять зальёшь и закатаешь. Потом перевернешь и накроешь одеялом. Сможешь?

— Конечно, смогу. Не волнуйся. Диктуй рецепт.

— Значит так. На один литр воды... — Инна замолчала. — Ну, — думаю — вспоминает. Оборачиваюсь, а она сползает в коридоре по стенке и держится за живот: — Подожди минуточку. — Посидела на корточках, прислонившись к стене, выпрямилась и продолжила: — На один литр воды 4 столовые ложки сахара,

1 столовая ложки соли, 6 штук гвоздик, 4 листика лаврового листа, 6 горошин... перца... — Инна опять замолчала и стала сползать, прикусив губу. — Может быть тебе лечь? — предложил я, помня из военки о том, что действия могут быть неправильными, но не могут быть несвоевременными.

— Нет — нет. Сейчас пройдёт. На чём мы остановились?

— 6 горошин перца...

— Да, 6 горошин перца. Только душистого, а не чёрного.

В дверь позвонили. На пороге стояли люди в белых халатах: — Кому тут надо в больницу?

В машине скорой помощи я был возбуждён и пытался шутить, но Инна молчала или говорила, чтобы я прекратил. В роддоме она быстро со мной попрощалась, и её увели.

Утро только начиналось. Автобусы ещё не ходили. Такси тогда в городе не было. Да и зачем мне транспорт, если у меня за спиной крылья! Я прилетел домой. Стасик спит. Мне ложиться — поздно, и я приступил к привычным процедурам.

Вдруг зазвонил телефон. Я хватаю трубку:

— Алё!

— Это квартира Березиных?

— Да, да!

— У вас родился мальчик. 3950. 53 сантиметра.

— Спасибо!

Мальчик! Опять мальчик! Все куклы, бантики и шляпки мгновенно вылетели из головы. Перспектива стала конкретной.

После работы я вернулся к нашим помидорам. Сделал всё по рецепту, но через неделю они помутнели. Когда стали разбираться, то оказалось, что я не добавил уксус. В рецепте, который продиктовала Инна в ту ночь, уксуса не было.

Инна до сих пор делает классные маринованные помидоры. Это её фирма. Так же как и мальчики.

-1986-

Кто-то из подружек говорит Инне: — Я всё сделала по-твоему: добавила сахар, соль, уксус в пропорциях, которые ты мне продиктовала, и всё равно маринад такой, как у тебя не получился.

— Значит, ты ошиблась в воде.

Как мы выбирали имена детям

Все наши дети родились, когда УЗИ практически не делали. Поэтому мы до последнего дня не знали, кто родится.

Пока Денис сидел в животе, мы его звали девчоночьими именами. Когда

он появился на свет, то его сразу стали звать Денисом. Причём мама Инна начала звать первой, а я не возражал и даже был горд.

Когда родился Стасик, Денису было уже девять лет, и он тоже принимал участие в обсуждении. Мы взяли по перфокарте, и каждый написал несколько имён. Потом сравнили, и оказалось, что имя Стас присутствует у всех троих.

А Максима все девять месяцев звали разными мальчишечьими именами — чтоб не сглазить. Ведь мы рассчитывали на девочку. И когда он родился, мы призадумались. Прошла неделя, а мы всё никак не могли определиться. Тогда я взял листок, написал около сорока имён и мы стали выбирать, сравнивая имена попарно. Получилась такая турнирная пулька. Победило имя, которое нас не вдохновило. Мы ещё раз просмотрели начальный список и обнаружили, что не включили имя Максим. Его мы и выбрали без обсуждения.

-1986-

Угорели

Надо сказать, что мы с Инной, прожив вместе первые 17 лет, ни разу не ходили вместе в баню. И тут представилась такая возможность. В отсутствие Краевых, которые всем семейством уехали в Болгарию, мы жили в их избушке в деревне Головырино. Деревенский быт — сходить за водой на колонку с вёдрами и коромыслом, дров наколоть, печку истопить, на улице развесить бельё, которое Инна постирала в корыте — всё это было мне знакомо с детства, поэтому я был у семьи в авторитете. Дел было много (грибы, ягоды, заготовки), и до бани всё руки не доходили до самого последнего дня перед приездом Краевых.

Володя предупреждал меня, что их бане после того, как она протопилась, надо дать выстояться 3 часа. Я составил сценарий, согласно которому надо было истопить баню, накормить и уложить Максима (ему было 11 месяцев), попарить Дениса и Стасика, накормить их ужином и после этого уже спокойно пойти в баню вдвоём.

Вот уже мы уложили спать Максима, вот уже я парю Дениса и Стасика, вот уже одевается Денис, вот уже я помогаю одеться Стасику... И тут я чувствую, что Стасик валится на меня. Я говорю: — Сиди нормально! — поднимаю на него глаза и вижу, что он потерял сознание. А рядом сидит позеленевший Денис. Я выталкиваю Дениса на улицу, хватаю на руки Стасика и нагишом, на глазах у изумлённой жены, мчусь через двор в дом. Слава Богу, что очень скоро Денис порозовел, а Стасик открыл глаза. Однако теперь идти в баню и оставлять детей одних после того, как они угорели, мы не могли.

И тут за воротами раздалось: — Березины! Вы дома? — Это вернулись Краевы. Мы накрыли на стол, понимая, что баня накрылась медным тазом, и до поздней ночи делились впечатлениями.

Теперь у нас есть своя баня, и мы паримся вдвоём каждую субботу.

-1987-

В гараже

В гараже на Зелёном посёлке я решил углубить яму. Урывками, после работы и по выходным дням, ломом, киркой и лопатой я рыл эту яму. Грунт был средней тяжести: глина с камнями.

В тот вечер я трудился над камнем размером с небольшое ведро. Камень уже шатался, оставалось только удачно его поддеть. И тут гараж наполнился головами: это Стасик с четырьмя друзьями пришёл меня навестить. Всем — от шести до десяти лет. Начались расспросы: — А что вы делаете? А зачем? А можно нам попробовать? — Я говорю: — Можно. Вот если выкопаете этот камень, я вам дам рубль на мороженое.

Как они набросились на камень! Буквально через пять минут камень уже можно было вынимать. Что я и сделал под оглушительные крики пацанов. Я дал им рубль и их — словно ветром сдуло. Минут через десять смотрю — идут. Не спеша. У каждого по мороженке за двадцать копеек. Довольненькие. Встали у ворот, аккуратно доели мороженое и спросили — не нужно ли ещё что-нибудь сделать, — но уже без большого энтузиазма. Я сказал, что на сегодня хватит, и мы дружной компанией пошли домой.

-1987-

Поход на Висячий камень

Из всех наших детей Стасик был самый компанейский. Он часами пропадал во дворе, где у него была куча друзей. Иногда я развлекал их: катал на машине, водил в небольшие походы, научил игре «12 палочек».

Однажды мы договорились пойти на Висячий камень. В назначенный день и час вся компания в полной экипировке ждала меня у подъезда. Стас был самый маленький. Мы прошли через Билимбаевскую проходную, свернули направо, по лесной дороге поднялись до просеки и по этой просеке в направлении «Юг» сначала спустились, а потом поднялись на скальный выход под названием «Висячий камень». Перед нами открылась чудесная картина, на которой были видны город, Верх-нейвинский пруд, озеро Таватуй, Лешачьи лога. Пацаны были в восторге! Перебивая друг друга, они находили знакомые улицы и дома.

Потом мы устроили соревнования по скалолазанию на время. Сколько было страсти и азарта! Все разгорячились. И проголодались. Мы развели костёр, перекусили бутербродами. Пока перекусывали, испеклась картошка. Я достал картошку и сложил её в сторонке, чтоб она остыла. В это время кто-то увидел птицу в кустах недалеко от нас и закричал: «Смотрите, смотрите!». Все вскочили, а Стасик прыгал сзади и кричал: «Где? Где?». Наконец птица улетела, все повернулись к костру и увидели, что Стасик прыгал по картошке. Пацаны разъярённо посмотрели на Стасика, на меня, потом опять на Стасика и, мучаясь вежливостью, сказали: «Ну, что же ты, Стасик? Разве так можно?». Мы почистили то, что ещё можно было почистить и с аппетитом съели.

Всю обратную дорогу мы пели пионерские и революционные песни, и мальчишки спрашивали — когда мы опять пойдём в поход?

-1987-

Человек — амфибия

Когда Стасику было лет шесть или семь, мы поехали с ним на автобусе в цирк, недавно открывшийся в Екатеринбурге (тогда ещё — Свердловске). Это было организованное профсоюзное мероприятие для работников нашего отдела и их детей. Мы посмотрели представление, которое, наверное, нам понравилось, но мне не запомнилось, и поехали обратно. А вот обратная дорога запомнилась. Когда мы устроились и пригрелись, я стал пересказывать Стасику его любимый фильм «Человек — амфибия», который он смотрел в Батуми в четырёхлетнем возрасте. Этот фильм стал его любимым фильмом из детства. И моим, кстати, тоже.

Дорога была длинная, полтора часа езды, и я рассказывал так же длинно и неспеша, с подробностями и отступлениями. Стасик слушал, не перебивая. Народ в автобусе подобрался не шумный и меня, видимо, было хорошо слышно. Когда я расписал последнюю сцену прощания Гутиэры с Ихтиандром и замолчал, на ближайших сиденьях захлопали. Через пять минут мы подъехали к проходной.

-1987-

Как я заблудился

Однажды я решил после работы сгонять в лес за грибами. Сел на спортивный велосипед «Спутник» и поехал на Перевал по дороге на зиловские сады, мимо стрельбища. На самом верху горы я спрятал велосипед в кустах и пошёл от дороги вправо.

Грибов было небогато, и я углублялся всё дальше и дальше в Лешачьи лога. Пора уже было возвращаться домой, но я решил проверить ещё одно место и перебрался через низину в сторону от дороги. Покрутился, покрутился и потерял направление. Я знал, что мне не надо на запад. Все остальные направления выведут меня в знакомые места. Но у меня не было компаса, а все остальные приметы — мох на деревьях, ветки, муравейники — очень ненадёжные ориентиры.

Стало совсем темно. Оставалась надежда на луну и звёзды. Но небо было затянуто облаками. И только поздно ночью в просвете между ними на несколько секунд появилась луна. Я быстро выбрал нужное направление, по крайней мере, не западное, и ломанулсЯ напрямик, глядя больше на верхушки деревьев, чем под ноги. Когда начало светать, я узнал дорогу, по которой мы зимой катаемся к шалашу. Она привела меня в город через западную проходную.

Было раннее утро. На улице стали попадаться сонные граждане, выгулива-

ющие собак. Запомнился один мужик, который очень удивился, увидев в моих руках корзинку с грибами в столь ранний час. Он, наверное, подумал, что грибы в лесу можно косить косой — не ночью же я их собирал.

Я подбежал к дому. Во дворе стояла мусорная машина, и люди деловито выколачивали вёдра. Я позвонил в дверь, её тут же открыла Инна, на которой не было лица и голоса тоже.

— Ты где был? — прошептала она.

— Давай мусор. Потом расскажу.

— Звони Голику (начальнику лаборатории), тебя всю ночь искали.

Я, конечно, позвонил, и к моему приходу на работу все уже всё знали.

После работы я поднялся на Перевал, нашёл велосипед и поехал домой. Грибов не хотелось.

-1988-

Максимка: «Папа, я уже выспался весь»!

Бег с отягощением

Максима я таскал на руках почти до трёх лет — уж так он не хотел ходить своими ногами, особенно по лестницам (а жили мы на пятом этаже, без лифта). Поэтому я был в хорошей спортивной форме.

Однажды зимой я забрал Максима из садика (около стелы) и мы пошли на остановку автобуса к магазину «Лотос». Мы спешили на ужин в профилакторий «Изумруд», где семьёй «отдыхали от кастрюль» по профсоюзной путёвке. Путёвки тогда были дешёвые и пользовались спросом, так как кроме бесплатных процедур ещё и позволяли сэкономить на питании. На остановке стояла куча народа. Подошёл переполненный автобус, и понял, что мы на него не сядем. Я схватил Максима на руки и дёрнул на следующую остановку около четвертого гастронома. Расчёт был простой: пока люди выйдут, пока зайдут, пока автобус проедет эти четыреста метров, пока опять же люди выйдут, начнут садиться, авось мы и успеем. Успели. И на автобус, и на ужин. Только я вспотел немного.

-1989-

С чемоданом по Белой

Летом 1990-го года мы с Инной, Стасиком и Максимом в составе большой группы туристов первый раз сплавлялись по реке Белой в Башкирии. Поскольку у нас было двое детей и куча детского барахла, то мы решили взять с собой чемодан. Большой коричневый чемодан с металлическими уголками, который пять лет простоял у меня в общежитии под кроватью. Он сразу привлёк внимание

бывалых туристов и стал предметом дружеских шуток. Однако на сплаве отношение к чемодану изменилось: за ним очень удобно было есть и пить, в нём легко было найти носки — трусы — майки, на нём сидели, лежали и играли наши дети на катамаране. А вечером мы выставляли чемодан к костру, и это означало, что взрослым пора нести кружки.

Короче, в конце похода каждый второй сказал, чтобы мы на следующий сплав обязательно взяли с собой чемодан.

-1990-

1991-1995

Учительница в классе частенько нас одёргивала: «Что вы кричите? Вы же не в лесу!».

А однажды в тайге, когда мы сидели у костра, Валера Иванов строго сказал кому-то из нас: «Тихо, ты! Не кричи! Мы же в лесу!»

Одним выстрелом двух зайцев

Как-то в компании с Валерой Ивановым, Володи Коршуновым и Серёгой Куприяновым мы ездили на север за брусникой. В этот раз мы доехали до Лявдинки и по бывшей узкоколейке, от которой осталась только насыпь, ушли километров на 16 к западу от железки, вглубь тайги и болот. Мои компаньоны были народ бывалый, поэтому предусмотрели всё: пайвы и хапуги для ягод — само собой, решето для орехов, полиэтилен для балагана, ружья, котлы и даже сковородку. Всё это мы везли на самодельной телеге на резиновом ходу.

Выбрали место, обустроили лагерь, и началась знакомая лесная жизнь. Погода была отличная, ягод было не очень много, но по два ведра в день мы собирали. Иногда удавалось подстрелить глухаря или кополуху, и Иванов устраивал нам шикарный ужин.

В один из вечеров, когда все были заняты своими обязанностями, Серёга Куприянов взял ружьё и сказал: — Пойду, прогуляюсь. — Минут через десять слышался выстрел. Один — это отметили все. Прошло ещё минут пять, и из-за деревьев показался Серёга с добычей. Подошёл к костру и молча бросил на траву двух зайцев. Насладившись произведённым эффектом, он стал рассказывать: — Выхожу я, значит, на дорогу, гляжу — сидит заяц, а к нему ковыляет ещё один и садится рядом, но лицом в другую сторону. Было такое впечатление, что они сидят носом к носу. Я пальнул — и оба зайца упали. — Нам не хотелось верить и признавать этот случай уникальным, а Серёге ставить памятник при жизни. Мы понимали, что на наших глазах рождается легенда. Но деваться было некуда: выстрел дей-

ствительно был один — и перед нами лежали два зайца. — Надо же, хватило ума не выстрелить второй раз! — с лёгким сожалением констатировал Иванов.

Теперь это любимая Серёгина история, и она всё-таки стала легендой. При мне только он рассказывал её несколько раз.

А ещё эта поездка запомнилась тем, что мы уехали из одной страны, а вернулись в другую. Это был август 91-го.

-1991-

Дядя Вася Мезенин, сосед в деревне, часто говорил с юморком:

— Всё работаешь, да работаешь... Отдохни, а то завтра будет нечего делать, если сегодня всё переделаешь.

— Дядя Вася, переделать всё невозможно!

— А чего тогда стараться?

Весенние запруды в Галашках

На протяжении 20 лет у нас был дом в деревне Большие Галашки, что находится в охранной зоне Висимского заповедника на берегу реки Сулём. Первые десять лет мы ездили туда особенно часто, и по весне дождаться не могли, когда дорога в деревню станет проезжей. Обычно это было в середине-конце апреля, когда дорога освобождалась от снега, но на полях и в лесу снега ещё было полно. В один из таких апрельских дней мы приехали в деревню. Мы с Инной занялись домом, а Стасик — ему тогда было лет десять — взял лопату и пошёл пускать ручьи. Стоял по-весеннему солнечный день, повсюду журчала вода, и Стасику было раздолье. В резиновых сапогах, в рыжем пуховичке, с лопатой выше его — он сам походил на солнышко или на колобка.

Надо сказать, что у Сулёма огромная площадь водосбора. В иные годы по весне его уровень поднимался на девять метров! Для того чтобы вода не затекала во дворы, по всей деревне были прокопаны канавы. Стасик сначала помогал воде найти свои русла, а потом стал перекрывать ручьи снегом, наблюдая, как вода обходит препятствия. Постепенно плотины становились всё выше, а бассейны всё больше. И вот уже на дороге образовалось целое озеро. Стасик вошёл в азарт, предвкушая, как вода прорвёт плотину и какой будет поток — целая река! Тут из дома через дорогу на улицу вышла Улита Ивановна, с которой деревенские старались не связываться из-за её строгого характера. Она вышла посмотреть — откуда её топит. Она увидела стасикино сооружение и сразу оценила обстановку: — Ты чего тут понастроил? Ну-ка убирай всё! — И Стасик тут же начал рушить плотину. Поток всё же получился. И не слабый.

-1992-

По дороге в Геленджик

Когда Стасик учился в третьем классе, мы собрались поехать с ним в зимние каникулы по путёвке «Мать и дитя» в санаторий под названием «Голубая даль», что под Геленджиком. У нас в это время стояли трескучие январские морозы, и мы с нетерпением ждали дня отъезда, чтобы переехать из зимы в лето, или хотя бы в осень.

Наконец, день отъезда настал. Мы загрузились в автобус и поехали в аэропорт. Приключения начались с первых же минут. Сначала на моих глазах женщина оторвала у своей сумки ручку. Я тут же достал кусок киперной ленты, перочинный нож и за две минуты привязал ручку.

Потом начались проблемы с отоплением салона, и мы начали медленно замерзать. Из дополнительных тёплых вещей у нас был только свитер — ведь мы ехали на юг. Этим свитером я укутал Стасику ноги. В пути автобус пару раз останавливался, шофёр чего-то отогревал, а на железнодорожном вокзале сказал, что в Кольцово не поедет.

До конца регистрации оставалось полчаса. «Голубая даль» стала стремительно удаляться от нас. Не теряя времени и не торгуясь, мы прыгнули в машину к первому подвернувшемуся бомбиле и погнались. До Кольцово мы доехали за двадцать минут и тридцать рублей — почти половина моего ежемесячного аванса.

Ну, а дальше всё было здорово, и через несколько часов мы были на месте. Температура воздуха была плюс четырнадцать градусов, и жизнь стала налаживаться.

-1992-

Костёр в Геленджике

Когда Стасик учился в третьем классе, мы в зимние каникулы отдыхали с ним в санатории «Голубая даль» под Геленджиком. Наш отпуск выходил за рамки каникул, поэтому Стасик каждый день делал домашнее задание, а я проверял. Но мы не только учились. Культурно-массовая работа тогда была на уровне: конкурсы, эстафеты, художественная самодеятельность. Мы везде участвовали и вскоре Стасика уже все знали и везде приглашали.

Было у него ещё одно развлечение — лазание. Он залезал на всё, на что можно было залезть и на детской площадке, и не только на ней, чем развлекал скучающую публику.

А ещё мы ходили на море. Иногда там были огромные волны, которые перехлёстывали через бетонные ограждения, и было страшно подходить к краю набережной. А иногда море было спокойным, и редкая публика слонялась вдоль самого берега.

В один из таких спокойных дней мы пришли на берег и обратили внимание, что он был страшно замусорен. Я развёл маленький костер, и мы со Стасиком стали бросать в него сначала палочки, потом дощечки, потом куски деревьев. Потом в костер полетели пакеты, упаковки, шлёпанцы, пластиковые бутылки и прочий мусор. К нам подключились другие дети, и стало очень похоже на субботник. Вокруг стояли взрослые и говорили: — Какие молодцы! Вот если бы все дети были такими! — Через час у нас горел такой костёр, что к нему было жарко подойти. Берег стал заметно чище. А когда стало темнеть, к нам подошла служба береговой охраны и сказала, чтобы мы затушили костёр, потому что корабли его могут принять за маяк и сбиться с курса. А рядом — Турция.

На следующий день мы пришли на берег и посмотрели на наш размытый костёр. К берегу прибывало новые порции мусора.

-1992-

*В деревне коротаем вечер. Максим от души, в голос, зевнул. Я посмотрел в его сторону. Он сказал: — **Это я зевнул и закрыл за собой рот.***

Участие Максима в конкурсе поделок

Максиму с детства нравилось мастерить. У него был детский набор инструментов, а в деревне — своя мастерская на чердаке. В городской квартире он отводил душу тем, что забивал настоящие гвозди настоящим молотком в деревянный пенёк просто так или приколачивал к нему разные дощечки, палочки, пробки. Со временем пенёк ошетинился и стал небезопасен, и я выставил его на балкон. Но и там он иногда напоминал о себе своими острыми углами.

И вот в садике объявили конкурс детских поделок. Многие родители прониклись и включились, а мы всё тянули и тянули. Воспитатели каждый день напоминали нам о конкурсе. И у меня появилась мысль. Я говорю:

— Максим, давай отдадим на выставку твой пенёк. Только его надо как-то назвать.

Я достал пенёк, на балконе сразу стало просторно. Максим со Стасом придумали название — что-то типа «Радиоуправляемая модель звездолёта с двигателем и антенной», приколотили ещё пару дощечек для похожести, прикрепили табличку с названием, и на следующий день я отвёз наш экспонат в садик. Когда я отдавал его воспитательнице, она как-то странно посмотрела на меня, но ничего не сказала.

Вскоре открылась выставка. Там были настоящие произведения народного творчества. Многие из них были настолько хороши, что вряд ли по силам иным родителям. Это были вышивки, мягкие игрушки, модели, рисунки, поделки из природных материалов. Не было только нашего звездолёта. Но мы не обиделись.

Прошёл месяц или два. Мы уже привыкли ходить по балкону без опаски и тут воспитательница говорит:

— Александр Денисович, заберите, пожалуйста, вашу поделку.

Мы пошли на склад, где среди стульев и столов пылился наш звездолёт. Я взял наше детище и осторожно погрузил в машину. Со стороны могло показаться, что я укладываю хрустальную вазу.

Куда я пристроил наш звездолёт — в памяти стёрлось, но сохранилась эта история.

Купили прицеп

В начале девяностых мы каждые выходные ездили в деревню Большие Галашки. Строились, выращивали урожай — машина всегда была перегружена. Однажды едем в свою деревню, и я, размышляя вслух, сказал: — Было бы неплохо нам купить прицеп.

Через два дня на обратном пути заезжаем на заправку в Кировграде. Инна говорит: — Смотри! — И показывает на Москвича с прицепом, на котором написано «Продаю». Мы подошли к парню, поинтересовались, он назвал цену — тысяча двести рублей. Таких денег у нас не было. Что делать? Прицеп-то хороший — омского производства, большой, с высокими бортами, с дугами и брезентовым верхом. Инна говорит: — А что, если мы вам предложим два бартерных спортивных костюма, на Вас и на Вашу жену? — И посмотрела на девушку рядом. Парень говорит:

— Маловато будет.

— Мы вам доплатим.

— Договорились.

Мы доехали до Белореченской проходной, они остались нас ждать, а мы поехали за бартером.

Взяли два костюма, темно-синих, с цветными вставками на рукавах выше локтей. Наличных денег оказалось немного, и Инна прихватила ещё вязаную кофту и золотые серёжки.

На проходной мы выложили перед парнем с девушкой костюмы — они промолчали. Мы выложили деньги — они опять промолчали. Инна выложила кофту, потом серёжки — парень сказал: — Ладно, забирайте.

Когда я приехал в ГАИ ставить прицеп на учёт, вокруг собрались любопытные. Инспектор сверил номера и спросил: — А почему у вас резина лысая?

-1992-

Потеряли прицеп

Едем в деревню с новеньким прицепом. В машине нас четверо, то есть все, кроме Дениса. Болтаем, пикируемся, хохмим. Подъезжаем к нашему повороту в деревню. Это наш любимый участок пути — с него открывается панорама

деревни и виден наш дом. Мама Инна говорит традиционное «Как красиво»! И вдруг Максим кричит: — Папа! А где прицеп!? — Я похолодел. Торможу, оборачиваюсь — прицеп на месте, но нет его верхней части вместе с надставными бортами, дугами и брезентом. Разворачиваемся, едем обратно. А уже темнеет — был конец пятницы. Сколько ехать — не известно. Спрашиваем Максима: — Ты давно видел последний раз целый прицеп? — Он говорит: — Да нет, совсем недавно. — И точно, километра через полтора видим — лежит на дороге наша пропажа. Мы приладили всё на место и поехали к себе, поя дифирамбы Максиму.

-1992-

Кто съел торт?

Мы приехали в Галашки с детьми. Устроили шикарный ужин. К чаю у нас был большой мамин сметанный торт, которого нам должно было хватить на все выходные. Мы съели три четверти торта и решили остановиться. Стасик робко попросил ещё один кусочек, но мама твёрдо сказала, что на сегодня — хватит. Дети облизали ложки и пошли спать.

Мы вынесли торт на веранду и, помня о мышах, поставили его на табуретку и накрыли ситом.

Утром за завтраком дети напомнили про торт. Стасик побежал на веранду и через несколько секунд появился в дверях, крича: — Родители, идите сюда! Мы вышли в сени и увидели след из крошек, который, постепенно утолщаясь, вёл на веранду прямо к тарту. Вернее к тому, что от него осталось. А ещё вернее — к воспоминаниям о торте.

Пустая коробка, табуретка и пол были усыпаны крошками. Сито валялось рядом с табуреткой. Кто это сделал? Мышам это было явно не под силу. Мы решили, что это были крысы.

Мы расстроились, а больше всех переживал Стасик, которому вчера не дали «ещё один кусочек».

-1992-

Максим: «Папа, ты же сварил яйцо всухомятку»!

Куда делся хариус?

Для жителей заброшенной деревни Большие Галашки мы — дачники были палочкой-выручалочкой: то нас попросят привезти продуктов, то предложат купить молочка, творожка, рыбки. И дачники не отказывались — доброжелательное отношение соседей в деревне дорогого стоит. Особенно в отсутствие дачников.

Однажды мы приехали в деревню в пятницу вечером. Только занесли вещи и начали суетиться по дому — подходит местный парень Коля Дубинин (сын Копчё-

ного) и просит отвезти его в Кировград. А это тридцать два километра по плохой дороге. Да ещё на ночь глядя. Я начал отнекиваться, но парень не отставал. Он стал уговаривать и совать в руки пакет, в котором было килограмма два-три отборных свежих хариусов. С тяжёлым сердцем я согласился и мы поехали.

Обратно я вернулся за полночь. Инна ждала меня с ужином, а ещё с большой миской, в которой красиво в два слоя лежали почищенные хариусы. Мы засунули миску в пакет, подвернули края и поставили на брёвна в огороде, предвкушая завтрашнюю жарёху.

Утром встали — пакет на месте, миска на месте. Полдня мы работали на огороде, ласково поглядывая на миску в пакете Perkin Elmer, а когда пришло время готовить обед, Инна взяла пакет и обомлела: в нём оказалась дыра, ровная, как будто разрез, и ни одного хариуса!

Местные жители сказали, что это — ласка. Собаки рыбу не едят.

-1992-

Первый Стасин заработок

Стасику было одиннадцать лет, когда я попросил его сеять песок в Галашках. Мне надо было штукатурить стены, а песок так долго лежал перед домом, что уже зарос травой. Я сколотил сито, приспособил корыто, показал, как надо сеять и пообещал один рубль за каждое ведро песка. Это были ещё те рубли, на которые можно было прожить, исходя из расчёта — рубль в день на человека.

И Стасик начал сеять. Он сеял два дня, не смотря на жару и гнус. Он сеял, когда моросил дождь и песок уже плохо сыпался. Он сеял, не обращая внимания на мезенинскую ораву девчонок, что носилась по деревне. Он сеял, пока не заполнил все приготовленные ёмкости. Настала пора расчёта. И Стасик сказал, что рубль за ведро — это мало. Видя Стасика в работе, я готов был заплатить хоть по три. Но мы рассудили по-взрослому и по три рубля оценили тот песок, который плохо сеялся.

Очень даже не случайно, что Стасик после школы поступил на экономфак.

-1992-

А чего бежал?

Деревня Большие Галашки. Выходной летний день. Выхожу из своего двора — «травка зеленеет, солнышко блестит...». Красота! Мне надо дойти до своей машины за какой-то мелочью. Машина стоит метрах в трёхстах от дома вверх по улице. Это на случай дождя — по мокроте от нашего дома не выехать. Но сегодня денёк-то какой славный, погожий! Ведро! Я с ходьбы незаметно перехожу на бег. Быстрее, ещё быстрее. Эх, вы ножки мои резвые, не забыли ещё про ускорения! Перепрыгиваю через канавы, лопухи и крапиву, мчусь во весь опор! Ветер свистит, земля дрожит! Руками работать! Выше бедро! Плечи развернуть! Грудь вперёд! А

теперь финишный рывок перед окнами мезенинского дома! Вот и машина! Финиш!! Ух, хорошо! Пожалуй, этот участок улицы никто быстрее меня не пробегал. Хотя, кто его знает, какие тут бывали разборки за триста лет.

Открываю машину, сажусь на сиденье, лезу в бардачок. Вдруг стук в стекло. Поворачиваюсь — стоит Иван Мезенин, мой ровесник, он всю жизнь прожил в этой деревне.

— Что случилось?

— Ничего.

— А чего бежал?

— Просто так.

— А-а. А я думал, случилось что.

— Да нет, всё нормально.

— Ну, ладно тогда. — Иван ещё немного постоял, повернулся и неспеша пошёл к себе в дом.

-1993-

Юбилей шестого канала

Середина 90-х. Я в командировке в Москве. Выкраиваю полдня, чтобы съездить в центр за подарками для всей семьи, да и просто погулять.

Выхожу из метро. Отличная погода! Превосходное настроение! Жизнь прекрасна! Я остановился, покрутил головой, выбирая маршрут, и тут ко мне подходит девушка, довольно симпатичная, но почему-то без передних зубов.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Вы смотрите телевизор?

— Конечно.

— А вы смотрите шестой канал?

— Бывает. — Хотя я понятия не имел, что такое.

— Я корреспондент шестого канала. Сегодня у него юбилей, 10 лет в эфире, и он проводит благотворительную акцию. Вот этот подарок вам от шестого канала. — И суёт мне в руки картонную коробку. — И вот этот подарок вам, и это тоже вам, и вот это вам — и всё бесплатно. — Я двумя руками прижимаю коробки к груди и говорю: — Постойте, но так же не бывает — чтобы всё бесплатно. Я, видимо, что-то должен сделать? — Девушка достаёт пакет, складывает в него подарки и протягивает его мне. — Вы должны чаще смотреть шестой канал. А в награду мы предлагаем вам импортную электробритву всего за триста рублей! — Я подумал: — На фига мне бритва? Мне моя Агидель нравится. — Но уже было жалко расставаться с подарками. И я говорю: — А, давайте. — Достаю кошелёк, рассчитываюсь. Коробка с электробритвой едва поместилась в пакете.

— Спасибо!

— Пожалуйста! Брейтесь на здоровье! — Корреспондентка сделала два

шага и вдруг обернулась:

— А вы откуда?

— Я с Урала.

Девушка задержала на мне взгляд полный сочувствия, зависти и грусти. Позже я видел такой взгляд в одном триллере. Так смотрела героиня на своего любовника перед тем, как его отравить.

Ну, вот: половина программы выполнена! У меня осталась куча времени, чтобы погулять! И я гулял по знакомым местам, довольный собой, исполненный любви к главному городу и его жителям. Заодно посмотрел на цены. Электробритва BRAUN с тремя плавающими головками стоила 800 рублей.

В гостинице я начал разбирать подарки. Распечатал первую коробку — разноцветная пружина, растянуть которую не хватило рук. — Что там ещё? Ещё одна пружина! Та-ак! А ещё? Светильник на батарейках, похожий на перевёрнутое блюдце. — Батарейки в комплект не входили. Я открыл следующую коробку. Набор вилок и ложек, как написали бы в судебном протоколе, из жёлтого металла. — Золотые, наверное! — Я ткнул вилок в воображаемый балык — вилка согнулась. — Ну, точно, золотые, лёгкие только. В начале прошлого века им бы цены не было. — И наконец, главный подарок себе.

Я открыл пластмассовый футляр. Его внутренняя часть осталась на месте, хотя должна была открыться вместе с верхней крышкой — и на той и на другой были видны следы клея. Достал бритву — ничего особенного. — Посмотрим, как она бреет. — Подошёл к розетке — мать моя! Вилка — неизвестной мне конфигурации. Я взял инструкцию — ни одной русской буквы, одни иероглифы. И тут я всё понял, и про себя, и про корреспондентку, и про юбилей шестого канала.

Дома я засунул подарки в дальний угол и не доставал, наверное, месяц. Но вот однажды к нам в гости пришла Татьяна Тимошенко. Мы приняли популярного тогда самодельного ликёра под названием «Чёрный капитан», и у меня развязался язык. В мазохистском кураже я рассказал всё, и про себя, и про беззубую корреспондентку, и про шестой канал.

Девчонки рыдали от хохота. А когда я выложил подарки, они уже просто стонали. Успокоившись, они меня утешили: — Сашуля, не переживай. Мы увезём твои подарки в деревню — там им найдется применение.

В деревне пружинки мы подарили мезенинским девчонкам. Столовый набор украсил наш буфет. Светильник стал очень популярным на полатах и в палатке. Он горел мягким голубоватым светом, и включался — выключался нажатием на всю сферу — не промажешь.

А бритву я так ни разу и не включил — поменять вилку всё руки не доходили. Зачем, когда моя Агидель вполне меня устраивала.

Вот такой был лохотрон с моим участием. Если б он был последним! Но об этом — позже.

Картошка

В деревне у нас был огород двадцать соток. Сначала это была целина. Каждый год мы садили картошку, постепенно отвоёвывая у целины всё новые и новые сотки. Вот записи тех лет:

1989 год. Вскопали 2 сотки. Посадили 4 ведра картошки. Собрали 40 ведер. Опустили в яму 32.

1990 год. Вскопали 3 сотки. Посадили 6 ведер, собрали 40, опустили в яму 36. Было много колорадского жука.

1991 год. Вскопали 4,5 сотки. Из них 4 сотки засадили картошкой (9 ведер). Собрали 80, опустили в яму 36. Продали 32 по 10 рублей ведро. (Этих денег хватило на зимние сапоги Инне).

1992 год. Продали картошки на 3100 рублей. Купили 20 листов ДВП на 2960 рублей.

Короче, в 1993 году мы засадили картошкой 10 соток! Можно догадаться, какие были планы. И вот наступила осень. Привожу документальные записи.

18 сентября. Приехал с одной целью — выкопать картошку. По дороге два раза застрял.

19 сентября. Всё утро шёл снег. Накопал 20 ведер картошки, вымыл и искупал в марганцовке, оставил в недостроенной бане.

25 сентября. Приехал один. Машину оставил у дороги. Картошка в бане замёрзла. Занёс её в дом. Накопал 16 ведер картошки, высыпал грязную в баню.

26 сентября. Картошка в бане смёрзлась. Затащил её домой. Выкопал остальную картошку. Убрал морковь, свёклу, капусту. Всё оставил в доме.

2 октября. Приехал один, машину оставил у дороги. Перебирал картошку.

3 октября. Возился с картошкой. Плюнул на всё и уехал в 17 часов.

9 октября. Приехал один. Убедился, что 3 мешка мытой картошки, прихваченной морозом в бане, пропали (в смысле потекли).

10 октября. Отнёс мороженую картошку Улите Ивановне.

Далее более поздняя запись другими чернилами: «Уезжал с гружёным прицепом. Застрял. Вызывал трактор. Полетело реле стартера. Приехал в город в 10 часов вечера».

Судя по записям, я приезжал в том году ещё три раза, но сведений о доходах от продажи картошки нет.

Казалось бы: да пропади она пропадом эта картошка, добытая таким трудом. Но нет! Крестьянская наследственность оказалась неубиенной. В следующем году с трёх с половиной соток мы накопили 100 ведер картошки! 60 — продали, 30 засыпали в яму на еду, 8 — на семена (!), 2 — на балкон до морозов.

-1994-

Как нет яблок?

Максим, когда учился в школе, часто забывал ключ от квартиры на улице Комсомольской. Чтобы скоротать время до прихода Стасика или родителей, он шёл к Нисневичам. Надежда Ивановна всякий раз предлагала Максиму то чаю попить, то пообедать. Максим никогда не отказывался. Мама Инна провела с Максимом работу и внушила ему, что в гостях от еды надо отказываться, что надо уметь терпеть, что нехорошо сразу садиться за стол. А если будут сильно уговаривать, то согласиться, скажем, на яблочко.

В очередной раз, оставшись без ключей, Максим постучался к Надежде Ивановне. Она как обычно предложила Максиму пообедать или попить чаю. Максим сказал: — Спасибо, я есть не буду. Ну, разве что яблочко. — Надежда Ивановна говорит: — А у нас нет яблок.

- Как нет яблок?
- Так нет. Кончились.
- Совсем — совсем ни одного?
- Совсем ни одного.
- И как нам теперь быть?

-1994-

А борща хватит?

Встречаю на работе Любу Ромашову — это бывшая соседка по подъезду, её Сергей и наш Денис учились в одном классе. Люба — фундаментальная женщина, общительная, с претензиями на юмор — спрашивает:

— Саша, ну как ты там, без жены, с двумя детьми? (Денис уже работал и жил в Екатеринбурге). Тяжело, наверное?

— Ты знаешь, Люба, скажу тебе честно — к пятнице уже хочется отдаться за тарелку борща.

— Да ты что! У меня как раз в холодильнике стоит кастрюля борща и муж в командировке!

- А борща на троих хватит?
- А кто третий?
- Я и двое детей.

-1994-

Попутчик

Тёмным осенним вечером я отвёз Инну на электричку, проводил её и поехал домой. Только сел в свои белые жигули, как от толпы людей на автобусной остановке отделился невысокий коренастый мужчина и, постучав в

окошко, спросил: — До Комсомольской не подбросишь? — А мы жили тогда на Комсомольской 12, и я сказал: — Садись. — Мужик впёр в машину какой-то длинный предмет, потом сел сам, устроившись на заднем сидении. Едем, о чём-то говорим, поворачиваем на Комсомольскую, я спрашиваю:

— Куда?

— Дом 15.

Этот адрес я хорошо знал, потому что мы там жили и оттуда в 80-м году переехали на другую сторону улицы, и я остановился точно напротив дома. Мужик поблагодарил, но выходить не заспешил, а, немного повозившись, достал огромный нож. Вытащил его из ножен и как-то очень спокойно сказал:

— Вот, хочу подарить другу на день рождения, Юре Котельникову. Знаешь такого?

— Знаю — сказал я пересохшим горлом. (Котельников Юрий Матвеевич был главным инженером 58 цеха и нашим соседом по дому на Комсомольской 15).

— А ещё хочу подарить ему спортивный лук — Мужик похлопал по длинному предмету. — Нормальные подарки?

— Нормальные — облегченно согласился я.

— А ты меня знаешь? Я — Купцов Сергей.

— Конечно. Ещё бы! Мастер спорта по акробатике?

— Точно. А я вас с Инной помню. Вы хорошо пели под гитару. А давай споём!

— Давай — в меня уже вернулся романтик.

Картина маслом: тёмная ночь, вокруг ни души, два мужика в машине проникновенно поют:

— Ах, гостиница моя, ты гостиница ... — Один постукивает ладонью по баранке, а другой — ножиком по коленке.

-1994-

*По случаю какого-то события мы с Инной приходим в школу вдвоём. Встречаем Стасика и Максима. Мимо нас проходит классная руководительница Стаса, Томина, и он радостно говорит: — **Здравствуйте, Наталья Михайловна! Это родители Максима!***

Походы при луне

Стасик был лёгким на подъём. Его можно было уговорить на любую авантюру. И на моё предложение пойти как-нибудь в лес ночью, когда будет светло от луны, он сразу согласился. Первый раз мы пошли со Стасиком за улицу Про-

мышленную, когда ему было лет семь — восемь. Мы шли по просеке до тех пор, пока не скрылись городские огни. Этот поход запомнился тем, что мы читали при луне книжку про двух слонёнков Рави и Шаши.

Второй поход был намного серьёзней. Стасику было уже лет 13. В один из мартовских вечеров, когда наступило полнолуние, мы поужинали и объявили маме, что пойдём в лес на лыжах. Она удивилась, но отпустила нас с условием, что мы ненадолго.

Мы дошли до Западной проходной, встали на лыжи и покатали в сторону Перевала. Чем дальше мы углублялись в лес, тем меньше чувствовалась близость города. Мы пересекли одну речку, вторую, третью. Город уже был невиден и неслышен. Уже можно было остановиться и полюбоваться красотой. Но мне хотелось большего. Мне хотелось быть ещё ближе к луне. Стасик был в лыжах не новичок — он участвовал в марафоне Европа-Азия, и пройти десять километров для него не было проблемой. Поэтому мы, не останавливаясь, шли дальше. Начался подъём. Чем дальше, тем круче. Стасик терпеливо идёт впереди. Вот и вершина подъёма. Мы идём ещё дальше и выкатываемся на большую поляну. Останавливаемся и несколько минут стоим молча, глядя по сторонам. Жуткая красота и полное безмолвие...

Я протянул Стасику несколько сухариков. Он хрумкнул один раз и замер. Я пошутил, что в такой тишине все лесные звери услышали этот звук. Стасик сунул сухари в карман, быстро развернулся и сказал: — Ну, всё. Пошли домой.

Когда мама Инна услышала, что мы были на Перевале, она сказала, что мы сошли с ума и что она, если б знала, то нас не отпустила.

-1994-

Стенгазета

Всё было как у Маяковского: «Кроха — сын к отцу пришёл и спросила кроха...». Только пришла не такая уж и кроха, а наш средний сын Стасик — ученик восьмого класса. И спросил он не про то, что плохо и хорошо, а сразу — в лоб и напрямик: — Родители, вы любите Пушкина? И вообще, что он для вас значит? — Вот так. Не больше и не меньше.

Действительно, скоро юбилей Пушкина, и всё вокруг будет наполнено его именем: и газеты, и журналы, и радио, и телевидение. Ну почему бы не вспомнить и не поговорить о Пушкине в кругу семьи, просто так, не в связи с юбилеем.

Первым опомнился папа. Надо сказать, что папа у нас мастер на все руки: он и дом в деревне строит, и стихи пишет, и на гитаре играет, и даже сочинил несколько песен.

— Что касается меня, то я с Пушкиным вообще не расстаюсь. — Все почти-тельно умолкли. — Вот уже двадцать лет, с тех пор, как родился Денис и по сей день, пока Максим не выучился читать, я вам читаю книжки перед сном. В том числе и Пушкина. Кстати, надо переплести его сказки, а то они уже рассыпались на отдельные ли-

сточки. Но это не всё. Пушкин всегда со мной. — (у папы заблестели глаза) — Стасик, ты вспомни, когда мы встаём на лыжи, что хочется крикнуть?

*Мороз и солнце, день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный.
...великолепными коврами,
блестя на солнце, снег лежит!*

Или ещё. Ветер, снег, на улице темно. Мы идём с тобой... ну я не знаю... нас мама попросила сходить... ну не важно... что приходит на ум? — Папа уже начал ходить по комнате и размахивать руками —

*Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя...*

— Мама, ты вспомни нашу самостоятельность в отделе. На чьи стихи писали тексты в наше время?

*Сижу за решёткой в темнице сырой
Вскормлённый в неволе орёл молодой*

— Ну, и потом... я ведь тоже немного сочиняю. (Папа скромно потупил глаза). — Так вот. Чтоб вы знали. Мои кумиры и примеры для подражания — это Пушкин и Высоцкий. У них я учусь простоте, ясности и точности стиха.

— Молодец, папа. Я горжусь тобой! — сказала мама.

— Спасибо. Ты лучше про себя скажи.

— Если говорить серьёзно, то с Пушкиным связана вся наша жизнь. Начиная с его сказок в раннем детстве, когда их читали нам наши родители, и до глубокой старости, когда мы их читали своим детям, и будем читать и внукам. Пушкин — это наша гордость, это наше национальное богатство. Отнимите у России Пушкина, и она станет намного беднее. Перечитывая Пушкина, становишься добрее, чище, возвышенней и в делах, и в мыслях. И сильнее. Всё это так важно для каждого из нас. Особенно сейчас. — Мама на секунду замолчала, и никто не нарушил паузы.

*— А всё-таки жаль, что нельзя с Александром Сергеевичем
Пожинать в Яр заскочить хоть на четверть часа.*

А почему молчит Денис? Интересно, что он скажет о Пушкине. Денис — студент четвёртого курса матмеха УРГУ. У него уже многое в прошлом: и музыкальная школа, и спорт, и Пушкин. Сейчас у него на уме матфизика, теория вероятности, системный анализ т.д. Денис оторвался от конспектов и просто сказал: — Я Пушкина молча уважаю. — Не будем ему мешать. Придёт время, и для Дениса «возникнут вновь потребность к музыке и чтению, и спорт, и к Пушкину любовь».

Тут Стасик раскололся: оказывается, им в школе дали задание выпустить стенгазету, посвящённую юбилею Пушкина. Времени на подготовку было мало, и мы решили оформить всё то, что говорили в этот вечер о Пушкине. Напечатали наши модели, снабдили их самодельными рисунками, наклеили на ватман, и Стасик отнёс газету в школу.

Наша газета заняла второе место. А жаль. Могли бы и первое дать. Но первое место заняла газета с биографией Пушкина и открытками из киоска.

PS. Нам дали премию. На эти деньги мы купили маме Инне подарок.

-1994-

Праздников стало больше

Когда Инна уволилась с комбината и перешла работать на фирму, многие из наших знакомых с интересом наблюдали за развитием событий и часто интересовались — как это я управляюсь, не тяжело ли мне, не скучают ли дети без мамы и т. д. Я отвечал, что раньше было как — мы работали в одной лаборатории, и всё, что знала она, знал и я. Приходили домой, молча ужинали — говорить особо было не о чём. А сейчас! Жена приезжает в пятницу. Жива, здорова, невредима — праздник!. Садимся ужинать — куча вопросов: как дети? что нового в лаборатории? как бизнес? Проходят выходные, кончаются вопросы, силы и терпение. Наступает понедельник, жена уезжает на неделю — опять праздник! Так что праздников стало больше.

-1994-

Волнушки на дороге

В какой-то год волнушки можно было собирать прямо на нашей дороге в Большие Галашки. Я рассказал об этом нашей очень хорошей знакомой, соседке по подъезду Большаковой Надежде Ивановне. А она — заядлый грибник. Душу отдаст за возможность походить по лесу и поискать грибы. Она загорелась: — Что вы говорите! Ой, как мне это нравится! Саша, Вы не могли бы меня свозить в вашу деревню? Вы же обещали мне показать ваш дом. — Я согласился, и мы поехали.

Наше мероприятие выглядело так. Мы ехали по дороге до первой волнушки, я высаживал Надежду Ивановну, а сам проезжал ещё метров сто. Мы собирали грибы, встречались у машины и ехали дальше. Волнушек было много, и все они были белые. Наверное, потому что выгорели на открытой дороге. Когда мы подъехали к деревне, у нас уже было почти по корзинке волнушек.

В доме мы пообедали, Надежда Ивановна осмотрела дом и засобиралась в город. Ей хотелось быстрее оказаться дома, потому что ей нравилось не только собирать грибы, но и возиться с ними.

На этом можно было бы поставить точку. Но было продолжение. В окно постучала соседка и, запыхавшись, спросила: — Саша, ты не мог бы отвезти

моих девок на электричку? Им надо срочно! — Это означало, что нам надо сделать крюк километров пятнадцать до Рудянки, и что мы пролетаем мимо волнушек. Надежда Ивановна посмотрела на меня: — Надо помочь людям.

В течение пяти минут мы собрались и погнали. Тридцать два километра по колдобинам и ещё километров двадцать по мокрому асфальту (уже начал моросить дождик). Надежда Ивановна моталась из стороны в сторону, держась за ручку, и ничего не говорила. Мы довезли пассажиров до вокзала. На электричку они опоздали, но в этом моей вины не было.

Когда мы с Надеждой Ивановной уже спокойно поехали дальше, она сказала: — Саша, Вы так быстро ехали, что я не видела ни одной волнушки.

-1995-

Ещё раз про баян

В нашей семье все, кроме меня, учились играть на фортепиано. Я же учился играть на баяне. После школы в игре на баяне наступил перерыв. Я переключился на гитару, но желание растянуть меха не пропало. И однажды по объявлению я купил за смешные деньги приличный тульский баян. Я вспомнил почти всё, что когда-то играл на школьных вечерах, на шефских концертах в деревенских клубах, соседям на их дни рождения, девчонкам из соседнего класса на лужайке, гостям по просьбе отца. Я как-то попытался поиграть для семьи, но оказалось, что классикам не очень нравится звучание народного инструмента. Поэтому я старался играть в одиночестве.

Однажды, когда дома никого не было, я отводил душу на баяне и не слышал, как вошёл Стас. Он молча прошёл в комнату, минуту подождал и сказал что-то типа «Папа, давай уже заканчивай». Я молча снял баян, убрал в футляр, закрыл его и ушёл на кухню. Через минуту заходит Стас и говорит: «Папка, извини!» Мы обнялись и простояли молча несколько мгновений.

-1995-

До-диез

Вслед за Денисом и Стасом, по наторенной дорожке Максим пошёл в музыкальную школу всё к той же Сивковой Тамаре Александровне. Мы наивно полагали, что Максим будет таким же прилежным учеником, как и его братья. Но мы ошиблись. Без напоминаний Максим за инструмент не садился.

В очередной раз, после моих слов: — Максим, ты музыкой занимался? — Он покорно взял ноты, открыл инструмент и начал с постным лицом тыкать пальцами в клавиши. Я подошёл, сел рядом. Максим вздохнул и начал:

— Та-да-та-да-да... — Я говорю:

— До-диез. Давай сначала.

— Та-да-та-да-да... — Я опять говорю:
— До-диез. Не беленькая клавиша, а рядом — чёрненькая. Давай ещё раз.
— Та-да-та-да-да...
— До-диез! Вот эта клавиша! Вот — показываю я пальцем. — Максим опять начинает:
— Та-да-та-да-да... — Я начинаю закипать:
— Да это что такое? До-диез! Неужели не понятно? Я сейчас возьму молоток и, если ты опять нажмёшь чистое «до», я твой палец расплющу прямо на этой клавише. — Несу молоток и решительно поднимаю его над чистой нотой «до». — Поехали! — Максим напрягся.
— Та-да-та-да... — Я приподнимаю молоток... — да! — Правильно! Дальше! — Вскоре мелодия повторяется:
— Та-да-та-да... — Я опять поднимаю молоток над чистой «до»... — да! — Молодец! Повторим ещё раз.
Это упражнение мы проделали несколько раз, пока Максим не сыграл всё правильно.
На следующий день я спросил:
— Максим, ты музыкой занимался? Где твои ноты? — Максим молча выходит из комнаты и возвращается, загадочно улыбаясь. Я смотрю — он несёт ноты и... молоток!!!

-1995-

Как мы исправляли почерк Максиму

У Максима был плохой почерк с первого класса. Буквы были разными по высоте, нижние петли у букв «д», «з», «у» стремились прижаться к самой линии, буквы «н», «п», «к» были неразличимы, равно как и «м», «т» и «ш». Что мы только не предпринимали!

Однажды мы решили поработать над высотой букв. Я взял линейку и приложил её к тетради на нужном расстоянии от линии, по которой Максим должен был писать. Максим заполнил строку, я отнял линейку ... и мы обомлели! Все буквы, содержащие овал — «о», «д», «в» стояли, как яйца всмятку, у которых срезали верх — острые внизу и плоские вверху.

А в следующий раз мы предприняли попытку выправить нижние петли. Максим писал, а я подкручивал тетрадь по часовой стрелке, чтобы петли отлипли от линии. Я подкручивал, а Максим писал и вслед за тетрадью выворачивал руку, потом начал выворачиваться сам. К тому моменту, когда строка закончилась, тетрадь сделала четверть оборота, а петли так и остались прижатыми к линии.

-1995-

Как мама проверяла ошибки у Максима

Расслабившись в роли родителей примерных учеников Дениса и Стаса, мы думали, что и Максим будет учиться самостоятельно. То, что Максима надо постоянно контролировать, первой поняла мама Инна. И эта обязанность легла на меня, так как Инна в то время работала в Екатеринбурге и всю неделю отсутствовала. В пятницу она приезжала, интересовалась учёбой и проверяла дневник и тетради. Это было проверкой и моей родительской ответственности.

В очередную пятницу мама Инна спросила: — Как дела в школе? — Мы сказали, что всё нормально.

— Уроки сделали?

— Сделали — ответили мы хором.

— Ты проверял? — поинтересовалась у меня Инна.

— Конечно! — Инна говорит:

— Максим, дай тетрадь — я погляжу. Если я не найду ошибок, то расцелую твои пятки.

Максим дал тетрадь и сел на диван. Мама углубилась в чтение. Я наблюдал за обоими. Вот мама прочитала половину упражнения. Максим снял носок. Мама продолжала читать. Максим засучил штанину и, едва касаясь голый ногой пола, заковылял в ванную. Мама закончила читать. Максим прискакал на одной ноге, сел на диван и недвусмысленно вытянул свежeweымытую ногу. И к нашему общему веселью мама выполнила своё обещание.

-1995-

1996-2000

Нос Стасика

9 мая 1998 года, когда Стасик учился в 11 классе, несколько человек из их класса бежали за свою школу в традиционной городской эстафете. Один из этапов был прямо напротив нашего дома по улице Комсомольской, там-то и собрался Стаськин класс. Я расположился на балконе с биноклем и баяном и, выбрав момент, для поднятия боевого духа исполнил «Прощание славянки». Кто не бежал — помахали мне руками, а кто бежал — напружинился.

После эстафеты ученики взяли пива и пошли гулять по городу, а я занялся своими делами. Где-то под вечер я приехал на машине домой. Только переступил порог — звонок и Стаськин голос:

— Папа, всё нормально! Я в травматологии.

— Что случилось?!

— Да мне тут нос правили. Ты можешь меня забрать?

— Сейчас приеду.

Приезжаю в травму, стоит вся честная компания, у всех растерянный вид и ожидание моей первой реакции. Смотрю на Стасика — бледный, с распухшим носом, но бодрится:

— Папа ничего страшного. Мне уже всё сделали, — и начал в красках рассказывать как ему травматолог правил нос. Стасика всё же оставили в больнице на неделю из-за подозрения на сотрясение мозга.

В дальнейшем выяснилось, что у них завязалась перепалка с какими-то парнями, скучающими на балконе дома недалеко от художественной школы. Их было трое, а наших было человек девять — парней и девчонок. Слово за слово — парни спустились вниз и начали качать права. Стасик не утерпел и полез в драку. Ну и получил, поскольку никто его не поддержал по разным причинам. Хорошо, что рядом проходил взрослый мужик и вмешался. Стасику могло быть значительно «гирше».

Потом были судебные разборки и парней вынудили извиниться. А Стасик после этого дрался ещё не раз.

-1998-

Про Тойоту

Одно время в нашем гараже «Убью, козлы» стояли две машины, Нива и новенькая Тойота. Каждые выходные мы ездили в деревню Большие Галашки. И вот, в очередную долгожданную субботу я пришёл в гараж, вывел сначала Тойоту, потом Ниву, закрыл гараж, сел на Ниву и уехал. А Тойота так и осталась стоять возле гаража.

Мы чудесно провели время в деревне, сочетая труд и отдых, и в воскресенье вечером в прекрасном настроении вернулись в город. Тормознули у Торгового центра, Максима отправили домой, а сами пошли купить продуктов, Инна — в один отдел, я — в другой. Неожиданно рядом вырос Стасик и говорит:

— Папа, не волнуйся. С Тойотой всё в порядке. Я буду ждать тебя у подъезда. — И также неожиданно исчез.

Я — в недоумении: причём тут Тойота? Что всё это значит?

Подъехали к дому, занесли сумки, и я пошёл отводить машину в гараж. И тут из-за кустов выходит Стасик.

— Папа, ты знаешь, что тут произошло без вас? Поехали — расскажу.

Оказывается, пока мы оттягивались в Галашках, Тойота всю субботу простояла у гаража. Вечером народ потянулся домой, и соседи обратили внимание на нашу одинокую машину. Подошли, смотрят — двери не заперты, ключ вставлен в замок зажигания, а хозяина нет. И один из соседей, гаишник, позвонил коллегам, приехали ребята и отогнали машину на Шевченко к зданию ГАИ.

В воскресенье рано утром в квартире раздаётся звонок. Стасик спросонья поднимает трубку.

— Это квартира Березиных? Родители дома? В деревне? У вас есть ма-

шина Тойота? Передай родителям, что они могут забрать свою машину от ГАИ.

Стасик в шоке! Шесть утра! Он звонит Голикам. Это наши друзья и соседи по Галашкам.

— Тётя Люба! Звонили из ГАИ, сказали, чтобы родители забрали Тойоту, а они — в Галашках. Что делать?

— Надо ехать в деревню. Давай я позвоню Саше Порошину (это Любин зять), может быть он согласится.

Через некоторое время звонит Порошин:

— Стас, я сейчас за тобой заеду. Выходи.

Порошин подъезжает к дому, Стас садится в машину, и Саша говорит:

— А давай съездим в ГАИ, посмотрим на машину.

Приезжают на Шевченко. Возле ГАИ стоит Тойота. Порошин говорит:

— Подойди к дежурному.

Стасик подходит к окошку и говорит:

— Здравствуйте! Моя фамилия Березин.

Дежурный говорит:

— Вы за Тойотой? Вот ваши ключи.

Стасик, обалдевший, выходит с ключами. Порошин тут же звонит отцу. Тот приезжает на ком-то — не важно. Все рассаживаются по машинам: отец — в порошинскую, Саша и Стас — в Тойоту. Поехали. Порошин — в восторге от Тойоты — говорит:

— Давай покатаемся.

Проехались по городу. Порошин спрашивает Стаса:

— А ты водить умеешь? Нет? Хочешь поучиться?

Заехали на пустырь, и Стас сделал несколько кругов.

После этого поставили машину во дворе, и Стас пошёл досыпать — было всё ещё раннее утро. Только прилёг — вдруг, как обухом по голове: вечером приедут родители, глядь — а их машина стоит во дворе. Что они подумают? И Стасик решает отвести машину в соседний двор. Будит Мишу Урлапова, который у него ночевал:

— Гомба, ты машину водить умеешь?

— Не-а. Позвони Димону.

Стасик звонит Диме Здомскому:

— Дима, у тебя права есть?

— Есть, но на Тойоте я не поеду.

Тогда Стасик сам садится в Тойоту и на первой передаче на глазах у изумлённых бабушек, дёргаясь и страшно газуя, едет в соседний двор и там кое-как с третьего раза припарковывает машину. Приходит домой, ложится спать и вдруг опять — бум! — Вот приедут родители, отец откроет гараж, а там — пусто! Стасик звонит Любе:

— Тётя Люба, что делать?

Люба говорит:

— А ты их встретить и предупреди отца.

И Стасик весь день просидел дома в ожидании нас.

Я слушал и качал головой. Мы поставили Ниву, потом отогнали Тойоту и домой пришли только через час. Мама Инна спросила — почему так долго? Мы сказали, что завозили кассеты другу.

Только через месяц я рассказал Инне всё, как было. Инна сказала: — Нет наших детей лучше!

А что она сказала про меня — не важно.

-1998-

*Едем в Снежинск на майские праздники всей семьёй на зелёной Тойоте. Я за рулём. На Химмаше заезжаем на заправку. Заправились, отъезжаем от колонки. Из соседней машины справа мужик подаёт знаки и показывает на нашу машину. Что такое? Выхожу — лючок открыт, и пробка не завинчена. Завинчиваю пробку, закрываю лючок, сажусь в машину. Денис говорит:
— **Хорошо ещё что пистолет вынул.***

Пробник

В январе 1999 года мы компанией из девяти человек поехали в Чехию, как говорили раньше, «на воды». Марианские Лазни — маленький уютный городок, население которого в разгар курортного сезона увеличивается с 5 до 15 тысяч человек. До границы с Германией 45 километров, поэтому основной контингент гостей — немцы. Чехи хорошо знают немецкий, а старшее поколение — ещё и русский, поэтому проблем в общении с персоналом, продавцами и официантами не было.

В первые же 2-3 дня мы обошли практически все уголки и, конечно же, все магазины городка. Пока ничего не покупали, только присматривались и запоминали. В магазинчиках, куда мы заходили несколько раз, нас уже стали узнавать.

Однажды после очередной прогулки Инна спохватилась: — А где мои перчатки!?. — Методом дедукции она вычислила магазинчик, где могла их оставить. Идти туда было уже поздно, поэтому отложили поход на завтра. На следующий день, как только мы зашли в магазин, продавец приветливо помахала нам рукой и вернула перчатки. Но меня поразил другой случай.

Инна выбирала духи. После многих проб она, наконец, определилась. На кассе с неё взяли деньги и вручили маленький (миллилитров 30) флакончик дорожных духов. Но это не всё. Продавец достала из — под прилавка флакон таких же духов кубиков на 100 и сказала:

— Это вам в подарок.

— !?

— Вы купили последний флакон из коробки, а к каждой коробке прилагается пробник. Коробка закончилась, поэтому пробник — ваш.

Я пытался представить эту ситуацию у нас на родине — и не мог.

Труба упала

В августе 98-го в нашем доме в Мурзинке подошла очередь камина. Краевы посоветовали нам своего знакомого мастера Колю Сидорова из Екатеринбурга. Коля, молодой общительный парень, согласился и через два дня показал нам эскиз, который мы одобрили, а через месяц мы уже наслаждались живым огнём.

Прошла зима, мы отметили новоселье и стали жить в Мурзинке постоянно. И вот в один прекрасный день, а точнее 31 марта 1999 года, я чистил снег во дворе. Вдруг раздался страшный грохот, посыпались кирпичи, и в метре от меня, на то место, где ещё несколько часов назад стояла наша новенькая зелёная Тойота, рухнул бетонный оголовок каминной трубы. Когда шок прошёл, я посмотрел вверх. Кирпичная труба, описав дугу около ста двадцати градусов, упала на крышу, проломила шифер, обрешётку, сломала стропилу и застряла в проломе.

На следующий день, 1-го апреля я звонить Коле не стал. Позвонил 2-го. И правильно: Коля никак не мог поверить в случившееся. Это был его 48-й камин, и трубы до этого не падали. В тот же день Коля приехал, осмотрел место происшествия и сказал, что всё исправит. Через две недели он приехал с напарником и сложил новую трубу, пониже и на цементном растворе. Их заключение было таким: сползающий снег создал давление на трубу, глина размокла, и труба опрокинулась. Мы расстались друзьями.

А через три года, летом, Коля приехал к нам в гости с дочкой, которая родилась в августе 98-го, когда он клал наш камин.

-1999-

Рыбалка на Иртыше

Мой школьный приятель, Аркаша Кайдалов, давно зазывал приехать меня с семьёй к нему в Тобольск на рыбалку. И вот, наконец, мы собрались и поехали втроём с мамой Инной и Максимом на зелёной Тойоте. Это было в начале августа 2000 года.

По пути в Тобольск мы побывали в Тюмени у моих одноклассников, Толи и Тамары Медведевых, повидались со Стасом, который, будучи студентом, ездил проводником. Стас по приезду в Екатеринбург хотел поехать на фестиваль самодеятельной песни в Знаменку и попросил у нас палатку и спальник. Нам, конечно и самим были нужны и палатка, и спальник, ведь мы собрались на рыбалку, но мы решили, что Стасику — нужнее. А зря! Ещё мы посетили деревню Бизино, где я учился до пятого класса, заехали в Подчуваши, что на

окраине Тобольска, где прошла вторая половина моего школьного детства, сфотографировались у средней школы номер один, из которой я выпустился тридцать четыре года назад, полюбовались Софийским собором.

К вечеру добрались до Кайдаловых. Аркаша и слушать не захотел про гостиницу, и мы расположились у них на квартире.

За ужином Аркаша объявил, что завтра рано утром едем на рыбалку. Из дальнейшего разговора Инна поняла, что её в списке участников нет. Она искренне удивилась:

- Так вы меня не берёте, что ли?
- Мы на рыбалку всегда ездим без женщин.
- А кто поедет?
- Мы с Саней и ещё двое мужиков с работы.
- А на чём вы собираетесь ехать?
- На моей копейке.

Инна и подумать не могла, что её даже не спросят.

- Как хотите, но я тоже поеду с вами. Я хочу на рыбалку.
- Мы все в машину не войдём.
- А мы на своей поедем.
- Да ты что? Там же грязи по колено.
- Ничего. Если вы проедете, то и мы проедем. Вам от меня не отделаться.

Короче, утром мы поехали на двух машинах. Приехали в деревню километрах в тридцати вниз по течению. Тойоту поставили во двор к Аркашиным знакомым, а свою копейку он умудрился поставить правым боком к забору так близко, что с трудом можно было просунуть руку. Аркаша объяснил: — Чтоб бензин не слили.

Мы переправились на моторке на другой берег и выгрузили вещи у громадного ствола дерева, который должен был послужить нам столом. Инна в белых махровых носочках, чистеньких кроссовках и синем спортивном костюме смотрелась феей среди мужиков в сапогах и штормовках на берегу, заваленном корягами.

Аркаша и Сергей поехали забрасывать сети. Остальные стали обустривать лагерь: стол, сиденья, дрова, костёр. Через час приплыли наши рыбаки с первой добычей — тремя язями. Сварили уху, сели за стол, ребята достали одну бутылку водки, потом вторую. Третьей не последовало. «Всё, что ли?» — удивилась Инна. «А что мы вечером будем пить? Почему вы нам сказали, чтобы мы не беспокоились «об выпить?»». Мужики переглянулись, но ничего не сказали.

Аркаша и Сергей стали собираться на второй заход. Инна напросилась с ними. Мужики уже поняли, с кем имеют дело, поэтому сопротивлялись недолго. Рыбаки уплыли, мы навели порядок, и тут небо потемнело, налетел ветер и хлынул дождь. Когда он кончился, с той стороны реки послышался стук мотора, и показались наши рыбаки. Мужики деловито причалили и стали

разгружать лодку, а Инна прыгала вокруг и кричала: — Посмотрите, каких мы рыбин поймали! — Она долго не могла успокоиться и возбуждённо рассказывала, как они забрасывали сеть, как вытаскивали, как поймали пять язей, как одного упустили, как потемнело небо, как хлынул дождь, как будто они выловили золотую рыбку. Мужики пошептались и уплыли на лодке на ту сторону.

В это время небо просветлело, выглянуло солнце, и нам показалось, что жизнь наладилась. Инна перестирала и развесила свою одежду, перемыла посуду, и тут вернулись наши мужики с тремя бутылками самогона.

Снова накрыли стол, разогрели уху. К берегу подплыл рыбнадзор. У нас с разрешением на ловлю рыбы было всё в порядке, мужики пожелали нам удачи и, прощаясь, сказали, что в ста метрах от нас стоит палатка покосников, в которой можно переночевать. Это оказалось очень кстати.

Инна и Максим ушли в палатку, а мы остались. Три бутылки самогона, полведра ухи, река, свежий воздух, отсутствие женщин и детей — что ещё нужно для дружеской беседы четырём мужикам!?

Через пару часов Инна отправила Максима взглянуть на нашу компанию. Максим вернулся и сказал, что папка пьяный и икает. Погода стала опять портиться. Инна сняла мокрое бельё, а Макс пошёл за пьяным папкой. В это время мужики обсуждали — мы едем домой или нет? Аркаша посмотрел на реку, где уже были метровые волны с барашками и сказал: — Я не поеду. А вы как хотите. — Мужики прикинули и решили: — Тогда и мы не поедем.

Ветер крепчал. Мы с Максимом добрались до палатки. Уже вовсю шёл дождь. Мама Инна посмотрела на меня: — Кра-са-вец! Ну что? Всё выпили? — Всё! — гордо сказал я, икая. Меня раздели догола и засунули в наш единственный спальник.

Проснулся я оттого, что над нами ревел ураган, наша палатка ходила ходуном, и входные полотнища полоскало ветром. Я вылез из спальника и в кромешной тьме, на ощупь, стал зашнуровывать вход — вставляя каждую палочку в каждую петельку (где наша суперская палатка на молниях!)

Кое-как мы дождались утра. Ветер стих. Мы напялили на себя мокрую одежду, и пошли к костру. Мужики ночевали под брезентом и только-только продрали глаза. Мы собрали вещи, погрузились и поплыли на другую сторону. Максим, как только ступил на берег, сразу увяз по щиколотку в иле. Попытался опереться на руки и увяз руками. Вытащили.

В машине у меня был комплект одежды. Инна и Максим залезли в машину и стали с завистью наблюдать, как я переодеваюсь. А я, делая пассы, вынимал из пакета по отдельности сухие носки, плавки, рубашку, брюки.

Когда мы приехали в город, народ ещё только просыпался, и со стороны было странно видеть, как из машины выходят люди в купальном виде. Дома мы привели себя в порядок, попили чайку и легли спать.

Было воскресенье. У нас оставался ещё один невыполненный пункт: посещение Тобольского исторического музея. По воскресеньям он работал до двух часов. В одиннадцать я стал будить Инну:

- Вставай!
- Что такое? Зачем?
- Пошли... в музей!
- Какой музей! Ты что, с ума сошёл? Дай поспать. Я всю ночь не спала.
- Вставай, а то закроют. Культурней надо быть...

Через несколько дней из газет мы узнали, что пятого августа по Тюменской области в районе Тобольска прошёл ураган, который срывал с домов крыши.

Мы знали, о чём идёт речь. Мы там были в это время.

-2000-

2001-2005

Домашнее задание по литературе

Максиму в девятом классе задали по литературе написать стих или сочинение о нашем городе. Он поделился своей озабоченностью с мамой, и она перевела стрелки на меня: — Максим, я ужин готовлю. Иди, разговаривай с папой — он же у нас писатель и рифмоплёт. — Макс подошёл ко мне:

— Пап, как ты думаешь, что проще написать — сочинение или стих?

— Мне — стих, а тебе — не знаю.

— Пожалуй, я буду писать стих. А как? Про что написать?

— Напиши — в каком красивом месте находится наш город, немного истории... Ты знаешь, что сначала на берегу нашего пруда построили дом отдыха, а потом санаторий? В начале сороковых годов стали строить авиационный завод, а в конце сороковых — наш завод. Напиши про то, что на заводе работают замечательные люди, и среди них — твои родители, что тебе нравится наш город — ты в нём родился и вырос, что здесь твои друзья, что ты хотел бы жить в этом городе вечно.

Максим молча удалился в гостиную. Через пять минут я заглянул к нему в комнату. Максим сидел с ногами на диване перед телевизором, пристроив на коленке лист бумаги. Переводя взгляд с экрана на листок и обратно, он озабоченно водил карандашом по голове. Ещё через пять минут Максим подошёл ко мне и протянул черновик. Там было написано:

*Именем Верх-Нейвинск нареченный
Затерян град в глуши лесной,
Средь гор Уральских заточенный,
Вдали от всяк земли чужой.*

*Был начат наш прекрасный град
Примерно сотню лет назад.
Сначала то была деревня,
Потом лет пятьдесят назад
Был создан целый комбинат,
И город наш сбежал от тленья.*

— Ну, что... хорошо для начала! Правда, не очень понятно, от какого тленья и куда сбежал город. Избежал разрухи? упадка? исчезновения? забвения? разложения? Ты — в этом смысле? Надо как-то яснее написать об этом.

— Пап! Поправь, пожалуйста!

— Максим, мне некогда. Мне надо бельё гладить.

— Папа, я поглажу!

Я медлил. В проёме кухонной двери за спиной Максима нарисовалась Инна. Она беззвучно, яростно и красноречиво трясла в мою сторону рукой:

— Ну, помоги ты ребёнку! — Ладно, давай. — Я взял листок, и Максим поспешил включить утюг.

Через некоторое время я позвал Максима: — Слушай:

*Меж гор уральских заточенный,
Среди озер, в глуши лесной,
Новоуральском нареченный
Есть славный город небольшой.
Он, как жемчужина Урала,
Привлекши красотой своей,
Неудивительно, сначала
Был здравницею для людей.*

— Вот так примерно. Дерзай дальше. — Я протянул Максиму листок. Максим заработал утюгом в два раза интенсивнее: — Папа, ты продолжай, продолжай! — У меня уже и у самого появился азарт, как у охотничьей собаки, взявшей след. И на следующий день стихотворение было готово. Оно продолжилось так:

*Но наступили роковые
Военные сороковые...
И на полвека — долгий срок —
Закрытым стал наш городок.
В цехах талантов самобытных
Вдали от взглядов любопытных
Ковалась мощь моей страны,
Чтоб больше не было войны.
Трудились все: и стар, и млад,
Стране подняться помогли.*

*И в это свой посильный вклад
Внесли родители мои.
В Новоуральске вырос я,
Тут — мои лучшие друзья,
И я хочу здесь вечно жить.
Как мне наш город не любить!?*

Максим был счастлив! Он переписал стих своей рукой и унёс в школу. Я с нетерпением стал ждать оценки, а может быть даже рецензии или комментариев. Через пару дней Максим пришёл из школы и объявил: — Четыре! — Мне стало обидно, и хотелось спросить учительницу — за что снизили? Ну, написала бы, например:

Могли бы раскрыть тему глубже и шире,
Поэтому ставлю вам только «четыре».

И получился бы некий диалог всё понимающих взрослых людей, не обделённых чувством юмора. Но всё прошло тихо и обыденно.

Позже я узнал, что учительница два раза просила Максима почитать свой стих на школьном вечере и перед ветеранами города.

-2001-

Тренировка памяти

Утро. Выезжаем на Ниве из дома в Мурзинке. Съезжаем на асфальт, и я пытаюсь вспомнить, закрыл я дом или нет. Решаю на всякий случай проверить. Останавливаюсь, быстро выхожу из машины, и бегом — домой. Максим остался в машине. Тут к нему подошли два инспектора ГАИ с автоматами, дежурившие у поста в пятидесяти метрах, и поинтересовались, кто это выскочил из машины и так быстро кинулся прочь. Перепуганный Максим сказал, что это отец побежал домой — забыл чего-то. Гаишники спросили — откуда едем и куда, попросили документы. Максим показал мой зональный пропуск. Тут и я вернулся, предъявил все документы, и мы поехали. Максим до самой школы возбуждённо пересказывал его разговор с гаишниками и делился своими страхами, которые он испытал. Ему было четырнадцать лет. А дом, кстати, был закрыт.

-2001-

*Едем с Максимом в Мурзинку на Ниве. Я спрашиваю:
— Печку включить? — (А она у нас визжала со страшной силой). Максим говорит:*

— Не надо.

— Тогда рассказывай про успехи в школе.

— Тогда включай.

У дома отдыха

Мы с Инной поехали на Ниве из Мурзинки на пляж к дому отдыха «Зелёный мыс». Машину решили оставить на стоянке, но она была вся забита. Мы проехали через всю стоянку, не нашли ни одного свободного места, и поставили машину у самого павильона. К нам подошёл гаишник и сказал, что мы нарушили правила парковки, и пригласил в свою машину. Инна взвилась: — Что нам теперь задом сдавать мимо всех машин по этим лабиринтам? Ловите нарушителей не там, где надо! — Выдернула из машины коврик, сумку и ушла на пляж.

В машине гаишник изучил мои документы и спросил:

- Где работаете?
- На комбинате.
- Кем?
- Инженером.

Гаишник посмотрел на меня. В его взгляде читалось: «Несчастный — работаешь инженером, ездишь на Ниве, жена — стерва». Он протянул мне документы и сказал: — Поставьте машину в конце автобусной остановки.

Когда я подошёл к Инне, лежащей на коврике и читающей книгу, она повернула голову и спросила:

- Сколько?
- Нисколько. Уметь надо с людьми разговаривать.

-2002-

Параллельная ситуация

Я, мама Инна и Максим поехали в санаторий Янгантау, что в Башкирии, на зелёной Тойоте. Я за рулём, мама Инна за штурмана — следит по карте и записывает километраж. Едем уже по Башкирии и ищем, где нам заправиться. Вот справа показалась заправка, аккуратненькая, вся в белом сайтинге. Заезжаем и видим, что 95-го бензина нет. Едем дальше. Километров через двадцать показалась точно такая же заправка, но слева. Заруливаем, смотрим — есть наш бензин. Заправляемся и едем дальше. Километров через десять нам показалось, что мы здесь уже ехали. Стали присматриваться, и точно — вот знакомые деревья, столбы, реклама. Мы поняли, что выехали с заправки, как будто она стояла по ходу нашего движения. Мы развернулись и стали рассматривать уже знакомый придорожный пейзаж в третий раз.

-2003-

Устал

В новогодние каникулы 2003 года мы с мамой Инной и Максимом поехали в Янгантау отдохнуть и подлечиться. Зная, что там есть небольшая горнолыжная трасса, мы взяли с собой инвентарь. Трёхместных люксов не оказалось и нас, благодаря Инниной предприимчивости, поселились в три одноместных номера подряд на пятом этаже.

Горка оказалась не просто маленькой, а очень маленькой — метров четырёста (это в длину), с бугельным подъёмником, метрах в трёхстах от корпуса. Там мы и катались в свободное от процедур время.

Однажды мы собрались покататься вдвоём с Инной. Я оделся, собрал весь инвентарь и пошёл на гору. Инна обещала подойти позже. И вот я с двумя комплектами лыж, палок и ботинок спустился с пятого этажа, прошёл триста метров — а гора не работает. Я с досады плюнул, развернулся и пошёл обратно. Надо сказать, что до той поры я был в хорошей форме. Любил поработать физически и на вопросы о моей усталости непременно отвечал, что я не знаю такого слова. Особенно в присутствии детей. Так было ещё совсем недавно, летом в Парусе, когда мы разгружали катер и таскали продукты в лагерь, поднимаясь на сорокаметровый обрыв. А в этот раз... Я прошёл триста метров до корпуса, поднялся на пятый этаж, заволок инвентарь в комнату и сел, не раздеваясь, на кровать. Вошла Инна: — Что происходит? — Я говорю:

— Гора не работает.

— Ну, раздевайся тогда.

— Сейчас. Посижу немного. Что-то я устал.

Возникла пауза. Я поднимаю голову — Инна смотрит на меня, у неё в глазах слёзы: — Что с тобой? Ты раньше так не говорил.

А что со мной? Всё — молодость закончилась.

-2003-

Пасха

Однажды мы с Инной поехали на машине в Екатеринбург по делам. Поскольку нам надо было в больничный городок, то решили ехать через Мурзинку. Поездка пришлась на пасху.

Раннее утро. Едем по Мурзинке. Инна за рулём. Настроение весеннее. На улицах — никого. В конце деревни Инна разогналась километров до семидесяти (а знак был — сорок) и — надо же — перед самым знаком «Конец населённого пункта» из-за кустов выходит гаишник! Останавливаемся. Инспектор неспеша подходит к машине, козыряет. Инна опускает стекло и таким жизнерадостным приветливо-виноватым голосом говорит:

— Здравствуйте! Христос воскрес! Мы больше не будем!

Гаишник совершенно спокойно, без лишних эмоций, отвечает:

— Здравствуйте. Воистину воскрес. Пройдёмте.

Через пять минут Инна вернулась с квитанцией на сто рублей (минимальный штраф за превышение скорости).

-2003-

*Однажды у Татьяны Тимошенко спросили — А Березин женат? — **Ещё как!** — ответила она.*

Цена вопроса

Однажды я поехал на машине в Екатеринбург по больничным делам. Заехал в областную больницу, там нашёл нужного врача (им оказалась молодая симпатичная женщина), мы сели в машину и поехали в платное лечебное учреждение «Бабур», что находилось около «Дирижабля». Едем по окружной дороге и я, чтобы не молчать, спросил:

— А Вы водите машину?

Спутница говорит:

— Нет, я не вожу машину, она мне не нужна: с мужем мы в разводе, сыну только двенадцать лет, а живу я на Амундсена — до работы две остановки на троллейбусе.

Мы ещё о чём-то говорили — не важно. Когда я приехал домой, Инна спросила:

— Кто у тебя лечащий врач?

— Горбунова Ирина Александровна.

— Молодая?

— Слегка за тридцать. У неё сыну двенадцать лет. С мужем в разводе. Живёт на Амундсена.

Инна поджала губы:

— Как я ненавижу эту верх-нейвинскую привычку — сразу спрашивать — замужем вы или нет? Есть ли у вас дети? А где вы живёте? А сколько вы получаете? — Я говорю:

— Ни о чём я её не расспрашивал. Я задал только один вопрос — водит ли она машину. Она дала развёрнутый ответ. Вот и всё.

Инна промолчала, но по ней было видно — не поверила.

-2003-

На приёме у врача

Инна всегда была уверена, что к врачам надо ходить вместе с хворым мужем, потому что «эти мужики — они ничего толком не расскажут, ничего не

спросят, ничего не запомнят и всё перепутают». И вот однажды мы приехали в платную клинику «Бобур» по поводу моего артрита. Инна привезла меня на машине, поскольку сам я мог рулить с большим трудом.

Заходим в кабинет. Врач, ухоженная женщина средних лет, показала мне на стул напротив себя: — Присаживайтесь. — Инна расположилась неподалеку сбоку и чуть сзади от врача.

— Слушаю вас — обратилась женщина ко мне.

— Вы знаете, у моего мужа это началось примерно год назад...

Врач и бровью не повела в сторону Инны.

— Я вас слушаю — женщина строго и внимательно смотрела на меня.

— У него это началось осенью после отпуска ... — снова начала Инна.

Врач опять никак не отреагировала.

— На что жалуетесь? — в глазах женщины появилось нечто, похожее на сочувствие.

Самое время было ответить: — На жену! — Но тогда мне пришлось бы жениться на врачихе. Инна оценила обстановку и встала со стула:

— Я тебя в коридоре подожду — и процокала шпильками к выходу.

Женщина, не отрывая от меня взгляда, подождала, когда закроется дверь.

— Ну, так что вас привело к нам?

Мы поговорили, врач заполнила медицинскую карту, выписала направления, и я постарался ничего не упустить. Через неделю я снова приехал к этой даме. — Вы сегодня без жены? — участливо спросила она. — Ну, правда, я в прошлый раз не мог рулить сам... — Ладно, рассказывайте... — Это можно было расценить как продолжение разговора о том, кто у нас вообще рулит, но я сделал вид, что понял её слова, как приглашение приступить к нашим медицинским делам.

Между прочим, Инна сказала, что врачиха ей понравилась.

-2003-

Постоять за земляков

Мы с Инной летели из Чехии вместе с парой из Челябинска, с которой жили в одном отеле и довольно близко познакомились. На регистрации выяснилось, что у челябинцев превышение веса багажа, и им предложили доплатить за перегруз шесть тысяч в пересчёте на рубли. Парень чешского не знал, английского — тоже, денег не считал, и послушно пошёл платить. Инна напряглась: почему за такой маленький перегруз так много денег? Она сунулась в окошко и на английском стала разговаривать с девушкой. Та пыталась что-то объяснить, потом удалилась, затем вернулась и сказала, что произошёл сбой в компьютере, извинилась и назвала другую, совсем смешную сумму. Парень на радостях сбегал в дюти-фри и купил две бутылки дорожного коньяка.

В самолете он объявил, что у него день рождения, мы сели рядом и вчетве-

ром выдули весь коньяк. В конце полёта мы, уткнувшись лбами и умирая от смеха, пели: «Под крылом самолёта о чём-то поёт зелёное море тайги-и-и-и-и!»

-2003-

Сидим на работе в чайной узкой компанией.

— *Саша, скажи, у твоей жены есть целлюлит?*

— *У моей жены есть всё!*

— *Ты хоть знаешь, что это такое?*

— ***А это неважно!***

Метод Фолля

Одно время я ездил на лечение в Екб. Мне лечили суставы методом Фолля. Этот метод официальной медициной не признан, но в России разрешён. (А в Штатах, например, запрещён). Одни считают этот метод шарлатанством, другие, напротив, считают его передовым и глубоко научным. Метод основан на том, что все составляющие нашего организма, включая отдельные органы, вирусы, микробы и пр. живность, имеют свои частоты электромагнитного излучения. С одной стороны, зная эти частоты, можно выявлять больные органы и идентифицировать любую заразу. А с другой стороны, воздействуя на организм э/м излучением резонансных частот, можно нормализовать работу органов и убивать вредителей. Всё дело в интенсивности излучения. В это ещё как-то можно поверить. Но классиков бесит то, что они не понимают, как можно гомеопатическую крупку заряжать э/м излучением определённой частоты. И уж совсем не понятно, как одни таблетки могут передавать свои приобретённые свойства другим таблеткам, которые лежали рядом.

Но, как говорится, любовь зла... А у меня дело доходило до того, что было проблемой снять свитер или положить шапку на полку. Короче, я обратился к биорезонансной терапии и попал в руки молодой красивой женщины, Пастуховой Наталии Анатольевны, убеждённой сторонницы метода Фолля.

Процедура простая: ты сидишь в кресле, тебе дают ту самую «заряженную» крупку, на руки и ноги прикрепляют контакты, провода идут к генератору излучения, за прибором сидит оператор, который задаёт частоты, мощность и время излучения. Вот этим оператором и была Наталия Анатольевна. Каждая процедура длилась 40 минут. Мы сидели лицом к лицу, и у нас хватало времени и помолчать, и поболтать на любые, не только медицинские, темы.

Стены кабинета были увешены наивными детскими рисунками, видимо, от благодарных пациентов, о чём говорили подписи типа: Сидорова Настя, 4 года, Иванов Слава, 5 лет.

На один из последних сеансов (а их было десять) я принёс лист бумаги, на котором было написано крупными буквами:

ПАСТУХОВОЙ Н. А.

*Фолль — это гений, а может и более.
Фолль навсегда избавляет от боли.
Но ничего бы не вышло у Фолля,
Если б не Ваше магнитное поле!*

Березин Саша, 54 года.

Мне показалось, что ей понравилось.
А суставы через некоторое время перестали беспокоить.

-2003-

На Ниве без света

Когда Максим учился в старших классах, у нас был такой распорядок дня: мы с ним ночевали в Мурзинке, утром ехали в школу и на работу (у меня тогда был смещённый рабочий день), после школы Максим ждал меня на квартире, я после работы забирал его, и мы ехали в Мурзинку.

Однажды зимним вечером мы отъехали на своей Ниве от Информпечати на Комсомольской и я понял, что у нас неисправно электрооборудование: фары не светят, поворотники не работают, стопари не горят. Вообще не горит ни одна лампочка. Что делать? Возвращаться? Останавливаться и искать неисправность? Решаем ехать в Мурзинку без света. Там у нас тёплый гараж — разберёмся.

Без проблем мы проехали мимо «Малыша», мимо тира, мимо сбербанка, по улице Корнилова, мимо заправки — везде хорошее освещение. Когда мы стали спускаться под горку, освещённость стала резко падать и после поворота кончилась совсем. Но зато стали видны огни проходной.

Часть пути после проходной мы проехали в свете фар попутных и встречных машин. Для того, чтобы нас было видно, Максим держал в руках горящую зажигалку. Потом машины кончились, зажигалка раскалилась, и Максим её потушил, и мы ехали в полной темноте, ориентируясь по светлой полосе неба и заснеженным обочинам. Мы ехали всё медленней и к нашему повороту уже просто ползли на второй передаче.

И вот — впереди пост ГАИ, возле него гаишная машина и два инспектора с автоматами. Мы подкрадываемся к повороту, поворачиваем буквально наощупь, и я краем глаза вижу, как гаишники садятся в свою машину. По нашей улице, хоть слабо, но всё же освещённой, мы подъехали к своему дому и уткнулись в гараж. Через несколько секунд подкатывают гаишники, останавливаются не очень близко и включают дальний свет. Выходят — автоматы наперевес. Я, не дожидаясь вопросов, начинаю объяснять наше странное поведение. Они проверили документы, потом попросили продемонстрировать отсутствие света, потом

проверили багажник и салон. Отдавая документы, они спросили: — Так вы что, здесь постоянно живёте? — Я говорю: — Да. — На этом инцидент был исчерпан.

А причина неисправности была в том, что провода коснулись горячего коллектора, оплавившись и замкнули. Утром мы, как обычно, поехали в школу и на работу. Все лампочки горели.

-10 декабря 2003-

Как-то я спросил у Александра Пантыкина — известного уральского композитора, «дедушки» уральского рока, который тоже окончил физтех, но лет на 15 позже меня: — Сан Саныч, тебе не жалко своих трудов, когда, например, ты написал музыку к фильму, а её не приняли? — А чего жалеть? — идеи-то остались.

Телевизор за двойную цену

Это было накануне нашей поездки к родителям в Снежинск. Мы решили купить в подарок и отвезти Жене хороший телевизор по случаю его недавнего дня рождения. Я в это время регулярно ездил в Екатеринбург на процедуры в платный медицинский центр «Бобур» около Дирижабля. И мы разработали план: я приезжаю на своей Ниве к Инне в Екб, мы едем в магазин, покупаем телек, я грузю его в Ниву, поскольку он в Тойоту не войдёт, и еду в Мурзинку. А на следующий день я забираю Инну в Екб и мы едем в Снежинск.

Сначала всё было по плану. Мы купили телевизор Панасоник за 700 зелёных, погрузили в Ниву, и я поехал по маршруту через Первоуральск, поскольку по пути надо было заехать в «Бобур».

Я заехал на огороженную территорию, вышел из машины, закрыл её. Рядом было припарковано ещё несколько машин. Недалеко от въезда, за оградой парень ковырялся под капотом «москвича». Я прошёл процедуры, подошёл к машине, открыл дверь ключом, и мне показалось, что в машине что-то не так. Я обвёл кабину взглядом — магнитола на месте, зонтик лежит, где лежал... Телевизор!!! Его в багажнике не было! У меня застучало в висках:

— Как же так?! Территория огорожена, посторонних машин быть не должно. Неужели меня вели от магазина? Я стал вспоминать. Вот я свернул на Восточную, вот я в плотном потоке машин несколько раз перестроился, вот я подъехал к перекрёстку с Куйбышева, вот я с нарушением повернул направо из среднего ряда. Ну, нет — хвоста точно не было — я бы заметил — никто больше правил не нарушил. Тут любой профессионал за мной бы не удержался. Как сказал Мюллер — трудно спрогнозировать действия дилетантов: они непредсказуемы.

Я обежал территорию — никого, ничего. Зашёл в здание, сунулся во все

кабинеты, окна которых выходят во двор. Никто ничего не видел. Я подошёл к парню — он всё ещё ковырялся в моторе. И он ничего не заметил. Надо же! Среди бела дня вскрыли машину, вытащили телевизор в неподъёмной огромной коробке, перегрузили в другую машину или унесли на руках (он ещё не во всякую машину и войдёт), и никто ничего не заподозрил!

Я набрал Инну:

— Иннуля, ты только не падай! У нас спёрли телевизор, пока я был на процедурах!

— ...твою мать! — услышал я обрывок фразы.

— Ну, что? Я заявляю в милицию?

— Какая милиция?! Нам завтра ехать! Ни черта они не найдут и искать не будут. Поезжай домой, завтра купим другой телевизор.

Назавтра мы купили в том же магазине ещё один телевизор — круче первого. Женя радовался подарку так, как может радоваться только он — искренне, немногословно, сдержанно и удивлённо.

Когда мы бываем у Жени в гостях, я интересуюсь: — Как телевизор показывает? — Женя неизменно отвечает: — Отлично... — (Ещё бы! За такие-то деньги!) — ...я, вообще-то, редко включаю телевизор. Разве что иногда смотрю канал «Культура». (И это правильно: криминала нам и в жизни хватает).

-2003-

Сидим в чайной. Одна из дам говорит:

— Березин, хорошо тебе: Инна деньги зарабатывает, семью обеспечивает. Что бы ты делал без неё?

— **Да, не всем повезло с жёнами.**

— Березин, ты не боишься, что тебя уведёт какая-нибудь молоденькая?

— **Нет. Я слух пустил, что уйду из семьи в одних носках.**

Bell

На юбилей Лёни Зеленского я написал поздравление на мотив «Гренады» и сделал вставку из очень популярного в то время мюзикла «Нотр Дам де Пари» с намёком на то, что его жена Люся переводчик с французского. Не зная языка, я записал русскими буквами французский текст, и мы с Инной выучили целый куплет:

Bell.

C'est un mot qu'on dirait invente pour.

Elle.

Quand elle danse et qu'elle met son corps a jour,

Tel.

*Un oiseau qui etend ses ailes pour s'envoler
Alors je sens l'enfer s'ouvrir sous mes pieds.*

И спели. Юбиляр и Люся были довольны и в последствии ещё не раз просили исполнить для них эту поздравительную песню. Но это ещё не всё.

В январе 2004 года мы катались на горных лыжах в Андорре. С нами был Максим. Он тогда учился в 11 классе, и мы с Инной понимали, что это, возможно, наш последний совместный отпуск, где Макс был с нами в качестве ребёнка. Поэтому мы старались, чтобы отпуск ему понравился и запомнился. У нас установился порядок: после завтрака в гостинице мы идём на гору, катаемся до 2-х часов, перекусываем в ресторанчике и ещё катаемся примерно до 4-х часов.

В один из дней мы, как обычно, остановились у ресторанчика, набрали еды и приземлились на свободные места за столиком на улице. За столом уже сидели два человека, как оказалось, французы. Мы поприветствовали друг друга, и завязался непринуждённый разговор на английском. Я в разговоре не участвовал — слишком долго обдумывал фразы, и ситуация всякий раз ускользала. Но принять участие в международном форуме всё же хотелось. Я наклонился к Максиму и тихо спросил: — Как будет — знаете ли вы? — Do you know? — Я немного посидел, собрался с мыслями и, улучив момент, придвинулся к французу (второй куда-то отлучился):

— Do you know Notre-Dame de Paris? — Француз опешил:

— What?

Я выпрямился, вошёл в образ и запел:

Бэль.

Сетельмон кондирэ эвонтэпу.

Француз вскочил и замахал руками:

— Андрэ, Андрэ! — обращаясь к своему другу.

Приятель подошёл, и я начал сначала:

Бэль.

Сетельмон кондирэ эвонтэпу.

Эль.

Кандэль дэнс э кель ме сон коражур

Тэль.

Эн уа зуки эн су сизэль пу соволе

Алёр жё сон ланфэр суви э сумипье...

Французы заплодировали, начали жать руку и тот, который Андрэ, крикнул: — Шампанского! — на французском, конечно. А на каком же ещё, если рядом сидит человек, который только что своим исполнением вернул их на родину.

Вскоре все успокоились, беседа продолжилась, но я уже не встречал — я сделал, всё что мог и почивал на лаврах.

-2004-

Затоп

Мы с Инной и Максимом вернулись из нашей первой горнолыжной поездки в Андорру, и в тот же день нам позвонил Денис из Нязепетровска. Оказывается, в наше отсутствие мы затопили соседей по городской квартире с четвёртого по третий этаж. На следующий день я поехал на Комсомольскую.

Все работники комбината в начале девяностых покупали по бартеру бытовую технику, а потом её подсоединяли, как могли. Вот и мы приобрели стиральную машину «Сименс». Раздобыли дюритовые шланги, краны, выточили фитинги и установили машину на кухне. Она служила нам верой и правдой десять лет, пока у нас не появилась стиралка в Мурзинке. Однако какими бы не были качественными отечественные шланги, пусть даже и дюритовые, какими бы не были хорошими самодельные фитинги и хомуты, но и они не выдерживают длительного давления, если оставить открытым кран, подающий воду по шлангам в машину. Короче, когда мы гоняли по заграничным трассам, сорвало шланг с этого самого крана. Пока соседи выяснили, что нас нет дома, пока открыли подвал, пока перекрыли стояк, вода протекла на четвёртый этаж к Ворониным и на третий этаж к Нисневичам. Соседи нашли по телефону Дениса (он в это время с компанией проводил время в Мурзинке), с его помощью открыли квартиру, перекрыли злополучный кран и оставили всё до нашего приезда. Нам звонить не стали. Мудрая Надежда Ивановна рассудила, что помочь из Андорры мы не сможем, а настроение будет испорчено.

Я извинился перед пострадавшими соседями и развернул бурную деятельность: нашёл маляров, помог выбрать и привезти материалы. В результате Ворониным отремонтировали полквартиры, а Нисневичам ванную и прихожую, и наши отношения с соседями стали душевнее, чем были до затопы.

-2004-

По нашему примеру Люся Никифорова и Лёня Зеленский приобрели недостроенный дом и пригласили нас взглянуть на своё богатство. Снаружи дом был очень хорош, а внутри — голые стены, бетонные колонны и щебёнка вместо пола. Я ходил за всеми и повторял: — Как хорошо! Как хорошо! — Мы вышли во двор, и Люся, заглядывая в глаза, спросила:

— Ну, как?

*— **Как хорошо!... что это — не моё!***

С телефоном через проходную

Я случайно пришёл на работу с мобильным телефоном в кармане, чего делать было нельзя. Существовал список вещей, которые можно было проносить на территорию комбината: ключи, кошелёк, расчёска, ручка, помада и прочая дребедень, а телефоны были запрещены. За это наказывали — составляли приказ по комбинату и лишали премии. Однако проверки с металлоискателем устраивали от случая к случаю, поэтому вероятность того, что удастся выйти безнаказанным, была высока.

В тот день нужно было по пропуску вынести двадцать литров деионизированной воды для нужд родного физтеха. И вот в конце рабочего дня мы с молодым напарником несём эту воду. У него в руках барсетка и канистра, и у меня — барсетка и канистра. Обе руки заняты. Мы подходим к вахтёрше (то есть — к стрелку военизированной охраны), и в этот момент в моём кармане звонит телефон. Не раньше, не позднее! Именно в пределах слышимости для вахтёрши и именно тогда, когда руки заняты, и нельзя быстро отключить телефон. Вахтёрша слышит звонок и говорит: — Та-а-ак! У кого-то что-то зазвонило. — Она выпускает предыдущего работника и перекладывается на меня:

— Телефончик, пожалуйста, сюда.

— Может, не надо?

— Надо, надо.

Я ставлю канистру и достаю телефон.

— Может, всё-таки не надо?

— Давайте, давайте.

Вахтёрша берёт мой телефон и снимает трубку, чтобы позвонить коменданту. Я стою. За мной растёт очередь. Я опять:

— Не надо звонить! Зачем нам эти проблемы?

В трубке долго не отвечают, и вахтёрша делает мне знак, чтобы я прошёл и не стоял в проходе. Я вышел из проходной и встал в тягостном ожидании. Случай, конечно, не смертельный, но неприятный — кому охота объясняться с руководством, выслушивать разные слова.

Минут через пять выходит вахтёрша и протягивает мне мой пропуск со словами: — Больше никогда так не делайте. — И я понимаю, что случилось чудо и приказа не будет. Молодой напарник смотрит на меня восхищённо: — Ну, Вы и везунчик, Александр Денисович!

А звонил Максим — он приехал в Мурзинку без ключа.

-2004-

На Ниве без документов

Одно время, живя в Мурзинке, мы брали молоко у одной женщины, тёти Тамары, и ездили к ней на машине — на Ниве. Как-то я съездил за молоком, за-

хватив с собой не всю барсетку, а только документы на автомобиль и кошелёк. И всё это оставил в куртке.

Наутро я поехал на работу с барсеткой и в другой куртке, и только на работе вспомнил, что я без документов и денег. И случилось так, что именно в этот день был семинар на ЗИЛе. После обеда мы, инженеры и лаборанты, на нескольких машинах поехали на ЗИЛ. Послушали докладчиков, посмотрели химическое оборудование и посуду. Устроители семинара организовали стол с шампанским и пирожными. Все приняли, развеселились и поехали домой. В моей машине кроме меня сидело четверо. Все весёлые, разгорячённые, аж стёкла запотели. Едем мимо ГАИ, а там знак — 30 километров. И гаишник! Ну, всё — думаю — попал. Подхожу к гаишнику, он протягивает мне прибор, на котором значится моя скорость 43 километра в час, и требует документы. Все мои пассажиры расплющили носы на стёклах — они знали, что я без документов. Я говорю гаишнику:

— Вы знаете, это не самое страшное, что я превысил скорость.

— А что такое?

— У меня вообще с собой нет документов и денег.

— Почему?

— Я вчера в Мурзинке ездил за молоком, и документы с кошельком остались в другой куртке.

Гаишник помолчал, видимо, соображая — это ж сколько возни: пока я доберусь до Мурзинки, пока привезу документы — и сказал: — Проезжайте.

Когда я сел в машину, все хором спросили: — Сколько? — Я сказал: — Нисколько! — А про себя подумал: — Хорошо, что я шампанского не выпил.

-2004-

Спускаюсь из столовой цеха 45 к гардеробу и машинально вместо бирки протягиваю гардеробщице пропуск. Моя рука повисает в воздухе. Гардеробщица выдерживает паузу и говорит: — «Лучше деньгами».

Я, будучи в командировке в Москве, посмотрел в театре Сатиры спектакль «Бешеные деньги» по Островскому в постановке Андрея Миронова. На следующий день нас на автобусе повезли на экскурсию. Рядом со мной оказалась молодая лаборантка из Подмосковья. Я завёл разговор:

- Был вчера в театре Сатиры, посмотрел спектакль по Островскому «Бешеные деньги».*
- А почём билеты?*
- Четыреста рублей.*
- **Так это ж недорого.***

Благодарный заказчик

Лёша Лукьянец выдавал замуж свою старшую дочь и очень ответственно готовился к свадьбе. Он подошёл ко мне за месяц до события и, смущаясь, попросил сочинить что-нибудь от лица родителей. Кому — кому, а Лёше я отказать не мог — настолько он был деликатным и нерешительным в щепетильных вопросах. Я начал расспрашивать про невесту, жениха и его родителей, и Лёша протянул мне листок, где всё было заранее написано его каллиграфическим почерком.

Лёша был человек невинный, и у меня всё сложилось удачно: и смысл, и форма, и рифмы. Через несколько дней я пришёл к Лёше и молча положил перед ним листок со стихом. Он стал читать и по его лицу я понял, что ему нравится.

Прошла свадьба, и буквально на следующий день Лёша пришёл ко мне и рассказал, как проходило застолье, как подошла его очередь, как он начал читать наизусть, как все смолкли, как слушали, как хлопали, как на следующий день в узком кругу родственников попросили прочитать ещё раз, как говорили, что похоже на Евтушенко. Потом помолчал и сказал:

— Ты меня извини, но у меня не хватило духу сказать, что это не я сочинил.

-2005-

2006-2010

На крыше

Последние пять школьных лет, с 99-го по 2004-й, Максим жил со мной в Мурзинке постоянно, и мы научились понимать друг друга без слов.

Однажды, будучи дома вдвоём, мы занимались своими делами. Я заглянул в комнату к Максиму, уже студенту:

- Макс, я буду на крыше — надо швы герметиком промазать.
- Помощь нужна?
- Нет. Там одному делать нечего.
- Понял.

Я подставил деревянную лестницу, влез на козырёк, поднялся по стационарной лестнице до конька, прополз метров пять по коньку и — вниз, на трении, до нужной трубы. Мы недавно поменяли на крыше шифер на металлочерепицу и откровенно любовались ею. Красивая получилась крыша, ровная. В сухую погоду по ней можно было ходить в кроссовках, а от воды она, естественно, становилась скользкой. Погода была сухая, крыша не скользкая, и я расположился над трубой без страховки. Пока я заделывал швы, налетела тучка, пошел дождичек, и я оказался в ловушке. До конька было каких-то четыре метра, но преодолеть их без подручных средств не было никакой возможности. Что делать? Телефона нет, верёвки нет, вокруг — никого. И тут я вижу, как по лестнице с проворностью кошки взбирается Максим с альпинистской верёвкой в руках! Операция по спасению заняла две минуты. Я был тронут и горд.

Алкогольный бизнес

Мы с Инной летели из Австрии. Когда самолёт набрал высоту, пассажиры расстегнули ремни, зашуршали пакетами, начали ходить туда-сюда. Вскоре в салоне стало весело и оживлённо, то и дело раздавался хохот.

Вдруг кто-то из пассажиров громко сказал: — Покупаю бутылку коньяка за триста швейцарских франков! — Никто не прореагировал. То ли коньяка лишнего не было, то ли в ценах не сориентировались. Инна насторожилась: она знала курс валют, и у нас был коньяк, купленный в дюти-фри за 22 евро. Мужик опять: — Кто продаст бутылку коньяка? Даю триста швейцарских франков! — Инна стала оглядываться, высматривая страждущего. А сзади нас сидела семейная пара, знакомая нам по отелю. Сергей, строитель из Берёзовского, уже обошёл весь самолёт и подошёл к нам: — Там мужики знакомые выпить хотят. У вас нет коньяка? У них швейцарские франки остались. — Инна говорит: — Есть. — И отдаёт бутылку. Через пару минут Сергей приносит деньги и полный стакан коньяка. Мы оглянулись. Счастливые мужики дружно подняли свои стаканы в нашу сторону, как бы чокаясь с нами.

В Екатеринбурге Инна поменяла вырученные франки на шесть тысяч рублей. Прибыль от сделки составила почти тысячу процентов.

-2007-

Красные апельсины

Инна посылает меня в магазин, перечисляет, что надо купить. Когда наименований стало больше шести, я сказал, чтоб она написала список. И вот я хожу

по Южному гастроному и набираю продукты. Дошёл до строчки, где написано — ябл виноград и пр кр апельсин. Яблоки, виноград — это понятно. «И пр.» — это что-нибудь ещё на мой вкус. А что такое «Кр. апельсин»? Красных апельсинов? А что — бывают такие? Подхожу к полкам. Есть жёлтые апельсины. Есть оранжевые. Красных — нет. Беру оранжевые — они ближе к красным.

Приезжаю домой, отдаю Инне пакет с продуктами. Через минуту она выходит из кухни: — Где список? — Я протягиваю ей листок. Она тычет пальцем в ту самую строчку:

— Вот это что написано?

— Иннуля, я взял самые красные из тех, что были. А что, надо было взять крупные? — осенило меня.

— Здесь написано — Кроме апельсинов!

Я захожу на кухню. На столе лежат мои оранжевые апельсины, а рядом ещё три упаковки с апельсинами из «Метро».

Ну, а я в чём виноват? Писать надо понятнее!

-2007-

Мы с Инной на участке. После работы в наклон она решила размяться. Потянулась, широко расставила ноги, руки вперёд, присела сначала на одну ногу, потом на другую. Я говорю: — Иннуля, ты поаккуратней, пожалуйста. Ежели что — ты же в машину не войдёшь.

Участие в конкурсе частушек

Как-то на работе приходит ко мне мой коллега Лёша Лукьянец, огромный добродушный парень, большой любитель жёлтой прессы и кроссвордов, и говорит: — Хочешь поучаствовать в конкурсе? — и кладёт передо мной газету «Три семёрки». Читаю: «Объявляется конкурс на лучшую частушку. В частушке должны присутствовать два слова — рубль и дядя. Пять авторов лучших частушек получают по 777 рублей. Итоги конкурса — через месяц». И рядом напечатан купон, который надо заполнить — ФИО, паспортные данные, адрес. Я пожал плечом: — Можно попробовать.

Вечером звоню Лёше: — Записывай!

*«Деревянный» рубль крепчает,
А «зелёный» доллар тает —
Как бы дальше дядя Сэм
Не скопытился совсем.*

Утром Лёша заходит ко мне, и я читаю ему ещё одну частушку:

*Дядя поле боронил,
Дядя рубль обронил,
Не унялся — вот нахал,
Снова всё перепахал.*

На мой взгляд — нормальные частушки — злободневные, не пошлые, политически грамотные. А как иначе — в купонах же ФИО, паспортные данные, адрес.

Лёша говорит:

— Давай обе пошлём, от тебя и от меня.

Мы отсканировали купон, отпечатали на цветном принтере — не отличишь от настоящего — заполнили и отправили. Ждём результатов конкурса и прикидываем, как мы гульнём на полторы тысячи.

Через месяц звонит Лёша и говорит: — Пришла газета с итогами конкурса, сейчас я к тебе зайду. — Приходит, даёт газету. Я быстро пробегаю по частушкам, которые победили — наших нет. Читаю более внимательно и офи-геваю: вот самая безобидная из них:

*Доллар — дядя, рубль — мальчик,
Доллар — хрен, а рубль — пальчик,
Хрен — тот вянет иногда,
Ну, а пальчик — никогда.*

И я понял, что нам в таких конкурсах не победить. Воспитание не позволяет.

-2007-

*Сидим своей компанией за столом. Тесно.
Инна перебирается ко мне на колени, никак
не может угнестись. Я говорю:
— **Не волнуйся. Это телефон.***

...и проставиться

На нашей работе, видимо, как и везде было много писанины: справки, отчёты, инструкции, техзадания, нормы времени и прочее. Всё, что было связано с творчеством (методики, научные отчёты, заявки на рацпредложения и изобретения), доставляло удовольствие. Но от рутинной работы порой сводило скулы.

Однажды, уже в конце своей трудовой деятельности, я составлял оче-

редную должностную инструкцию. Вернее сказать — переписывал устаревшую, внося лишь небольшие изменения. Никакой фантазии и полёта мысли не требовалось — скущища необыкновенная. Душа томилась от безделья, и я решил позабавиться. В одном из пунктов, где перечислялось, что работник должен пройти курс обучения, инструктаж по технике безопасности, сдать квалификационный экзамен, я добавил — и проставиться. Получилось очень органично и, главное, жизненно. Мы всегда отмечали на работе сдачи на разряд, повышения оклада и прочие мелкие радости. Виновник торжества, как правило, приносил чего-нибудь вкусненького, и мы с удовольствием чаёвничали.

И я не стал выкидывать слово из песни. Оставил прикол до первого подписанта — руководителя группы. Думал — если заметит, то получит от меня комплимент за внимательность, а если нет, то сам по-тихому уберу, чтобы не нарываться на замечания начальника лаборатории и тем более начальника отдела. Решил — и забыл. Подписали все. А когда я спохватился, то сразу найти нужный абзац не получилось, и я махнул рукой. Так и хранится эта инструкция с моей вольной вставкой. Может быть, кто-то её и заметит, но мне уже это ничем не грозит.

-2007-

Жара. Июль. Работа. Лёша Лукьянец, огромный грузный мужчина интеллигентного вида, с маленькой бородкой типа эспаньолки стоит у зарешёченного окна на первом этаже, которое нельзя открывать из-за режимных соображений, и, прислонившись к косяку, с тоской смотрит на улицу. Стоит пять минут, десять...

— Лёша, ты похож на политического заключённого!

Тёзки

С нашей подачи после долгих раздумий Денис с Леной назвали своего первенца и нашего первого внука Сашкой. Не столько в честь меня или Лениного папы, а больше для того, чтобы продолжить преемственность Александр Денисович — Денис Александрович. Вообще, имя Александр — это некое родимое пятно нашей большой семьи: кроме наших детей, естественно, Александровичей, у Лены родители Лариса Александровна и Александр Андреевич, у Светы мама Елена Александровна, у Кати мама Нина Александровна и сама она тоже Александровна. Когда Женя выписывал на всех пропуска перед юбилеем деда, он устал писать это длинное имя. Вот как раз на проходной я и столкнулся в первый раз с тем, что значит иметь полного тёзку.

Третьего ноября 2007 года мы поехали в Снежинск: я с Инной, Стасом и Максимом — на моей машине, а Денис с Леной и Аликом — на своей. По дороге мы созвонились и подъехали к проходной одновременно. Первым через проходную торжественно пронесли Алика. Ему почти исполнился год, и он ехал на первую встречу с Рашкованами. Я просунул свой паспорт в окошко последним. Прапор глянул в паспорт, на меня, в компьютер, опять в паспорт, опять в компьютер и сказал, что на меня пропуска нет. Как это нет!? Получается, что Алика пропустили вместо меня, хотя на него пропуск не требовался, ведь он был ещё ребёнок! Я предложил Денису взять меня на руки. Прапор юмора не оценил и со значением лица, отбивающим желание спорить, выпихнул мой паспорт обратно. Мы позвонили деду. Он позвонил кому-то. Кто-то позвонил на проходную. Дед позвонил нам, и я повторил попытку. С моей первой попытки прошло минут десять. Прапор взял паспорт, пролистал, поднял глаза и спросил:

- Вы на машине?
- Да.
- Номер машины?
- Т 301 АЕ.
- Проезжайте.

В родительской квартире Алик был в центре внимания. Он только что научился вставать на ноги, делал это с удовольствием и вызывал восторг и умиление окружающих.

При выезде из города я решительно прошёл первым и стал наблюдать, как пропустят Алика. Как и ожидалось, вопросов к нему не возникло.

-2007-

Жми!

Мы всем семейством собрались в Снежинске на майские праздники — повидаться с родственниками и отметить деду Ханану очередной день рождения.

Денис и Алик гуляют во дворе. Алику два с половиной года, он ещё не говорит, но всё понимает. У него в руках ключи от машины. Он подходит к машине, нажимает на кнопки иммобилайзера, замки срабатывают, Алик открывает дверь и забирается внутрь машины. Мы не успели моргнуть глазом, как Алик захлопнул дверь, нажал на кнопку и замки закрылись. Нам стало плохо. Алик крутит руль, суёт ключ в замок зажигания, нажимает и дёргает всё подряд. Денис уже начал прикидывать, какое стекло дешевле разбить. Алик покрутил руль и начал играть ключам. Мы забарабанили в стекло: — Алик, Алик, нажми кнопку! — Алик стал нажимать кнопки на ключе. Когда он дошёл до нужной кнопки, мы в голос заорали: — Жми!!! — Алик нажал и замки щёлкнули. Мы рванули дверь на себя и облегчённо выдохнули.

Тормозить будем?

Есть люди, которые обладают даром оказываться в нужное время в нужном месте. Я знаю двух — трёх таких человек. Одна из них — Инна.

Едем горнолыжной компанией на микроавтобусе по Швеции. За рулём Сергей из Питера, шофёр — профи. Едем себе, в салоне тишина, многие дремлют, в том числе и Инна. Приближаемся к очередному перекрёстку и мне понятно, что на зелёный свет не успеваем, и даже на жёлтый, а Сергей едет, не снижая скорости. В это время Инна открывает глаза, смотрит вперёд и говорит: — Мы тормозить-то будем или как? — Серёга резко посмотрел налево, потом направо, оценил, что все стоят, никто поперёк не едет, и проехал на красный свет. В автобусе повисла тишина, и было слышно, как кто-то шёпотом сказал: — Ничего себе!

Надо сказать, что за всё время это была единственная ошибка Сергея, как водителя. Во всём остальном он был на редкость несуразным: немытый, небритый, нечесаный, прокуренный, с огромными когтями на ногах. У нас даже была шутка: кто это цокает, как будто собака по паркету? Да, это Серёга в туалет пошёл босиком.

-2008-

Однажды я спросил у Николая Ситникова, который в одиночку покорил Эверест и участвовал в кругосветке: — Коля, кого бы ты предпочёл взять с собой в команду — классного спеца с неуживчивым характером, или того, кто пусть слабее, но зато с тобой психологически совместим?

— Мне дела нет до его характера, лишь бы он свою работу выполнял.

Усы

Долгое время, лет тридцать, я носил усы. Со временем они начали сидеть и выдавать мой возраст. Инну это стало смущать, и она так ненавязчиво убедила меня с ними расстаться. Я всё тянул и вот в один из дней, когда мы были в круизе по Средиземному морю, я взял фотоаппарат, уединился в умывальной комнате и заснял процесс расставания. Когда я вышел к Инне, она обомлела и струхнула: я же на всех документах и пропусках с усами! Я её успокоил — всё под контролем, процесс преображения заснят.

Пока мы были за границей, ни у кого не возникало вопросов при фейс-контроле. Видимо у них — отращивать щетину и сбривать её — обычное дело.

Когда мы приехали домой, наблюдательность проявили не все. Буквально через несколько дней после нашего возвращения к нам пришли друзья. Девчон-

ки осмотрели меня со всех сторон и спрашивают у Подкорытова: — ты заметил у Березина перемены на лице? — Тот обвёл меня взглядом, пожал плечами: — Зубы что-ли вставил?

-Октябрь 2008-

Дрель как оружие

Мы с Инной возвращались из очередной зарубежной поездки и в дюти — фри купили Алику игрушечную дрель. С двумя ручками. На батарейках. В вакуумной упаковке. Дрель сунули в ручную кладь и поспешили на регистрацию. Времени было в обрез. Мы последними прошли регистрацию, сдали чемоданы и побежали на досмотр, где нас и тормознули. Досматривающие попросили достать дрель и сказали:

— Нельзя.

— Почему нельзя? Это же детская игрушка! Мы её купили здесь! Она ведь в упаковке!

— Нельзя. Она очень похожа на оружие.

Что делать!? Мы рванули к стойке регистрации и увидели, что наши чемоданы ещё не загрузили на транспортёр. Повезло! Мы сдёрнули чемодан и засунули в него дрель. Через минуту наши чемоданы уехали.

-2009-

Нос Инны

Это было в январе 2009 года. Мы катались в Болгарии (Банско). Наш отпуск подходил к концу, оставалось 2 дня катания. Мы облюбовали трассу «пятёрочка» и скатились по ней несколько раз. Обычно я качусь за Инной — мне так спокойней: и она перед глазами, и думать не надо. А тут на третий или четвёртый раз я решил скатиться «с ветерком» — трасса — то знакомая — и пошёл по левому краю, а Инна выбрала правый. Спускаюсь вниз, жду её. Проходит минута — её нет. Ещё 5 — её нет! Звоню — трубку не берёт. Ещё звоню — занято. Что делать? Подниматься наверх и искать её на трассе? Вдруг что-то серьёзное. Проходит ещё минут 5, и я вижу — спускается моя красавица — нос распух, на куртке следы плохо стёртой крови. Оказывается, когда Инна на правом краю трассы выполняла левый поворот, в неё, не тормозя, врезался немецкий «чайник», который ехал по диагонали к правому краю. Немцу хоть бы что, а у Инны нос всмятку. Она 5 минут приходила в себя и приводила внешний вид в маломальский порядок. Всё это время немец стоял рядом и лопотал: «Sorry, I don't see!». Что с него взять? Помощь и денег на лечение он не предлагал, в гости не звал, только извинялся. И вообще он был с фрау. Инна махнула рукой, сказала: «No problem» и покатилась вниз. Ничего себе — нет проблем! Мы спустились на гондоле вниз, Инна обратилась в медпункт, а я побежал в

отель за страховкой. Инне сделали рентген, и дежурный доктор стал править Иннин нос. Он периодически сворачивал нос в противоположную сторону и каждый раз смотрел на меня: — «Нормально?». Наконец, я сказал: — «Нормально! Лучше, чем было!». Инна смотрела на меня так, как смотрела в «Скорой помощи», когда мы ехали в роддом за Максимом, и я пытался острить, а у неё были схватки.

Мы подумали, что катание для нас закончилось, и решили вернуть деньги за оставшиеся 2 дня. Фиг там! Не вернули. Ну и ладно. Весь вечер Инна мазала свой нос и прикладывала холод. Вечером мы сходили в ресторан (кушать-то хочется!) и посмотрели женскую эстафету по биатлону. Наши выиграли. Это было 7 января. Нам пришло несколько SMS с поздравлениями (Рождество же!) и вопросами типа «Как дела?». Мы ответили, что у нас всё хорошо.

На следующий день доктор сказал, что кататься можно, только без очков. Но мы тот день пропустили, не катались, зато накупили подарков и сувениров.

Последний день катанья мы решили провести на горе (не пропадать же скипасам). Осторожненько скатились раз 5-6, поели супчика в ресторанчике и тихонечко спустились домой по очень пологой «однёрке». Горнолыжная программа закончилась.

Когда Инна обратилась к пластическому хирургу в Екатеринбурге, он внимательно всё посмотрел и спросил:

- Где делали нос?
- В Болгарии в медпункте на горе. Делал дежурный врач травматолог.
- Нормально — сказал доктор — почти ничего не надо править.

Иногда мне попадает на глаза рентгеновский снимок из Болгарии. Я смотрю на неподвластный времени Иннин профиль и вспоминаю эту историю.

-07 января 2009 (PX)-

Где-то за границей мы зашли своей горнолыжной компанией в какой-то магазин или музей, и все взяли на входе то ли карты, то ли каталоги — не важно. Взяли все кроме Миши Русакова. Когда он спохватился, мы уже прошли далеко, и Миша начал качать права: почему мне не подсказали? почему на меня не взяли? На что Инна сказала: — Миша, ты что, слепой что ли? или читать не умеешь? Этих карт на входе — целая выставка. — Миша потоптался в нерешительности, потом посмотрел на меня:

- Как только ты с ней живёшь?*
- Ну, только без зависти!*

История влюблённостей

В девятом классе Стасик влюбился в самую красивую девочку в классе. Её звали Наташа. Она была стройная, высокая и умная. В новогодние каникулы Стасик пригласил её на городскую ёлку. Попросил у нас бутылку шампанского, приготовил разовые стаканчики, шоколадку и пошёл на свидание.

Через два часа он пришёл домой, молча поставил пакет, разделся и лёг ничком на кровать. Я подошёл к нему, сел рядом и спросил:

— Стасик, что случилось?

— Она не пришла. Я прождал её полтора часа.

Я его утешил, как умел.

Следующая любовь была золотоволосая девочка Ася. Она была высокая, красивая и умная. Стасик пел ей романсы под балконом. Её родители рассказывали нам, как в пять утра они ползком подбирались к открытой двери, чтобы посмотреть на кабальеро. Ася в это время спала или делала вид.

В университете красивой, высокой и умненькой девочке Оле Стас писал на асфальте метровыми буквами: «Оля, я тебя люблю!», на что потратил трехлитровую банку краски и уделал ботинки и пуховик.

Ещё одна стройная, томная, умная и красивая девочка Саша уехала в Англию. Но всех выше, стройнее, красивее и умнее оказалась девочка Света.

Она вышла за Стаса замуж.

-2009-

Окарался

Мы с Аликом в болгарском Оазисе идём на море. Возле турникета прогуливается маленькая девочка, а рядом стоит женщина с озабоченным видом и спрашивает меня: — Извините, не подскажете — где здесь туалет? — Я беззаботно отвечаю: — А нам туалет — под любым кустиком, у любого деревца. — Женщина говорит: — Вам-то — да, а нам-то как? — Я продолжаю, глядя на девочку: — Есть ещё ванны, где ноги моют. — Женщина вздохнула: — Всё с вами понятно — И пошла. А девочка осталась.

Это была не её девочка.

-2010-

Оренбургские правила

Мы с Инной летели из Индии оренбургскими авиалиниями. Подошли к стойке регистрации, поставили чемоданы на весы. Мы были спокойны, так как один чемодан весил 15 кг, а другой на пару килограммов больше. Однако нас попросили доплатить за перегруз. Как доплатить? Тут же меньше 20 ки-

логаммов! Нам объяснили, что на оренбургских линиях норма 15 кг. Инна попыталась спорить — бесполезно. Только разозлила мужика в форме. Мы выдернули чемодан и срочно стали перекладывать то, что потяжелее, в ручную кладь. Как назло сверху были лёгкие пачки чая и нам пришлось перерыть весь чемодан. Регистрация заканчивалась. Мы поставили сильно похудевший чемодан на весы: пятнадцать с половиной! Мужик оказался отходчивым, и махнул рукой.

-2010-

Не надо сказок

Маленький Алик не любил спать днём. И мы, будучи в Болгарии, отстали от него и не укладывали спать после обеда. Он в это время обычно смотрел мультики, а мы занимались своими делами. И всех это устраивало. Особенно меня. Потому что я имел возможность вздремнуть днём и не растягивать отбой вечером: две — три сказки — и Алик засыпал. Всё-таки человечку не было ещё и четырёх лет, и усталость брала своё. А однажды, набегавшись в игру «12 палочек» и к вечеру едва таская ноги, Алик забрался на кровать, сказал: — Никаких сказок! — отвернулся к стенке и через минуту уснул. Мне это очень понравилось. И я тоже стал так говорить иногда: — Никаких сказок. Бай-бай.

-2010-

Алику почти четыре года. Он сидит за столом и сосредоточенно, аккуратно и неспеша ест бабушкину котлету. Мы спрашиваем: — Алик, ты в садике так же хорошо ешь? Алик, не прекращая есть, серьёзно отвечает: — Там котлеты не дают.

Пока жареный петух не клюнет

Наш участок в Мурзинке граничит справа с Тютиными, сзади с Лией Фёдоровной, а слева к нам примыкает ничейная территория, ну, в смысле, государственная. На ней есть волейбольная площадка, баскетбольное кольцо, детские качели, огромный щит из досок, в который можно попинать мяч и покидать шайбы, там всегда стоят машины, ну, и, соответственно, повсюду кучи мусора. Желание, конечно, было навести порядок, но всё как-то руки не доходили.

Между ничейной территорией и участком Лии Фёдоровны был трухлявый покосившийся деревянный забор, который упирался в наш забор, и который давно уже было пора менять, но до него, видимо, тоже ни у кого не было дела.

А у нас на участке была скважина. Она прослужила 10 лет, заилилась и

стала умирать. Что-то надо было предпринимать, но я всё тянул и тянул резину.

И вот прекрасным солнечным днём 20 сентября 2010 года я выхожу из дома — теплынь! Золотая осень! И вдруг вижу, что горит тот самый забор между Лией Фёдоровной и ничейной землёй! И огонь уже подбирается к нашему забору! Я забегаю в дом, ору Инке: — Соседи горят! Вызывай пожарных! — А сам хватаю вёдра, открываю кран — вода бежит без напора. Ё-моё! Заскакиваю в баню, наливаю два ведра из бака, бегу в обход через калитку, выплёскиваю воду на огонь. Бегу обратно. Запутался в колючей проволоке! Упал, рассадил колено, пропорол левую ладонь, порвал штаны! В крови и лохмотьях прибегаю к себе, перекидываю шланг во второе ведро, гвоздодёром отрываю три доски напротив огня и с вёдрами пролезаю в дыру. Ещё 2-3 ходки — и огонь погас. Когда прибежали соседи и приехала пожарная машина, огня уже не было. Пожарные пролили водой обугленные доски, хлам вокруг забора и уехали. Народ ещё постоял немного, посудачил о возможных виновниках, возможных причинах и последствиях возгорания и разошёлся.

На следующий день я сделал приборку на ничейной, ну, в смысле, государственной территории и позвонил бурильщикам насчёт новой скважины. 14 октября нам пробурили новую скважину глубиной 70 метров.

Через неделю после пожара Лия Фёдоровна с благодарностью принесла бутылку оливкового масла и огромную связку чеснока.

А весной соседи поставили новый крепкий забор на металлических трубах.

-20 сентября 2010-

- *Вы в Мурзинке какую воду пьёте?*
- *Из скважины.*
- *Ну, и как водичка?*
- ***Да так себе: ни цвета, ни вкуса, ни запаха...***

Прохожу по коридору первой терапии в спортивном костюме. Медсестра поднимает глаза от журнала и окликает меня: — Молодой человек! — Я оборачиваюсь. Медсестра:

- ***Ой, извините, а сзади так хорошо выглядите...***

О, Париж!

Третье июня 2010 года. Мы четвёртый день в Париже – так мы решили отметить Иннин юбилей. В 8 часов утра мы сели в автобус и поехали на экскурсию, на северо-запад до Руана. В Руане: собор Руанской богородицы, он древнее Парижской, но менее известный – не нашлось для него своего Виктора Гюго. Собор

был самым высоким зданием в мире до конца 19 века (151 метр), пока не построили Кёльнский собор. Дома XV века, расширяющиеся кверху в стиле пламенеющей готики. Уличные музыканты на каждом углу. Все, как сговорившись, при нашем появлении играли *Besame Mucho*, Дунайские волны и Парижское танго.

А вот и конечный пункт нашей экскурсии — город Довиль на берегу Ламанша. Невысокие дома, утопающие в зелени. Теннисные корты. Широченный песчаный берег. Простор!

Полные впечатлений от увиденного и услышанного от экскурсовода Татьяна, которая всю обратную дорогу рассказывала на потребу публике про сыры, вина, зарплаты и пенсии, мы приехали к себе в Париж (!). Зашли в магазинчик, купили вина, сыра и в благостном настроении направились в свой отель *Molere*, где на седьмом небе, то есть этаже, нас ждал номер 71, выше которого было только небо! И тут...

Из потока машин вырулила машина и остановилась перед нами. Стекло опустилось, и элегантный мачо с крепкозубой улыбкой окликнул нас на плохом русском. Далее привожу адаптированный разговор, который мы с большой готовностью поддержали.

— Вы, случайно, не из России?

— Да, мы из России.

— Я так и понял. А из какого города?

— Из Екатеринбурга. Это на Урале, на границе Европы и Азии.

— Я был в России. Там живут замечательные люди. Я хочу вам сделать подарок.

— Ой, ну, что вы, что вы!

— Вот это вам будет хорошо! — Мачо берёт с заднего сиденья и вручает Инне пакет. — А это — вам хорошо! — И вручает мне пакет.

— Ой, да что вы! Нам не надо подарков!

— Берите, берите! Я очень люблю русских! Они классные! А вот это — просто шикарный фирменный костюм для вашего мужчины. Но я бы хотел за него немного денег. Сколько не жалко. На бензин до Монте — Карло.

Инна уже начала что-то подозревать, но под чарующими взглядами трёх элегантных мужчин достала кошелек и вынула деньги.

— 170 евро вас устроит?

— Конечно! Огромное спасибо! Будьте счастливы! — Я достал фотоаппарат.

— Можно фото? — И не дожидаясь разрешения, нажал на кнопку. Мачо успел показать свои крепкие зубы, а у Инны улыбка получилась несколько натянутой. Стекло поднялось и через три секунды машина исчезла из вида.

В номере мы развернули сувениры. Инна вынула из пакета свою куртку, тяжеленную, словно из пластмассы, сиреневого цвета. Повернула одной стороной, другой и недоверчиво надела. Куртка оказалась маломеркой и на Инне не сошлась. — Я даже не знаю, кому её предложить. Я её тут оставляю.

Наступила моя очередь. Сувенир номер один: куртка коричневая, в ре-

зинку, с десяти метров не отличишь от замши!

- Отличная куртка, берём!
- Березин, ты с ума сошёл? И куда ты в ней?
- Да хоть куда. На машине буду ездить.
- Она тебе велика.
- Ничего, я надену под неё что-нибудь толстое.
- Она весит целых два килограмма.
- Не два, а один.

Сувенир номер два: костюм бежевый «La sartoria...moda e collezioni...stile Italy». Сидит на мне как влитой, только брюки чуть длинноваты. — Берём! — Инна махнула рукой.

Я свои сувениры из Парижа берегу. Не верите? Приходите — покажу. Висят — ненадёванные.

*В Болгарской «жороплодке» выбираем фрукты — овощи. Инна отсылает меня набрать свежей картошки. Я набираю из начатого мешка, подхожу. Инна засовывает руку в пакет: — Ты где такую картошку взял? — зелёная и мягкая! Я огрызаюсь: — **Сама ты зелёная и мягкая. Зеленой и мягче — только Алькин крокодил.***

Сонет Шекспира

Я несколько раз принимался изучать английский язык. Первый раз — у Владимира Семёновича Краева в группе новичков, которые, как и я, до этого изучали немецкий. Потом в Английском доме, где в процессе обучения я выучил сонет Шекспира номер 2:

*When forty winters shall besiege thy brow,
And dig deep trenches in thy beauty's field,
Thy youth's proud livery, so gazed on now,
Will be a tatter'd weed, of small worth held...
и так далее.*

С этим сонетом связано несколько историй. Первая — это то, что мы с Синди — нашей американской подружкой — дали друг другу обещание: я выучу сонет, а она песню Визбора «Милая моя». Я выполнил своё обещание через месяц, а она — через три года. При очередной нашей встрече она так трогательно пела: «Милая моя, солнышко лесное!», что мы даже сделали клип на эту песню к её юбилею.

Вторая история — это когда я читал сонет Краеву на его дне рождения. Во

время чтения ему позвонили из Киева, и он так небрежно сообщил, что сидит за праздничным столом и ему читают Шекспира в оригинале — вот послушай.

И третья история — когда мы с Инной летели из Парижа с пересадкой в Праге. В пражском порту Инна моталась по дюти-фри, а я читал Аксёнова. И держал для неё место, положив на кресло пакет. Мимо проходил господин с хот-догом в руках, ища свободное место. Я убрал пакет и любезно предложил господину сесть. Он поблагодарил, присел, съел свой хот-догом и пошел выбрасывать бумагу в урну. Я поставил пакет на кресло. Господин вернулся. Я убрал пакет, и господин уже на правах знакомого сел рядом. Мы разговорились. Господин оказался профессором социологии из Пенсильвании, когда-то был в России, сейчас работает в Словении. Он старался говорить по-русски, а я — по-английски. Мы помогали друг другу подбирать нужные слова, и были довольны взаимопониманием. Профессор поинтересовался, что я читаю, и сказал, что Аксёнов, Гроссман и ещё Евтушенко — хорошие писатели. Я сказал, что был на встрече с Евтушенко и слышал его живьём. Когда наши отношения потеплели настолько, что мы начали говорить о детях, и профессор стал показывать фото своих внуков, я спросил: — Хотите, я почитаю Шекспира? — Он опешил. И я начал:

*When forty winters shall besiege thy brow,
And dig deep trenches in thy beauty's field.*

Профессор, не дослушав и двух строк, вскочил, схватил мою руку и начал её трясти. С этой минуты он говорил только на английском. К счастью, в это время подошла Инна, и я перевёл стрелки на неё.

Через пару минут профессор откланялся. А я подумал, глядя ему вслед: — Пусть знает и другим расскажет, что вот так случайно можно встретить русского, который на память читает Шекспира в оригинале.

Не зря я учился у Краева и в Английском доме.

-2010-

2011-2013

Засор

На кухне в Мурзинке случился засор. Быстрые меры не дали эффекта. Специальный гель Tiret тоже с задачей не справился ни за пять минут, ни за час, ни за сутки. Все выходные мы прожили с помойным ведром, как в настоящей деревне.

В понедельник утром Инна уехала в Екатеринбург, а вечерним поездом — в Пермь, и я обстоятельно взялся за дело. Наконец, на второй день, после многих

попыток процесс пошёл — помогла стальная проволока. Я пропускал горячую воду и наслаждался её нежным журчанием. Потом спустился вниз и офигел. Засор не ушёл совсем, а зацепился ниже, и вся рыжая жижа выперла в душевую кабину и на пол. Целый час, с хромой ногой, я собирал эту муть тряпкой. Потом залил Tiret и оставил всё до завтра.

На следующий день, ближе к вечеру, стою и кручу прочистку в главном стояке. Вдруг звонок. Вонючими руками хватаю телефон: — Алё. — Женский голос вкрадчиво спрашивает:

— Чем занимаешься?

— Засор устраняю.

— Ой, как прозаично! А как насчёт — налить бокал вина, включить музыку, расслабиться, устроить себе маленький праздник? — воркует голос в трубке. Я не могу понять — кто это? Может быть номером ошиблись? Или разыгрывают? И начинаю заводиться:

— Приходится, знаете ли, и прозой заниматься, чтоб состоялись праздники.

— А мы вот тут сидим за столом, и решили выпить за тех, кого с нами нет, и вспомнили про тебя. Это Лена Осетрова из Перми. Узнал? У нас Инна в гостях.

Я стараюсь выправить ситуацию:

— Конечно, узнал, Леночка. Не сразу, правда. А что касается Инны, то всё — для неё. Даже самая прозаичная проза. Ей нравится, когда мужик при деле. Чем громче я стучу молотком, тем крепче она спит. И скрип прочистки — для неё лучшая музыка.

— Ой, Саша, какой ты молодец!

Мы поговорили ещё немного, купая друг друга в комплиментах, и расстались.

На следующий день звонит Инна:

— Привет! Ну ты чё, блин? Тебе звонит приятная женщина, а ты ей — про какой-то засор. Не мог что-нибудь наврать? Ну, пока. У меня деньги кончаются.

Не мог наврать.... Да, не мог. Не до этого было. Хорошо, что, хоть узнал не слишком поздно. А то ведь сантехники — народ простой...

-8 февраля 2011-

Очки со стразами

Как здорово порой покататься на нашей горнолыжке вечером! Трасса освещена, музыка играет, народу мало. Поднимешься наверх, полюбуешься на огни города, вдохнёшь полной грудью — и вниз!

Вот так я катался однажды посреди трудовой недели. Поднимаюсь наверх, а там стоят наши горнолыжники и ловят кайф. — Березин, какие у тебя очки необычные. Так и блестят. — Один раз сказали, другой... Да что такое! Снимаю очки и вижу, что это Иннины очки со стразами. Народ оживился: — Ну, передавай

Инне привет. — А чего тянуть? Прямо сейчас и передам. — Набираю номер:
— Иннуля, а я-то на нашей горе! Тебе привет от наших горнолыжников.
Ты где?
— Я еду по Ленинскому проспекту...
— Едет по проспекту Ленина... — передаю я народу.
— ...мне надо в чешское посольство.
— ей надо в чешское посольство...
Народ переглянулся: — Где это? — Инна почувствовала моё замешательство: — Я в Москве. Ты что — забыл? — Она оказывается в Москве! — Народ хохотнул: — Ну, Березин, ты даёшь! О чём только думаешь? Очки берёшь не свои, где жена — не знаешь...

-2011-

*Инна (мечтательно): Вот закончу работать и буду сплавляться, кататься на лыжах, куплю велосипед...
— Да ты что? Тебе ведь будет восемьдесят лет!*

Копаемся с Инной на огороде. На пять минут зашли в дом. Я стою на кухне, входит Инна, разворачивает передо мной какие-то серые мятые штаны: — Ты видел верх от этих брюк? — Я задаю встречный вопрос: — Ты хочешь это перевести в рабочее? — Я хочу в этом поехать в Италию!

Автомат-боксёр

В августе 2011 года мы отдыхали в Болгарии. Алику было почти 5 лет. Его надо было постоянно развлекать. На пляже мы строили из палок придорожное кафе, вне пляжа играли в рыбалку с верёвкой и гайкой, открыли фабрику по производству косметики на основе цветочной пыльцы, по вечерам гуляли с фонариком. В магазины с ним заходить было невозможно — он хватал всё подряд и требовал купить. Он не пропускал ни одного автомата с игрушками.

Однажды мы поехали в Царево. Мы тормозили у каждого магазина, у каждой палатки, у каждого автомата. Что-то покупали, где-то удавалось Алика уговорить пройти мимо. С боями дошли до моря и повернули назад. Всё повторилось в обратном порядке. И вот мы подошли к очередному автомату, который чего-то выдавал за один лев. Завязался диалог.

— Дед, а это что?

— Это автомат.

— А что он делает?

— Он даёт в лоб за деньги.

— Ну, дед!

— Чего «дед»... Вот видишь, написано «BOXER». Опускаешь один лев, вот отсюда вылетает боксёрская перчатка и — прямо в лоб. — Показываю, как вылетает перчатка, изображаю лёгкий нокдаун.

— Дед, покажи ещё. — Я беру виртуальный лев, опускаю, получаю виртуальный удар и изображаю нокдаун средней тяжести. Алик смеётся:

— Дед, ещё! — Я вхожу в роль: опускаю лев, получаю удар, изображаю тяжёлый нокдаун. — Алик хохочет:

— А ещё! Дед! — Я в кураже, как настоящий мим, беззаботно подхожу к автомату, заинтересовываюсь, опускаю лев, получаю ошеломляющий удар и надолго теряю ориентации в пространстве. Вот уже и баба Инна трясётся от смеха. А Алик просто заливается: — Дед! А ещё! Ещё! — Инна сквозь слёзы говорит: — Ну, всё, хватит уже. — Я ещё раз изображаю нокдаун, потом нокаут, и мы едва отдираем Алика от автомата.

Вечером Алик пошёл гулять. Когда я нашёл его, он, как хазановский попугай воробьям, вкручивал пацанам: — ...опускаешь лев, а оттуда перчатка — бамм! И ты такой — а-а-а... — Пацаны слушали, недоверчиво переглядываясь. — ...перчатка — дыщ! А ты — а-а-а...!

На следующий день к нам подошли две мамы и спросили: — Правда, что в Царево есть такой автомат, который даёт по лбу за деньги?

А ещё через несколько дней мама Лена, как бы между прочим, сказала, что Алик в таком возрасте, когда он всему верит. И не надо ему рассказывать небылицы и страшилки.

А, по-моему, так было весело.

-24 августа 2011-

*Инна с озабоченным видом ходит по участку, заглядывает под ёлку, смотрит по сторонам, крутит носом: — Чем это так воняет? — Я делаю шаг назад: — **А так?***

Свет фар

Кончался март 2011 года, пора было проходить техосмотр на своём Форде. Подошёл также и срок планового техобслуживания, который я регулярно делал в Екатеринбурге на Блюхера 50 в Автоленде. Я приехал в Автоленд и сказал ребятам, что надо посмотреть машину и подготовить её к ТО.

За один день они не управились, и я пришёл забирать машину на следующий день. Мастер перечислил всё, что они делали с машиной: что поменяли, что отрегулировали, отдал мне все бумаги, я расплатился и уехал.

На следующий день в полной уверенности, что машина в порядке, приезжаю на ТО в ГРАНД, что на Юбилейной. Вопросов быть не должно. Как бы не так! Машину загоняют на стенд, проверяют тормоза, включают фары и мастер подзывает меня: — Свет фар не отрегулирован. Смотрите — вот свет ваших фар, а вот черта — показывает он на стенде. — Как же так? Мне только вчера отрегулировали фары в Автоленде. Вот квитанция. Вот строчка — «Регулировка света фар» — 380 рублей. — Мастер на секунду запнулся, потом спросил:

— А Вы видели, как они регулировали?

— Нет.

— Ну, так вот. Они могут написать всё, что угодно, а мы Вам наглядно показываем. Платите 150 рублей, иначе я не подпишу.

Я заплатил деньги за ТО, в том числе и за регулировку света фар, и выехал в недоумении — кому верить?

-2011-

Перевешиваем сувенирные тарелки с одной стены на другую. Вдруг одна тарелка из Египта отклеивается от держалки, падает на пол и разбивается. Мы с досадой собираем осколки.

Я: — Ну что? Будем клеить?

Инна: — Ну, вот ещё! Проще в Египет съездить!

Ракушки из Италии

В 2012 году мы катались с Инной в Италии, в местечке Мадонна ди Кампильо. Наш отель назывался Dahu. Завтракали и ужинали мы в уютном ресторанчике на первом этаже. Вышколенные официанты сновали между столиков, умудряясь никого не задеть, как будто они существовали в параллельном мире. Распорядитель наблюдал за порядком и, казалось, угадывал желания посетителей быстрее, чем они успевали чего-то захотеть. Стоило слегка повернуть голову с вопросительным лицом, как он мгновенно оказывался рядом. О меню надо сказать отдельно. Вот, например, ужин. Кстати, мы были единственные русские, и для нас специально писали от руки перевод и клали на наш столик. Итак, меню (с соблюдением оригинальной транскрипции).

Закуски:

- Мясо поросёнка с овощами
- Цукини с гренками с томатным соусом

Первые блюда:

- Макароны с цукинами, рыбой и водкой
- Мясо кролика с овощами, завёрнутое в тесто
- Пельмени с копчёным сыром и мясом
- Пицца с прошуто крудо и руколой
- Суп из чечевицы с сухариками

Вторые блюда:

- Мясо телятины с картошкой
- Суп из морепродуктов с сухариками
- Кебаб говяжий с картошкой и салатом
- Спек

Или вот ещё.

Закуски:

- Розы из колбасы с артишоком и хлебом
- Сыр жареный с салатом

Первые блюда:

- Спагетти с морепродуктами в остром соусе
- Макароны с горохом, ветчиной и сыром
- Клёцки картофельные с баклажанами и помидорами
- Слойка из домашней лапши с помидорами
- Бульон с клёцками из хлеба и сыра

Вторые блюда:

- Говядина на гриле с картошкой и почеревкой
- Филейка рыбы с помидорами и оливками
- Цыпленок гриль с картошкой и помидорами
- Рёбрышко и мясо овечки с артишоком и картошкой
- Кусочки говядины с картофельным салатом

Каждый вечер мы заказывали бутылку вина. Чаще всего это было светлое Trentino 2009 или 2010 года. Мы как-то пытались не допивать бутылку, чтобы в следующий вечер не ждать заказа (недопитые бутылки, будь то вино или вода, тут же выставлялись на стол), но у нас это получилось только один раз. Вот такой был сервис.

В один из ужинов я выбрал себе гребешки, и мне принесли огромную тарел-

ку, на которой лежали шесть плоских раковин, величиной с чайное блюдце, и на каждой раковине красовалось по одному гребешку. Когда раковины опустели, я спросил у Инны, которая по долгу службы была в Италии раз десять: — Как ты думаешь, эти раковины — они одноразовые или нет? — Я думаю, что да — был её лукавый ответ. Я взял одну раковину и салфеткой сделал её совсем чистой. Это было нетрудно. Я взял следующую салфетку, неспеша завернул в неё раковину и с достоинством, словно это был белоснежный платок, положил в задний карман джинсов. И тут же из-за плеча появился официант и со словами: — It's present for you — галантно положил передо мной две прекрасные раковины. Мне ничего не оставалось, как так же галантно ответить: — Thank you! Инна с интересом наблюдала, попивая вино.

Теперь у нас дома есть шесть одинаковых раковин, но три из них точно привёз не я.

-Февраль — март 2012-

Красота и мир

Так уж повелось, что завтраки в доме готовлю я. Желание подрыхнуть утром есть у всех, но у моих домочадцев оно неизмеримо больше, чем у меня. Поэтому они согласны на любую еду, лишь бы не вставать.

Как обычно, уже много лет подряд, Инна приехала на выходные в Мурзинку. Как обычно, утром захожу на кухню. — Так, омлет у нас был вчера, кашу она себе варит на неделе... О! Натру-ка я свежей морковки и натопчу творожка. — Натёр морковки. Достал творог, два пластиковых контейнера — один не начатый, а в другом осталось две ложки. Осталось растоптать творог со сметаной и сахаром, поставить на стол две чистые тарелки, положить ложки, и можно объявлять: — Иннуля, завтрак готов! — Но сидит во мне этот тип, про которого говорят: — Простой такой, как грабли (или три копейки), который ехидным голосом говорит: — Зачем посуду пачкать? Положи себе морковки прямо в контейнер рядом с остатками творога. — Я знаю, что Инне это страшно не нравится, она любит, чтобы всё было достойно и красиво. Я уже несколько раз нарывался, когда ставил на стол нарезанный хлеб, буженину, или сыр прямо на разделочной доске, и это всегда заканчивалось для нас обоих порчей настроения. Но ведь она ещё не встала, а я быстренько позавтракаю и пойду красить забор. Она простит, что я её не дождался. И я аккуратненько сдвинул творожок в уголок, положил морковки и всё любовно выровнял. Получилось очень даже симпатично — в одном углу контейнера белоснежный творог, в другом оранжевая морковка! Даже стало похоже на маленький торт. И тут на кухню заходит Инна. Она оценивающим взглядом посмотрела на стол. Я напрягся, как студент со шпорой. — Как у тебя красиво! — и пошла умываться. Я выдохнул: — Фу-у! Обошлось! Красота спасла мир!

-2012-

В какой-то год у нас на участке было засилье одуванчиков. И с тенистой стороны дома росли такие огромные — до колена — одуванчики, сочные, мясистые, что я не утерпел, заглянул в Интернет и вычитал, как приготовить из них варенье и салат. А заодно и из крапивы, которая тоже «радовала глаз». Сделал всё по рецепту, сижу — с интересом пробую, что получилось. В это время звонит кто-то из друзей:

— Саша, привет! Как поживаешь?

— Плохо. Ем крапиву и одуванчики

Геморрой

Собрался я как-то посетить один международный медицинский центр в Екб. Не то чтобы уж очень приспичило, а так, с целью профилактики. Выбрал день, когда у меня были ещё дела в Екб, и поехал. Нашёл нужный адрес — машину поставить некуда, и мне пришлось проехать полквартала, чтобы приткнуться. Прошёл процедуры, мне сказали, что ничего страшного, и я с настроением студента, сдавшего зачёт, вышел из центра. Далее я привожу текст объяснительной, написанной мной 18 сентября 2012 г. в ГИБДД Кировского района на улице Раевского 9.

«29 августа 2012 г.я, Березин Александр Денисович, 1949 г.р., управлял принадлежащим мне исправным автомобилем «Мицубиси ASX», гос. номер А 317 ОУ. В 13.40 я припарковал свой автомобиль около дома 94 по улице Кузнечной. Примерно через час я сел в автомобиль, стал сдавать задним ходом, одновременно выкруливая влево, и совершил наезд на автомобиль ВАЗ десятой модели серебристого цвета. Скорость движения была очень маленькой, удара я не почувствовал, но увидел, что нахожусь в опасной близости от «десятки» и затормозил. Не подозревая о том, что совершил наезд, я покинул место разворота. Погода была ясная, видимость хорошая, дорожное покрытие сухое, В момент ДТП в машине пассажиров не было. О ДТП с моим участием я узнал из телефонного разговора с инспектором ГАИ Обуховым Д. С. После чего я осмотрел бампер своей машины и характерных повреждений не обнаружил. Причиной ДТП считаю собственную невнимательность».

Итак, в среду 12 сентября мне позвонила Колчанова и сказала, чтобы я перезвонил Аксютинной. Я нашёл Лизу, и она с тревогой в голосе рассказала, что ей звонили из ГАИ и спрашивали меня, что будто я кого-то зацепил в Екб, и просили мой номер телефона. На что Лиза ответила, что меня она знает плохо, а мой телефон не знает вообще.

Я позвонил по номеру, который мне дала Лиза. Трубку взял инспектор Обухов и сообщил о ДТП в Екб с моим участием, что есть запись с видеокамеры и куча свидетелей, и назначил встречу на следующей неделе во вторник 18 сен-

тября в 2 часа дня с предъявлением личного транспорта для осмотра. Я тут же поспешил осмотреть свою мицубишку и ничего подозрительного не увидел. На душе стало чуть спокойнее.

А в пятницу 14 сентября, мы отправлялись на сплав по Чусовой и очень спешили. Я вывел машину из гаража и стал заезжать задним ходом во двор. Удар — фонарь падает на газон! И я понимаю, что задний бампер моей машины только что потерял свою девственность! А мне его во вторник предъявлять для осмотра! Разглядывать повреждения было некогда, я скидал вещи в машину и мы поехали на остановку, где нас должен был забрать автобус. Инна даже не заметила, что фонарь лежит на газоне.

Мы чудесно провели два выходных дня — мокли, сушились, пели, пили, ржали, загорали, я читал на катамаране свои байки. Однако наступил понедельник. С тяжёлым сердцем я открыл гараж, провёл тряпкой по бамперу — раз, другой... С правой стороны бампера отчётливо был виден след от фонаря — узкая чёрная полоса. Хорошенькое дело, если она совпадёт с ответной частью на пострадавшей десятке!

На следующий день 18 сентября я поехал в Екб забрать газовые горелки на улице Турбинной 7 (так совпало), поэтому моя поездка ни у кого не вызвала лишних вопросов. Я забрал горелки и проследовал по маршруту, проложенному на компьютере. Всё сошлось, я нигде не сбился и подъехал к ГАИ с запасом по времени. Взял тряпку, бутылку с водой и ещё раз подмыл бампер. Время «Ч» неуклонно приближалось. Я зашёл в здание — типичная прокуренная ментовка: полы в мелкую шашечку, стены покрашены синей масляной краской. Единственный туалет был заперт. С момента, когда я покинул Мурзинку, прошло четыре часа.

В назначенный час я постучал в кабинет. За столом сидел мужик в форме, но вид у него был домашний. На столе — фото шестилетнего пацана в форме английского полицейского с жезлом, на подоконнике — танк из конструктора. Инспектор попросил мои документы, а меня отправил писать объяснительную. Со второго раза получилось то, что приведено выше. Инспектор прочитал моё сочинение, встал из-за стола, и мы направились к моей машине. С нами пошёл ещё один парень, и я понял, что это представитель пострадавшей стороны. Инспектор бегло оглядел бампер, поскрёб ногтем злополучную царапину:

— Это что?

— Это — фонарь на даче. Он был из силумина и покрашен чёрной краской (хорошо, что не серебристой).

Инспектор и пострадавший потеряли к царапине интерес, и мы вернулись в здание. Инспектор бросил на ходу: — Ждите. Я вас вызову, — и скрылся в кабинете. Мы разговорились с потерпевшим. Оказалось, что машина принадлежит организации, что повреждение у неё — лишь небольшая вмятина на левом крыле, что никто особо не в обиде и тем более не хочет моей крови. Вышел инспектор и сказал, что он поехал по вызову и будет через сорок минут. Сорок минут! Я спросил про туалет. На что инспектор ответил: — Подойдите к дежур-

ному, он даст вам ключ. — Дверь в дежурку оказалась закрытой. — «Блин! Где эта дежурная сука!» — Я плюнул с досадой и иноходью, как будто опаздывая на работу, потрусил в знакомый автоцентр на Блюхера 50, где я бывал много раз и знал все двери.

В автоцентре среди сверкающих машин и словоохотливых менеджеров время пролетело незаметно. У кабинета мы с инспектором появились одновременно. Он обронил: — Заходите. — И мы вошли. Я уже был не тот человек — ноги «иксиком». Я был уверенным и задорным, в отличие от инспектора. Было видно, что ему всё обрыдло, что он устал, что ему хочется домой к жене и сыну. Он взял мои документы, похлопал ими в раздумье по руке и сказал, не в силах поднять глаза выше края стола:

— За то, что вы покинули место ДТП полагается лишение прав на срок от одного года до полутора лет или административный арест на срок до пятнадцати суток. И я не знаю, что с Вами делать, голова уже не соображает.

— Понять. Простить, — подсказал я. — Инспектор Обухов грустно усмехнулся:

— Я же не Миша Галустян. — и, помолчав, добавил: — Документы я Вам верну, а сам буду думать — какое-то наказание всё равно должно быть.

— Значит мы с Вами ещё увидимся?

— Не исключено.

— Тогда — до встречи?

— До свидания.

Прошло уже немало времени, а от инспектора Обухова нет никаких вестей — наверное простил или забыл. А вот я почти каждый день (обычно по утрам) вспоминаю эту историю.

-2012-

Оладушки

Я научился печь оладушки из кабачков, и они прошли аттестацию качества у Инны. А это значит, что их можно употреблять не только внутри семьи, но и предлагать на экспорт. И такой случай скоро представился.

Стою на кухне, жарю на ужин оладушки. Вот готова первая партия, пробую — м-м-м! Ум отъешь, как говорит Вера Петровна. Запускаю вторую партию и вижу за окном Тютину, Крокоса и Пимченко — явно обсуждают проблему газификации. Открываю окно: — Не могу к вам присоединиться — оладьи жарю. Из кабачков. — Пимченко театрально развёл руками: — Надеюсь, Вы нас угостите, Александр Денисович! — Конечно! — Складываю на тарелку первую партию, прихватываю салфетки и высовываюсь в окно: — Несу оладышки. — Пимченко: — Давайте, давайте! — Я вставляю ноги в галоши и выхожу на улицу, думая, что они все съедят по оладышку, оценят, и на этом всё кончится. А тут смотрю — Пимченко несёт из машины белоснежный пакет и недвусмысленно его растопыривает. Сгружаю ола-

дья в пакет. Крокос тут же пошёл закрывать гараж, Татьяна засобиравалась домой, да и Пимченко тоже начал отступать к машине:

— Ну, всё. Я поехал. Завтра увидимся. Спасибо, Александр Денисович, за оладьи. Я их съем на ужин под рюмочку хорошего коньяка. Кстати, на чём Вы их жарили?

— На оливковом масле.

— Всё, вопросов больше нет.

На следующий день Пимченко доложил: — Оладьи были изумительные! Я вчера съел три и сегодня на завтрак три. С женой не поделился. Она сказала: «Разве можно брать еду у постороннего человека, тем более что он их готовил третий раз в жизни!».

В процессе газификации Пимченко ещё не раз вспоминал про оладьи, но одно упоминание было наиболее ценным. При очередном расчете Пимченко назвал сумму в несколько тысяч и сто двадцать рублей. Я спросил: — Вам точную сумму отдать? — Пимченко на мгновение задумался, потом сказал: — Давайте так. Поскольку оладьи были очень вкусными, то про рубли мы забудем.

А что, неплохой бизнес — порция оладий за сто двадцать рублей.

-2012-

На сплаве по Чусовой сидим вокруг костра, поём, наливаем. С нами сидят гости от соседних костров. Мне передают бутылку, чтобы я разлил на своём краю. Наливаю соседу слева, поворачиваюсь к соседке справа, она протягивает кружку:

— Оля. — Я наливаю.

— Саша.

4 болта

В наш в дом в Мурзинке проводили газ. Поскольку у газовщиков объектов было несколько, то работа на нашем доме велась с перерывами. Газовщики начали спор: врезались в трубу, сделали подводку к дому и пропали. Через несколько дней я почувствовал себя обделённым вниманием и позвонил начальнику, Пимченко Александру Григорьевичу. На следующий день рабочие приехали, просверлили отверстие для захода трубы в котельную и пообещали продолжить работы на следующий день с утра. Следующим утром звонит Пимченко:

— Извините, Александр Денисович, но рабочих сегодня не будет.

— Почему? Я ни свет, ни заря приехал из Екатеринбурга к началу рабочего дня, а Вы...

— Ну... понимаете... Кстати, Вы горелку на котле заменили на газовую?

— Ещё нет.

— А она у вас есть?

— Пока нет. — Пимченко оживился:

— Ну, вот видите! Давайте покупайте горелочку, ставьте её и звоните нам. И мы сразу подъедем к вам и всё сделаем в лучшем виде, не волнуйтесь. — Я спрашиваю:

— А если б горелка была, вы бы стали заниматься нашим домом сегодня?

— Конечно. Её поставить минутное дело — 4 болта... — Звоню Валере Иванову, мастеру по обслуживанию котлов, моему соседу и приятелю:

— Валера, горелка нужна, без неё газовщики не хотят продолжать работу. Валера возмущённо:

— Пусть они не парятся! Горелку я тебе дам. Звони Пимченко, чтоб они закончили работу сегодня — Я набираю Пимченко:

— Александр Григорьевич, горелка есть! Приезжайте.

— Так быстро! Вам же надо ещё её установить, почистить, настроить... Зачем мы будем мешать друг другу?

— Вы же сказали — 4 болта...

— Это я сказал? Ну, это же я так — образно.

Валера заменил горелку, на завтра пришли газовщики, завели трубу в дом, установили счётчик, датчик, кран, а на горелку даже не взглянули.

-13 сентября 2012-

Инна (любовно перебирая Сонины волосы): - Интересно, все-таки, у неё волосы растут: сзади гуще, чем спереди.
Я: - У меня - тоже.

Соне 2 года 7 месяцев. Мы смотрим с ней раскраски про разные семейки.

- Мама...

- ..курочка.

- Папа...

- ...петушок.

- Сыночек...

- ...цыплёнок.

- Мама...

- ...коровка.

- Папа...

- ...козёл.

Баба Инна Соне:
- Давай поцелуемся.
- **Не могу. У меня язык завёрнут.**

Соне 2 года 11 месяцев. Она сидит у меня на коленях за письменным столом.
- **Дедушка, закрой (в смысле – сдвинь) колени.**

Я взял мяч, постучал им об пол.
Соня протягивает руку:
- **Мяч отдай девушке!**

Оформляю бумаги в УБРИРе на Корнилова. Девушка с шильдиком «Алина» на высокой груди протягивает мне кучу листов на подпись. Где-то ставлю просто подпись, где-то подпись с расшифровкой. И в одном месте рядом с подписью работника банка автоматически пишу «Березин».

— Ой! Ничего, что я Вас на себе женил? — Девушка посмотрела на меня, на бумагу и улыбнулась:

— Ничего.

— Ну, тогда — вот так... — И приписываю к своей фамилии букву «а».

Оля пошла выносить мусор

*Девяносто, девяносто
Нехитро прожить и нам —
Надо, чтобы рядом просто
Постоянно был Ханан.*

(Из поздравления В. П. с юбилеем)

И это не пустые слова. Такой заботы о каждом члене семьи и родственниках редко встретишь у кого-то ещё кроме Ханана Ефимовича. Он знал всё про всех и требовал того же от окружающих: — «Как это ты не знаешь!? Позвони! Спроси!» — Примеров тому — множество.

В новогодние каникулы мы решили съездить в Снежинск, поскольку запланированная поездка в ноябре сорвалась из-за сильного гололёда. Деду 93 года. Мы сидим у них дома малым семейным кругом. Времени восемь часов вечера. Оля поднимается из-за стола и выходит из комнаты. Через пять минут дед спрашивает: — А где Оля? — Женя спокойно отвечает: — Она пошла мусор выносить. — Дед помолчал и говорит: — Какой мусор? Сегодня же выходной — мусорки нет. — Женя невозмутим:

— Ну, значит сейчас придёт.

— Как придёт? Она там будет стоять и ждать. Надо за ней сходить.

— Да куда она денется?

Никто не пошевелился. Дед встал, нетвёрдыми шажками дошёл до прихожей, оделся и пошёл на улицу, хотя на улицу он не выходил уже несколько месяцев. Женя догнал его в подъезде. Дед был вне себя от возмущения: — Что вы за люди! Да как так можно!

И тут вернулась жизнерадостная Оля с невыброшенным мусором. Смеясь, она рассказала, что вышла на улицу — машины нет. Ну, значит, опоздала. На другом конце двора, там, где у мусорки следующая остановка, она увидела красные огоньки. Бегом — туда. Оказалось, что это просто легковая машина. Неужели машина ушла ещё дальше?! И на следующей остановке машины не оказалось. Дальше Оля уже не пошла — и так уже была от дома за целый квартал.

А вот сделали бы сразу так, как дед сказал, то этой пробежки без головы и с голыми коленками с мусором в руках по морозу и не было бы. Ладно, Оля такой человек, что никого не винит, а другой бы мог и обидеться.

-5 января 2012-

*Сидим в Мурзинке на кухне, болтаем. Я пытаюсь выяснить, какую страничку мне завести на компьютере, чтобы разместить свои сочинения. Света спрашивает: — А где чаще всего бывают ваши друзья? — Стас опережает меня с ответом — **В первой терапии!***

В кабинете ЭКГ

В первой терапии стучу в кабинет ЭКГ, открываю дверь:

— Можно?

— Что вы хотели?

— Распечатку кардиограммы. Можно войти?

— Фамилия?

— Березин. Так я войду?

— Когда делали?

— Сегодня утром. Так можно войти или нет?

— Да, да, входите — как — будто опомнившись, засмушалась сестра. —
Вот ваша кардиограмма.
— Здравствуйте.
— Здравствуйте.
Беру кардиограмму, говорить не о чём — всё уже сказано за порогом.
— Спасибо, до свидания.
— До свидания.

Женя Рашкован пришёл из магазина. Его спрашивают:
— *Женя, почему так долго? Там была живая очередь?*
— **Да, очень живая.**

Стоим с Женей Рашкованом на кухне, смотрим в окно. В моей голове крутится какая-то мелодия из классики. Я говорю: — Женя, вот это что такое? Пам-пам-пам-пам, па-па-па-па-па-пам... — Женя опустил голову, секунду помолчал, потом посмотрел на меня умными глазами отличника и серьёзно не то ответил, не то спросил:
— **Может быть... медведь идёт?**

— *Соня, сколько времени?*
— **Двенадцать градусов!**

Женская логика

Покупаю в аптеке лекарство. Девушка насчитала кругленькую сумму. Я спрашиваю:

— Скидку даёте?
— Даём
— Пенсионное показать?
— Не надо.
— Что, и так видно?

Девушка вскинула глаза и в миг похорошела: — Нет, не видно.

-2013-

Инна взяла у меня флэшку на прокат и пообещала через неделю вернуть. Не вернула — забыла на рабочем столе. Ещё через неделю — та же история. Я пригрозил: —
Если в пятницу не привезёшь флэшку — увековечу!

Телефон 08258

Сажу за компьютером после трудового дня. А что? Теплицу починил, компост в кабачковую гряду перетаскал, перегной из-под огурцов по теплице разбросал, перекосившуюся дверь в кладовке поправил — имею право. После удачной партии в преферанс открываю Телеком — ipTV Player, иду по списку программ, а их там 60 наименований! Ткну в одну, минуту посмотрю — на следующую. Где-то на середине списка попал на игру со зрителями. Надо в выражении $37+37+9=69$ переложить одну спичку, чтобы равенство стало верным. Девушка в крестьянской кофте с венком в волосах на фоне подсолнухов вытягивает из зрителей правильное решение. На кону 12 тысяч. Зрители один за другим звонят и несут ахинею. Девушка уже в трансе: — Ну, где же ты, единственный, знающий правильный ответ! — Ставка 14 тысяч! — Да что ж они все такие тупые — то! — Беру телефон, набираю 08258, как указано на экране. Отвечает мужской голос:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!

— Вы позвонили на игру, звонок платный, стоимость звонка согласно тарифу вашего оператора, разговор записывается, вы не должны использовать нехорошие слова и излагать дурные намерения согласно Закону о каких-то коммерческих мероприятиях. Я вас предупредил. А теперь я должен задать несколько вопросов. Вы гражданин России?

— Да.

— В каком городе Вы проживаете?

— В Новоуральске.

— Вы совершеннолетний?

— Да.

— Как Вас представить?

— Александр.

— Оставайтесь на связи или положите трубку и ждите звонка. Наш оператор свяжется с Вами.

Я положил трубку: чо я дурак что-ли — деньги-то тратить. Смотрю на экран, пульс 120! Девушка готова отдаться за 15500! Время кончается! Вот сейчас мне должны позвонить! Один за другим в студии раздаются звонки с idiotскими предложениями. С каждым новым звонком уходит часть моей жизни. И за десять секунд до конца передачи какой-то пенсионер говорит моё решение! Всё! Девушка помахала мне рукой.

Я взял телефон, набрал *100#. На экране высветился баланс: 189 рублей 3 копейки. А ещё утром было 400. Ну, и кто тут idiot!?

-2013-

Мир тесен

В Евпатории

В 1975 году я был в одном из санаториев Евпатории. Водички попить, в грязи поваляться — производство уже успело наложить свой отпечаток на здоровье.

Отпуск ничем особенным не запомнился. Время было унылое — ноябрь месяц (я ещё слишком мало проработал, чтобы ездить в бархатный сезон), купаться было холодно. Однако постепенно сложилась какая-никакая компания. Два-три раза мы съездили на экскурсии, пару раз даже пели под гитару.

Через два года Инна поехала отдыхать в Судак. Познакомилась с девчонками. И одна из них как-то рассказывает:

— В семьдесят пятом году я отдыхала в Евпатории. У нас была замечательная компания. Один парень так здорово пел и играл на гитаре. — Инна говорит:

— И звали его Саша...

— Да. А ты откуда знаешь?

— Это мой муж.

В Москве

Нечто похожее произошло в фойе одной из московских гостиниц. Один из моих близких знакомых и коллега Виктор Черных разговорился с молодой симпатичной женщиной. А Витя — он большой любитель поговорить. В этот раз он поразил даму своими познаниями в косметике. И это не мудрено — ведь он дружил тогда с нашей очень хорошей знакомой, Галей Самсоновой, а она была не последним человеком в сфере торговли — руководителем группы розничных товаров.

Разговор перешёл на музыку и самодеятельные песни. Тут в основном говорила дама. Витя поддержал разговор:

— У нас в отделе есть парень, который сочиняет и поёт под гитару.

— И зовут его Саша Березин?

Витя был сильно удивлён.

А дамой оказалась Лариса — жена Жени Рашкована.

В поезде

И ещё одна история. Поездом из Ангарска возвращалась группа командированных с нашего комбината. Они сидели в своём купе и громко разговаривали. К ним подошла женщина и спросила: — Вы из Новоуральска? — Те говорят — Да.

— А вы Березина Александра знаете?

— Знаем.

— Ой! А вы не могли бы ему передать, чтобы он позвонил вот по этому телефону?

— Да нет проблем.

— Меня зовут Галина Мишакова. Он знает.

— Хорошо, передадим.

Галя Мишакова — это моей сестры Людмилы ближайшая подруга по Тобольску. Связь между ними прервалась около тридцати лет назад.

Я позвонил Мишаковой, дал ей координаты Людмилы, они созвонились. Людмила приезжала к Галине в гости. Теперь они постоянно перезваниваются и обе счастливы. Благодаря мне.

Совпадения

Бесплатный цирк

Шла спартакиада отдела 16 по волейболу в игровом зале спортклуба «Кедр». Игроки команд разминались, болельщики рассаживались на скамейках. Толя Кузьмин взял в руки баскетбольный мяч и издали бросил по кольцу. Мяч описал дугу и воткнулся между щитом и кольцом. Раздались аплодисменты. Толя разбежался, подпрыгнул, однако роста ему не хватило, и мяч остался на месте. Тогда он снял с ноги тапок, зашёл сбоку, прицелился и запустил тапком по мячу, как будто блинчики стряпал плоским камнем по воде. Тапок пролетел мимо цели и приземлился на гардине под потолком на высоте метров 8. Все, кто видел это, так и покатались со смеху: не в каждом цирке увидишь такое. Толя невозмутимо снял второй тапок и бросил вслед за первым. И второй тапок пролетел по такой же траектории и расположился на гардине рядом с первым. Зрители попадали со скамеек. Толя невозмутимо залез по гимнастической стенке и сбросил на пол свои чудо — тапки. Народ был счастлив — вечер запомнится надолго.

Про чайник

Во второй половине девяностых, когда Инна уже работала в Екатеринбурге и приезжала домой не каждый день, я поднимал по утрам детей, готовил завтрак (в то десятилетие обычно я варил манную кашу) и отправлял их в школу. А иногда отвозил на машине.

И вот как — то раз нам удалось выйти из дома пораньше. Мы сели в машину и поехали. Проехали полпути, и Стасик вдруг говорит:

- Папа, разворачивайся!
- Что такое?
- Я забыл куклу, которую мне дали отремонтировать (или справку?).
- Завтра отнесёшь.
- Папа, мне надо сегодня.

Запас времени у нас был, и я, кряхтя для порядка, развернулся. Подъехали к дому, Стасик поднялись на этаж, открыл дверь и услышал, как на плите свистит — надывается чайник. Стас рванул на кухню и выключил газ. На этот раз обошлось.

А ведь Стас мог не забыть куклу, я мог не развернуться, он мог зайти в квартиру до того, как чайник засвистел. Сколько вариантов. Но случился самый удачный для нас.

О том, что этого можно было не допускать, мы не говорим. Это другая тема.

Про фонари

Или вот ещё случай. В своём доме в Мурзинке мы включаем по вечерам на улице свет — два фонаря на воротах. А утром, соответственно, выключаем. Иногда это делает сосед, Михаил Иванович Крокос. Он по выходным дням выходит на улицу раньше нас.

И вот однажды я подхожу утром к окну — на улице уже светло, а фонари горят. Пошёл выключать. Надел пуховик, открыл дверь и, не глядя, щёлкнул выключателем. Закрыв дверь, снял пуховик, подошёл к окну. Фонари естественно не горят. И тут я замечаю, что к нашей калитке идут следы от Мишиной калитки: к нам и обратно. И опять: к нам и обратно. Я думаю — чего это Михаил Иванович к нам зачастил? Может быть что-то важное хотел сказать или случилось что? Надел пуховик, пошёл к Мише. Он кидает лопатой снег. Я спрашиваю:

— Чего приходил?

— Свет выключал. Причём два раза. Один раз выключил, оглянулся — фонари горят. Вернулся и ещё раз выключил. Я подумал, что у меня крыша поехала — как такое может быть?

Оказывается, пока я одевался, скорый на ногу Миша вышел на улицу и увидел горящие фонари. Он подошёл и за одно мгновение до того, как я щёлкнул выключателем, выключил фонари. А я с другого конца, не глядя, включил их. А пока я раздевался и шёл к окну, Миша ещё раз выключил фонари и ушёл, обескураженный, к себе.

Это называется — нарочно не придумаешь.

-27 декабря 2009-

Бдительный автомобиль

Однажды я, весь в делах, подъехал к дому в Мурзинке, закрыл машину электронным ключом, перекусил, и опять собрался ехать в город. Нажал на кнопку — машина не реагирует. Ещё раз — молчок. Сунул ключ в замок, повернул — никакого эффекта. Ну, дела! Надо звонить в автосервис «Мицубиши». Пошёл в дом, чтобы найти нужный номер. Перед дверью обернулся и еще раз нажал на кнопку — машина моргнула! Я вернулся к машине, нажал «Открыть» — машина не реагирует. «Заккрыть» — «Открыть» — тишина! Тьфу ты, что за напасть! Поворачиваюсь, чтобы снова идти в дом, и краем глаза вижу, что ворота гаража под домом, которые имеют электрический привод, открыты настежь! Я достал пульт от гаража и закрыл ворота. После этого машина стала открываться и закрываться без проблем. Я поразился: то есть машина не дала мне уехать при открытом гараже!

Позже я несколько раз пытался воспроизвести эту ситуацию — и не мог. Так я и не понял, что это было.

Удачные поиски и неожиданные находки

Кольцо

Как — то поздней осенью мы с Инной вышли на пробежку. Это была установка тренера — пробегать каждый день после работы по десять километров. Было сыро, на траве уже лежал снежок. Мы бежали по улице Северная, и вдруг перед улицей имени Крупской Инна ойкнула и остановилась, как будто ей сказали «Замри». Я тоже затормозил: — Что случилось? — Она говорит: — У меня кольцо слетело.

Мы стали искать. Круг поисков был небольшой, потому что Инна услышала звон кольца и тут же встала. Но на асфальте были лужи и грязь со снегом и стало смеркаться и мы всё никак не находили кольца. Чуть поодаль стояла машина «Скорой помощи». Она приблизилась к нам, шофёр включил фару, что наверху, и навел её на место поисков.

Минут через пять, когда мы уже почти смирились с пропажей и прекратили поиски, Инна бросила последний взгляд на дорогу. И увидела кольцо! Она с радостным воплем схватила его, помахала шофёру, и мы побежали.

Побежали к Макаровым, которые жили на улице Крупской.

Ключ

Рабочим утром, как обычно, я пошёл в гараж «Убью козлы». Выпал лёгкий снежок, сантиметра три. Я подошёл к гаражу, засунул руку в карман — ключа от «Тойоты» нет. Проверил все карманы — ключа не было. Неужели придётся возвращаться домой! Оставалась маленькая надежда, что ключ остался в зажигании. Вставляю ключ в замок гаража и вдруг вижу: под дверью что-то чернеет из-под снега. Тронул пальцем — ключ от «Тойоты»! То есть он всю ночь пролежал у гаража и снег припорошил его ровно настолько, чтобы никто, кроме меня, его не заметил.

Пропуск

Но самая драматическая ситуация была однажды с моим зональным пропуском. 30 декабря 2007 года мы с Инной собрались на традиционный новогодний вечер 16-го отдела. Очень хотелось не опоздать на спектакль, ведь я написал для него четыре песни. Мы вызвали заранее такси, я забрал в своей машине пропуск, встретил такси, зашёл в дом, мы оба вышли, я ещё раз проверил пропуск и не нашёл его у себя. Куда он мог деться!? Ведь я его только что держал в руках. Поиски ничего не дали. Настроение испортилось. Мы поехали без пропуска. На проходной чудом уговорили вохрушку и проехали в город. Опоздали на 20 минут, пропустили одну мою песню, убедились, что ещё одну из двух следующих песен сильно «поправили», а четвёртую песню заменили.

После спектакля мы, как ни в чём не бывало, болтали с Макаровыми, отплясывали с горнолыжниками.

Из города нас выпустили после долгих уговоров. Мы подъехали к дому, отпустили такси, Инна сделала три шага по ветру по направлению к гаражу... и вынула из сугроба мой пропуск!

Собираемся с Инной в театр.

— Ты не могла бы положить мой кошелёк к себе?

— У тебя что, в пиджаке карманов нет?

— Он меня полнит...

Дверка от машинки

Мы делали генеральную уборку в квартире на Комсомольской после того, как вставили пластиковые окна. К тому времени мы не жили в квартире уже 13 лет, и каждая вещь напоминала нам о прошлом. Особенно нас умиляли детские вещи и всё, что связано с детьми.

Инна любовно перетирала модели машин, которые мы привозили детям в подарок. Это были коллекционные точные копии (1:43) легковых автомобилей, у них открывались двери и багажники. Моделей было не так уж много, не больше десятка, и Инна помнила историю каждой из них. Мальчишки относились к этим моделям очень бережно, машинки все были «без пробега и в о/с». Только у одной модельки почему-то не было дверки. Инна расстроилась. Посмотрела вокруг — дверки не было. Ну, что теперь делать — всё со временем ломается и теряется.

Преодолевая ностальгию, мы беспощадно выбрасывали всё ненужное. На выходе стояло уже несколько заполненных огромных пластиковых мешков. Один из мешков оказался прорезанным каким-то острым предметом, и из него выпала небольшая деталька. Инна присмотрелась — это была...дверка от машинки!

Паспорт на счётчик

Электричество в Мурзинке — это всё. В первую очередь — это тепло: работа газового котла, обогреваемый пол на кухне, обогрев скважины в морозы. А ещё освещение, бытовая техника, сауна. Электричества дом потребляет много: в месяц мы платим от 500 (летом) до 2000 рублей (зимой). Естественно, у нас стоит двухтарифный счётчик. При различии дневного и ночного тарифов более чем в 2 раза, экономия получается существенной.

И вот нас, жителей улицы Солнечная, обязали заключить договор с городской организацией под названием ООО НУЭСК. Для этого нужно было перепрограммировать и опломбировать счётчик. Потребовался паспорт. Без него — никак. Я обыскал все углы, пересмотрел все бумаги — паспорта не было. Мне предстояло, либо ехать в Екб за новым счётчиком, либо ставить одностарифный, который можно было купить у нас. Пока я раздумывал, всем вручили уведомления типа — нужно заключить договор до 1 ноября, не то мы вас отключим. Оставалась ровно неделя. А у меня работал сосед, электрик, который переделывал схему ввода. И он посоветовал: — Ты возьми чужой паспорт и по нему напечатай свой. — Я сгонял к соседям за паспортом. Оставалось закрыть кой-какие данные того счетчика, отсканировать, напечатать и вписать ручкой данные моего счётчика: номер, дату выпуска и ещё какую-то ерунду. Я взялся за дело. Аккуратно вырезал заплатки, при помощи ватной палочки и собственного носа закрепил их по месту и отсканировал. Получилось хорошо. Я начал колдовать над обратной стороной. Методом проб и ошибок я двигался к цели. Оставалось свести всё в единый документ на одном листе. И тут меня снизу позвал Николай: — Саша! Иди сюда! — Я спустился.

— Вот твой паспорт!

— Ты где его нашёл?

— Да мне надо три гайки на М10. Ты в тот раз приносил коробку с метизами, и я подумал, что она где-то здесь. Посмотрел вокруг — нету. Я открыл тумбочку (у нас там на средней полке хранятся запасы соли), смотрю — на нижней полке лежит коробка от счётчика, а в ней паспорт. Мы тут же сели на машину и отвезли счётчик на проверку. Был конец пятницы. А в понедельник я получил свой счётчик назад. Перепрограммированный и опломбированный.

МОНОЛОГИ

Вместо предисловия

По молодости я очень сильно комплексовал: я повторял чужие мысли, стесняясь своих собственных, я рассказывал чужие истории, считая свои неинтересными, я поступал так, как мне посоветуют окружающие, не доверяя своей интуиции. Правда, когда мы с Инной подали заявление, некоторые из моих сокурсников говорили — Зачем тебе это надо? Ножки у неё, конечно, ничего, но характер! Одумайся, пока не поздно! — Но я женился. Теперь этим сокурсникам неудобно со мной встречаться.

Ну, так вот. Я комплексовал бы ещё неизвестно сколько, если бы не Краев и Алайба. Мы общались с ними со студенческих времён, но с большими перерывами. Иногда перерывы между нашими встречами измерялись годами. Но эти встречи всегда были содержательными и запоминающимися. Иногда на наших посиделках я оказывался в центре внимания с какой-нибудь своей историей. И Володя с Тамарой были самыми благодарными слушателями. Более того, своими комментариями, репликами, они превращали мой рассказ в шоу, в эстрадный номер. При этом они смеялись до слёз, заражая окружающих. И я в такие моменты чувствовал, как у меня расправляются плечи и становится уверенной осанка.

А в последнее время Володя при каждой встрече повторяет, какую хорошую идею я ему подкинул, как я на него благотворно повлиял. Дело-то было пустяшное: мы говорили с ним о моей книжке «Дрова», в которую я с 1970 года собираю всё, что сочинил. А поскольку я, как человек технический, после каждого сочинения ставлю даты и веду список упомянутых лиц, то эта книжка уже стала справочником, по которому можно много чего уточнить и вспомнить. И Краев увлёкся жизнеописанием. Да так, что до сих пор не может остановиться. Его сочинения тянут уже на четырёхтомник. И я стал думать — А что, почему бы и нет? Почему я не могу оказать влияние даже на такого человека, как Краев? И у меня ещё больше расправлялись спина и плечи.

Мы с Володей, как люди творческие (чувствуется, что я не только избавился от комплексов, а уже просто оборзел), мы друг у друга перенимаем опыт. Так, по примеру Краева, я занялся прозой и написал «Семейные байки». В ответ Володя показал мне сборник «Я к вам пишу». И я решил записать свои монологи. Это короткие выступления, которые были произнесены (или могли быть произнесены) по разным поводам в неформальной обстановке. Они рассчитаны на самых близких людей, которые мне всё простят.

Тост

Женщины не любят нас ленивых, пассивных и медлительных.

Они хотят, чтобы мы были деловиты, активны и самостоятельны. Но не настолько, чтобы обходиться без них.

Женщины не любят нас неопрятных, неряшливых, затрапезных.

Они хотят, чтобы мы были шикарны, красивы и блистательны. Но не настолько, чтобы они выглядели бледно на нашем фоне.

Женщины не любят нас бездарных, тупых и недогадливых.

Они хотят, чтобы мы были талантливы, остроумны и проницательны. Но не настолько, чтобы видеть их насквозь...

Выпьем за нас — деловых и самостоятельных, красивых и блистательных, остроумных и проницательных мужиков, у которых хватает ума и силы воли не демонстрировать свои таланты в полный рост и не впадать в крайности лишь только для того, чтоб было хорошо нашим дорогим и любимым женщинам.

Про таланты

У меня есть один талант. Не вообще один, а один из многих. Кстати сказать, у меня практически нет недостатков. Кроме одного — излишней скромности в оценке своих достоинств. Мой тренер Безымянный — это фамилия у него такая, а имя его известно всем ориентировщикам и тренерам страны, поскольку он вырастил первого российского чемпиона мира — Николая Бондаря. Ну, так вот: Безымянный иногда говорил подшафе: — Если б я мог, как ты, сочинять, играть на гитаре и петь, все бы вот где у меня были! — Он медленно сжимал кулак. — Я бы их сначала прижал, потом отпустил, потом опять прижал. — Я слушал, но тему не поддерживал, поскольку был далёк от манипулирования людьми:

*Какое счастье, какое счастье,
Что Бог не дал мне жажды власти...*

А талант, о котором я начал говорить — это способность в каждом человеке увидеть прекрасное. В моей книжке «Дрова» более 270 упомянутых лиц, и для каждого я нашёл душевные слова. Когда я начинаю говорить женщинам о них самих, они узнают о себе так много нового, что теряют дар речи, а некоторые теряют сознание. Вот Инна однажды потеряла сознание, а когда очнулась — у неё уже была моя фамилия. В другой раз она пришла в себя — а у неё уже трое детей. Ещё как-то раз она опомнилась, а за плечами уже 40 лет совместной жизни, и муж (то есть я) не работает и ждёт, когда она всё принесёт ему в клюве. Осторожнее надо быть с нами — молодыми, красивыми и талантливыми.

Про харизму

Вот, говорят — харизма. А что это такое? Если это притягательная сила, то у меня она просто сумасшедшая.

Еду я в плацкартном вагоне на нижней полке. Сажусь за столом. Провожу глазами пейзаж. Подходит проводница. Не к кому-нибудь, а ко мне: — Молодой человек, вы не могли бы поменяться с женщиной на второй полке? Боковой. В конце вагона.

Вот откуда она знала, что я не смогу отказаться?

Стою в очереди за фруктами на рынке. Помыт, побрит, одет прилично. Видно, что не бомж. Подходит моя очередь.

— Мне, пожалуйста, с полкило винограда...

— Возьмите вот этот, рассыпью. Он слаще и дешевле. Грушек возьмите. Они немного мятые, но тоже очень сладкие. И тоже дешевле.

Вот откуда она знает, что я не буду торговаться?

В мясном ряду я ещё ни разу не прошёл дальше второй продавщицы.

Когда мы прилетаем в Кольцово из-за рубежа, на выходе из аэровокзала Инна всегда мне говорит: — Только в глаза ментам не заглядывай, тебя точно остановят и заставят открыть чемодан.

Цыганок я вообще обхожу за 100 метров — наученный потому что.

Как-то на вокзале в Невьянске стою, жду электричку. Половину зала занимают цыгане. Я держусь от них подальше. И тут подходит ко мне парень, с виду русский.

— Ты из Верх-Нейвинска?

— Да.

— У меня там сестра живёт. Дай мне рубль двадцать на билет. Сестра отдаст. Я ей записку напишу.

Когда я с запиской пошёл по адресу на улице Первомайской к девушке по имени Тамара, оказалось, что такого дома вообще нет.

Зашёл как-то в парикмахерскую «Локон». Впереди человека 3-4. Мастеров, слава богу, несколько. Занимаю очередь. Выходит старшая по залу, обводит очередь глазами и подходит ко мне: — Вы не согласитесь подстричься у практикантки? А то она вчера подстригла мужчину, он на неё так наорал, что у неё до сих пор руки трясутся. Мы вам скидочку сделаем. — Я с пониманием отвечаю: — Конечно! На ком-то ведь надо учиться.

Сажусь в кресло, весь такой благородный. Подходит практикантка — боже мой! — в чём только душа держится. Ручки тоненькие, пальчики, как куриные лапки. Девушка стала меня пеленать. Её озноб передавался даже через покрывало.

— Какую стрижку будем делать?

— Молодёжную.

Я тогда был помоложе, чем сейчас, но уже и тогда это звучало нагло. Любое неверное движение ножниц оставляло неизгладимый след на моей, простите, шевелюре.

Девушка взяла ножницы, расчёску, приподняла одну, извините, прядь — чик. Приподняла вторую — чик. Ой! Снова приподняла первую и стала ровнять по второй — чик, чик. Прошло минут сорок. Уже все подстриглись: и кто был впереди, и кто был сзади меня. Уже все мастера ушли на обед, а девушка всё ещё чикала ножницами. Наконец, испытание закончилось, я сказал: — Спасибо. — Заплатил на 10 рублей меньше тарифа и поехал домой, где ещё минут пять ровнял себя перед зеркалом.

А на Олимпиаде в Москве! На все мероприятия мы ходили всей нашей делегацией — билеты были у всех одинаковые, и сидели мы всегда рядом. Но вот на лёгкую атлетику в один из дней почему-то у Веры Козиной оказался билет на противоположную трибуну. И в день соревнований она вкрадчиво попросила меня: — Саша, давай поменяемся, а то «чё я буду сидеть одна, как дура». Я бы мог сказать: — «А я чё? Дурак, что ли?» Но не сказал. И вот я сижу один, на отшибе, и смотрю, как по противоположной трибуне ходят волонтёры с рюкзаками-канистрами за спиной и наливают в разовые стаканчики всем желающим апельсиновый сок. Наши выпили этого сока столько, что не досмотрели соревнования до конца.

А вот совсем недавний пример моей притягательности. Мне надо было получить пропуск для Кати на Мичурина 35, что на площади. Я занял очередь в третье окно и с квитанцией в руках пошёл в коридор к банкомату платить за изготовление пропуска. Думал, что это быстро. дождался своей очереди, заплатил 150 рублей с карточки. И тут ко мне подошла молодая мама в драных джинсах с ребёнком за ручку:

— Вы не разменяете мне 100 рублей. — Я достал кошелек, 50 рублёвка была только одна

— Извините, нечем.

— А давайте я вам дам 200 рублей, вы мне отдадите 50 и заплатите со своей карточки.

Я взял 200 отдал 50, вставил карточку, прошёл по подсказкам.

— Введите номер квитанции.

— Какой квитанции?

— Вот такой квитанции (показываю).

— А разве у них разные номера?

— Конечно

— Ой, а её у меня ещё нет. Я хотела сначала заплатить. Извините.

Я отыграл назад, вытащил карточку, достал кошелек, отдал 200, забрал свои 50. И всё это я проделывал с забинтованной до самых пальцев правой рукой. Молодая мама извинилась и ушла. А я ещё раз встал в третье окно в конце очереди.

Вот такая у меня, блин, харизма!

Или это не харизма? А что тогда?

Битва за Максима

В те времена, когда у нас было двое детей, у меня была теория, что каждый человек в семье должен ощущать свою нужность. Это когда всем трудно, и твоя помощь реально кому-то облегчает жизнь.

С двумя детьми, когда одному 3, а другому 12, особых проблем не было, и мой рейтинг в семье начал снижаться. Надо было что-то делать. О доме в деревне мы тогда не помышляли, большой спорт был для нас позади, учёба в аспирантуре считалась личным делом, поэтому оставалось родить третьего. Я сказал об этом Инне. Она искренне удивилась — Зачем? С какого перепуга? — Я не мог ей открыть истинных причин, поэтому схитрил:

— Девочку хочу.

— У меня девочки не получаются. Зачем нам третий мальчик?

— У тебя получится.

— Нет! Я тебя уверяю! И вообще, как я людям объясню, что решилась на третьего? Это я — то, которая всем говорила, что у меня будет максимум один ребёнок. Я уже и так перевыполнила план.

— Иннуля...

— Я сказала — нет! Отвали! В конце концов, я тоже хочу поступить в аспирантуру, сделать карьеру.

— ...представляешь, она будет походить на тебя!

— Не дай бог!

Убедившись, что я не шучу, Инна заняла круговую оборону, пробить которую не удавалось целый год. Я менял тактику, я льстил, я давил на сознательность, я обижался — бесполезно. Ответ был один — нет и всё!

Лёд начал трогаться летом 85-го в Батуми, куда мы поехали в отпуск всей семьёй, где небывалый культ детей. Сначала таксист, выслушав меня, сказал — Разводись! — Потом нас поселили в частном доме и хроменькая Дарико, мама пятерых девочек, сказала Инне — Рожай. Если б было здоровье, я бы ещё родила. — Но, самое главное, я весь отпуск демонстрировал, что со мной и семерых воспитывать не страшно. И после отпуска Инна сдалась. Первое время на неё часто нападали хандра и сомнения. Тут уже я проявлял характер и находил нужные слова. Но вот в феврале я уехал на учёбу в Обнинск, оставив Инну наедине со своими мыслями. И я стал получать тревожные письма. И опять, как и перед свадьбой, переписка сыграла решающую роль. Через месяц я приехал, и вариантов уже не было — рожаем!

Когда Максима привезли из роддома и развернули, Инна вручила мне первый подгузник. Я пошёл в ванную, включил воду и посмотрел на себя в зеркало: — Ну, что? Добился своего? Ты этого хотел? — Впереди опять были месяцы и годы стирки, сушки, глажки, штопки, сказок на ночь, вставаний по ночам, мыканий по больницам...

— Ну, где ты там пропал!? Давай уже быстрее! — донёсся из комнаты голос Инны.

— Щас, иду! Иду, иду!

За считанные секунды застирываю подгузник, выкручиваю и перекидываю через леску.

— Иду, иду, иду, иду!

Проект заработал: я снова стал нужен и мой внутрисемейный рейтинг пополз вверх.

Укрощение строптивой

Инна выходила замуж легко. Ей было двадцать лет и у неё было два правила: первое — люди должны быть вместе, если им хорошо вместе. И второе — люди должны быть вместе, пока им хорошо вместе. Нам было вместе хорошо, мы были уверены, что после свадьбы будет ещё лучше, и подали заявление. Потом была незабываемая свадьба в кафе, продолжение свадьбы в Туринске, свадебное путешествие в Днепропетровск. Ни до, ни после свадьбы Инна не раздавала авансов типа «навсегда», «только ты», «куча детей». Она говорила: — Правда, ведь мы не будем сидеть дома? Мы будем ходить по гостям, и к нам будут приходить друзья. Мы будем везде бывать...

Вначале так оно и было: гости, походы, компании, застолья... И Инна не сразу поняла, как она влипла со мной. Эйфория длилась полтора года и закончилась для Инны на следующий день после выписки из роддома. А уж после того, как она защитила диплом с грудным Денисом на руках и устроилась на работу, жизнь вообще пошла по кругу: работа — магазин — кухня — корыто — койка, работа — магазин — кухня — корыто — койка... И любая возможность вырваться из этого круга: учёба, соревнования, командировка, отпуск — казались ей праздником. Но время шло, детей прибывало, и круг становился всё более замкнутым.

А в 94-м году ситуация резко изменилась: Инна ушла с комбината и стала бизнеследи. Всю неделю ни семьи, ни детей, ни мужа, только работа: командировки, новые знакомства, семинары, переговоры, бизнесланчи — не об этом ли она мечтала?! Однако... Она приезжала по пятницам домой и без сил падала на диван. И если в это время звонил телефон, она знаками показывала, что никого не ждёт и никуда не собирается. И с большим удовольствием готовила, стирала... ну, и дальше по кругу.

Про Инну и её ресурсы

Когда мы уезжали в Израиль, где мне должны были делать операцию на сердце, Денис спросил: Страшно? — Нет — ответил я — не страшно. С нашей мамой вообще ничего не страшно. — Я понимаю, что должно быть наоборот: это она про меня должна так говорить. Но, что есть — то есть. Конечно, я пытался не раз изменить ситуацию: я упирался копытами, я устанавливал свои порядки,

я забегал вперёд и командовал. Но всякий раз (за редким исключением) Инна оказывалась правее меня. И не потому, что я ни тяти — ни мамы, а потому что у неё ресурсов больше. У неё колоссальная работоспособность, ответственность, память, умение быстро разобраться в обстановке и людях, огромное количество телефонов в голове, имён, фамилий, адресов. Когда мы приезжаем в новый город и начинаем с ним знакомиться, то через три дня все отрывочные сведения у неё удивительным образом складываются в цельную картину, а у меня так и лежат в виде пазлов. Многие из того, что она может, большинству непосильно. В том числе и мужикам. Я иногда предостерегаю, что за этой женщиной не надо гнаться: она всех перепьёт, перетанцует, перепоёт, переговорит, в преферанс обыграет, всем постелет, спать уложит, посуду перемоеет, пол подотрёт, перед сном почистит и наутро встанет, как ни в чём не бывало.

Безусловно, есть люди, которые лучше рисуют, свободнее говорят на иностранных языках, искуснее вышивают крестиком, но по совокупности способностей с ней мало кто сравнится.

У неё постоянная потребность что-нибудь делать. В отличие от меня. Мне бы посидеть, помечтать... И, если мне говорят: «Сидите, ждите», я сижу и жду. А Инна идёт выяснять — почему сидим, кого ждём, неужели ничего нельзя сделать? И часто оказывается, что можно.

Я приспосабливаюсь к обстоятельствам, а Инна приспосабливает их под себя. Вот, например, мы подходим в магазине к стойке с магнитиками. Я обхожу вокруг этой стойки и смотрю, а Инна вращает её, не сходя с места.

Она может многое. (Это уже другая сторона глагола мочь, не связанная с ресурсами). Она может отчитать, выставить идиотом, рывкнуть, послать в задницу, хлопнуть дверью... Это может каждый. Но с другими последствиями для себя. Если Инна пойдёт и хлопнет дверью, то она обойдётся, пробьётся и добьётся своего, потому что, опять же, у неё большие возможности. А другим, пожиже, придётся туже.

Как-то мы в очередной раз прилетели из отпуска, перекантовались в квартире в Екатеринбурге и наутро собрались ехать в Мурзинку на двух машинах. Наметили маршрут: едем по Космонавтов до мегамарта, затариваемся, потом через Пышму, по окружной дороге и домой. Я говорю

— Мне надо заехать в архив (это на Вайнера 17, совсем в другую сторону).

— Зачем?

— Там должен быть готов ответ на мой запрос.

— А в другой раз нельзя заехать или Максима попросить?

— Я быстро...

— Делай, как знаешь! Я тебя ждать не буду. Села в машину и уехала. А я поехал в архив. Приезжаю — нужный отдел не работает. Я бросаюсь в погоню и застаю Инну в мегамарте. Она катит полную тачку продуктов.

— Ну, что?

— Всё нормально.

— Не зря съездил?

— Не зря.

Конечно не зря: теперь я точно знаю, что по пятницам отдел по запросам граждан не работает, и ещё раз убедился, что спорить с Инной — себе дороже.

Про вино и конфеты

О том, хорошо ли мы поступили, правильный ли сделали выбор, чаще всего можно судить лишь по последствиям.

Мы с Инной поступили на работу в отдел 16 с разницей в один год, и нас сразу приобщили к спорту и самодеятельности. В те времена в отделе была традиция проводить новогодние и первомайские вечера. Мы сами писали сценарии, сочиняли песни. Постановкой спектаклей занимался главный режиссёр театра Александр Георгиевич Хорст, музыкальные номера чаще всего ставили супруги Клементовы и другие преподаватели музыкальной школы.

Вот как-то собравшись в ДК, мы думали над очередным новогодним спектаклем. Надо было выбрать мелодии, на которые должны быть написаны тексты. Единодушия не было, и я вызвался принести пластинку, которая мне очень нравилась — французская певичка исполняла четыре песни, смысла которых я, естественно, не понимал. Только спустя много лет я услышал русский вариант одной из них:

*Кукла, кукла восковая,
Не полюбишь вовек,
Не настоящая, не живая,
Только с виду человек.*

Я принёс эту пластинку на следующую репетицию. Прослушать её в ДК не удалось, и наша музыкантша — девушка (в широком смысле слова) лет тридцати — предложила мне сделать это у неё дома.

Мы пришли в её комнату в коммунальной квартире. Я достал пластинку, а она достала бутылку вина и коробку конфет. Я сказал: — Послушаем? — А она сказала: — Наливай! — Пить не хотелось, но, тем не менее, мы выпили по бокалу, съели по конфете. Я повторил, в смысле, сказал: — Послушаем? — Она сказала: — Не спеши! — и достала огромный альбом. — Садись, посмотри, какое чудо мне подарили! — Мы сели на диван, она распахнула альбом. Он открылся на странице, где была картина «Возвращение блудного сына», и целиком закрыл наши колени. — Ты посмотри на эти руки! Какие руки! Какие руки!! Какие руки... — Я покосился на собеседницу — глаза её закатились, рот открылся, руки опали, пахнуло табаком и чем-то кислым. Я осторожно спросил: — Мы пластинку слушать будем? — Музыкантша не ответила.

— Ну, я пошёл.

— Куда!? — Её руки обрели силу и цепкость.

— Мне домой надо.

— Успеешь — рано ещё!

И тут у неё стало много рук — она одновременно висела на шее, отнимала у меня ботинки, стягивала шарф, вешала пальто обратно на крючок и закидывала шапку на полку.

Кое-как я напятил всё это на себя и, с трудом сохраняя достоинство, протиснулся в дверь. Видя, что я таки ухожу, музыкантша накинула шубейку, сунула ноги в сапоги и бросилась за мной. Целый квартал я старался изображать для прохожих, будто мы опаздываем на электричку. Наконец, силы у девушки кончились, я мы кое-как расстались.

Я молчал об этом несколько лет. Постепенно в этой истории я стал себе казаться героем, верным мужем, заботливым отцом, и как-то, лёжа в постели, рассказал её Инне. Она слушала, не перебивая, а когда я замолчал, сказала: — Вообще-то, **если выпил вино и съел конфеты, то уходить просто так нехорошо**. Я не нашёлся, что ответить — рассчитывал на одно, а услышал другое.

Прошло ещё несколько лет, у меня уже стали проявляться признаки будущих болячек, и мне дали путёвку в санаторий «Южное взморье». В первый же день за одним столом со мной оказался мужичок-бодрячок лет сорока. После нескольких дежурных вопросов — откуда? как давно? на сколько дней? — он заговорил про женщин и рассказал непечатную историю, которая начиналась примерно так: — «У нас есть молоденькая лаборанточка, и мы с ней иногда после работы садимся на машину и уезжаем за город в лес...». — Я не знал, как реагировать и рассказал в ответ свою историю. После слов: **«жена сказала, что если выпил вино и съел конфеты, то уходить просто так нехорошо»** мужик хмыкнул и мы встали из-за стола.

После обеда я пошёл поваляться на пляже. Расстелил полотенце, лёг и уже почти задремал, когда услышал рядом оживлённый голос. Приподнял голову — в окружении двух дам шёл знакомый мужичок и заливал: — «А жена ему и говорит: — **«Если выпил вино и съел конфеты, то уходить просто так нельзя!»**».

Дамы хохотнули, и одна из них спросила:

— А сколько ему лет?

— Лет 28 (мне было 33).

— Врёт — уверенно заключила дама.

Троица неспеша прошла дальше, а я лежал, вжавшись в полотенце. Было такое ощущение, будто надо мной пролетело стадо коров.

Прошло много лет. Жизнь сложилась так, как сложилась — грех жаловаться, и я решил записать эту историю.

Так, всё-таки, был ли я неправ? А если был, то когда? Когда согласился пойти в гости? Когда пил вино и ел конфеты? Когда сбежал? Когда рассказал об этом жене, гордясь собой? Когда поведал мужику, гордясь женой? Когда записал эту историю? Или когда прочитал её вслух? Посмотрим — время покажет.

А пока выпьем за то, что в этом доме можно пить вино, есть конфеты и уходить просто так.

День сурка

Не сделаю открытия, если скажу, что в разных жизненных ситуациях мы не всегда поступаем наилучшим образом: нам не хватает знаний, умений, сноровки, мудрости, терпения, характера и так далее. И если человек способен критически оценить свои действия и сделать правильные выводы, то в следующий раз в похожей ситуации он поступит мудрее, рациональнее, эффективнее. А ситуации обязательно повторятся, потому что вся наша жизнь — это сплошные «дни сурка» (есть такой фильм про то, как один телерепортёр многократно проживал один и тот же день, 2 февраля — день сурка. В результате он перестал попадать в неприятные ситуации, стал успевать предотвращать несчастные случаи, оказывать помощь пострадавшим, наладил отношения с коллегами, стал королём вечеринки, поскольку стал брать уроки музыки... и много чего ещё). Я думаю, что это в какой-то степени про меня. Вот несколько примеров.

За многие годы нашей с Инной совместной жизни многократно возникала такая тема: «Березин, почему ты не можешь пойти к начальству и сказать: — Уважаемые начальники, я работаю уже 10 (15, 20) лет, и всё ещё — простой инженер с минимальным окладом. Я что — плохо работаю, не справляюсь с обязанностями, не выполняю заданий? В чём дело? Или ты ждёшь, когда о тебе вспомнят и скажут: — Что-то мы давно тебе оклад не повышали. Что-то ты у нас в инженерах засиделся. — Да никто не вспомнит и не скажет. Не требуешь — значит тебе не надо. И начальство это вполне устраивает. Так ты и будешь простым инженером до пенсии! — Когда моя жена не права, меня это сильно раздражает. А когда права, то просто бесит. И я бесился. Мы ссорились, подолгу не разговаривали и не общались. Так было до тех пор, пока однажды я не сказал: — Иннуля, а давай разберёмся, кто из нас в жизни добился больше. Вот ты — девушка из приличной семьи, дочка майора, умница-разумница, такая деловая, активная — креативная, а за кого ты замуж вышла? За парня из деревни — ни тяти — ни мамы, ни уха — ни рыла, который так никем и не стал. А я? Ты посмотри на ком я женился! На девушке из приличной семьи, дочке майора, умнице-разумнице, которая родила мне троих детей, бросила приличную работу, ушла в бизнес, мыкалась по электричкам, гостиницам и съёмным углам, раскрутилась, всех одела и обула, обеспечила мою старость... Так кто из нас добился в жизни большего? — Гадёныш! — сказала она восхищённо.

Или вот другая тема. Время от времени Инна срывалась: — Березин, ты хорошо устроился! Я — всё придумай, разужнай, организуй, проконтролируй, оплати и принеси тебе на блюде! А ты ещё и морду воротишь! — И опять мы ссорились, не разговаривали и не общались.

Но однажды я сказал с деланным театральным сочувствием, наигранным упрёком на лице и лёгкой показной обидой в голосе:

— Девушка, ты опомнилась! Я над этим проектом работал тридцать лет. Я 20 лет водил детей в ясли-садики, я 25 лет собирал детей в школу, ходил на со-

брания, заклеивал окна, двигал парты. Я «Приключения Незнайки и его друзей» прочитал 5 раз от корки до корки с выражением и по ролям. А этот окрик «Папа, не спи!» и сейчас преследует меня по ночам. С тех пор чтение для меня — самое действенное снотворное. Поэтому на моей прикроватной тумбочке месяцами лежат книжки, заложенные на страницах 5, 7, 10... Я с коляской обошёл земной шар. Я 30 лет мечтал иметь собственный угол в доме и личное время... И вот проект заработал, мечты осуществились: свой дом, куча личного времени жена всё приносит на блюдечке... — Паразит! — сказала Инна примирительно.

Или вот ещё тема. Я — за рулём, Инна — рядом. Какое-то время всё идёт хорошо. Потом начинается: — Ты в каком ряду едешь? Свали уже вправо или влево. Чего ты встал в этот ряд, рядом — ни одной машины! Зачем ты остановился на жёлтый свет — тебе въедут в зад — будешь знать! Зачем ты проехал на жёлтый? Тебе свернут морду и будут правы! Я молчал. Я огрызался. Я угрожал. Однажды я молча проехал весь путь и, когда мы остановились у дома в Мурзинке, я сказал

— Шестнадцать!

— Чего шестнадцать?

— Ты мне сделала шестнадцать замечаний!

Инна хлопнула дверью:

— Сидит тут, замечания считает вместо того, чтобы ехать нормально!

Но вот однажды мы поехали на мне из Екатеринбурга в Мурзинку. Спустя какое-то время началось как обычно: — Чего ты за ним тащишься? Или обгони, или отстань. Встань в правый ряд, нам через два километра поворачивать! Ей-богу, я с тобой язву заработаю! Чщё я опять лезу! Человек тридцать лет за рулём, а я учу его, как надо ездить! — И тут я говорю — Иннуля, за один твой вскрик перед бетонной клумбой у ЗАГСа я готов выслушать 99 твоих замечаний. — Инна посмотрела на меня и ничего не сказала. Остаток пути мы проехали в любви и неге.

Ну, так вот, к чему это я? Меня как-то пару раз спросили — Березин, почему у тебя всё хорошо? И с женой, и с детьми, и на работе. — (Я знаю, что так нельзя говорить, но это прямая речь, цитата из жизни). Помню — один раз я ответил: — Сильно хотел, и старался. — И подумал — А что разве есть люди, которые не хотят и не стараются? — В другой раз я ответил: — Повезло. — И опять подумал: — Разве дело только в везенье? Получается, что я совсем не при чём. — И этот ответ мне тоже не понравился. В общем, я тогда не смог ничего толком объяснить. А сейчас, наверное, смог бы. Только меня об этом уже давно никто не спрашивает.

Нелёгкий выбор

Посмотрел очередную передачу с Малаховым. Опять кто-то заступился за кого-то, и его жестоко избили, и он стал инвалидом — на голове яма величиной с кулак. А тот, кого он спас, даже не объявился. Отморозков, конечно, наказали, но несильно. Врачи с трудом поставили парня на ноги, родители его выходили, и девушка его не бросила. Но он уже никогда полностью не восстановится. Спра-

шивается: он правильно поступил? И я в очередной раз вспомнил свою историю.

Мы, пятеро молодых специалистов, решили устроить пикник на берегу озера Таватуй. Взяли палатку, спальники, продукты, гитару, проехали на электричке до станции Калиново и пошли к озеру. Дело было в пятницу, после работы. Пока мы приехали, пока прошли путь от станции до озера (где-то километра четыре), стало уже темнеть. Мы отошли от дороги в лес, поставили палатку, развели костёр, накрыли поляну. Все друг друга хорошо знали с института, были спетые и спитые, вместе ездили на целину, в агитки, устраивали вечеринки. Мы с Инной уже были женаты, Володя Концевой с Томкой Абузьяровой собирались жениться. Пятым был молодой, неженатый Коля Исаев.

Только мы расположились у костра в предвкушении застолья, разговоров и песен, как к нам из темноты подвалила кодла местных парней. Они по-хозяйски уселись рядом с нашим костром и начали куражиться: «А кто такие? а есть ли выпить? а мы сейчас проверим, да нас тут все боятся, да у нас дома ружья, а можно ваш ножик посмотреть?» Держались они нагло. Самый молодой из них в порыве доблести одним махом перерезал растяжку у палатки, но команды продолжать не получил и успокоился. Мы сказали, что у нас на всё про всё только одна бутылка водки. И это была правда. Володя Концевой достал бутылку из рюкзака и выставил на стол. Парни не поверили, двое самых пьяных из них полезли в палатку. В палатке сидели наши девчонки. Парни, засунувшись наполовину, повели с ними светский разговор и начали неспешный шмон рюкзаков. Водки они не нашли — её и не было, и парни вылезли из палатки, прихватив несколько банок тушенки и сгущёнки.

Мы, трое парней, сидели в центре полукруга из пришельцев. Под бревном лежали топор и гитара. Гости выпили по «писярику», и, не усмотрев с нашей стороны активных действий, предложили спеть.

Мы старались вести себя спокойно, никого не злили и спускали ситуацию на тормозах. Но не всех гостей это устраивало, особенно самого мелкого и гнилого из них, да ещё тех, что залезали в палатку.

— Вы чё, нас не боитесь, что ли?

— Да вы вроде нормальные ребята...

— А вот я сидел — ты понял? Мне ваще всё по хер.

Один из шмональщиков — рыжий парень был со слухом и несколько раз заводил:

— *Баю-баюшки-баю! Не ложися на краю!*

Придёт серенький волчок и ухватит за бочок! —

Я взял гитару:

Вставайте, граф, рассвет уже полощется,

Из-за озёрной выглянув воды...

Постепенно мандраж прошёл. Было видно, что обстановка поменялась, стала менее напряжённой. И хотя троица ещё продолжала понтоваться, большинство поселковских сидели мирно, как бы за компанию. У одного из них, что постарше и поближе к нам, мы тихо спросили: — Что нам делать? —

Он спокойно ответил: — Ждать рассвета. — И точно: когда начало светать, гости стали расходиться и вскоре ушли все, прихватив наши консервы.

На душе было мерзко. Мы молча свернули палатку и потащились на станцию. Путь лежал через посёлок. На перекрёстке рыжий, шатаясь, пел: — Придёт серенький волчок и ухватит за бочок... — и чего-то вырисовывал на дороге вытекающей из банки сгущённой.

Весть о походе быстро разнеслась среди наших знакомых. Они подходили и спрашивали подробности. В столовой к столику подсел Валера Артемьев, внушительный парень с ассиметричным лицом, шрамом на подбородке и манерами десантника: — Мне тут Тамара порассказала, как вы выступили на Таватуе. И я вас сильно занеуважал. Я был в подобной ситуации и схлестнулся с отморозками. С тех пор у меня рожа кривая, зато совесть чиста.

Я сотни раз прокручивал в голове этот случай. Как надо было поступить? Схватить топор? Заорать: — Убью!? — Проломить одному череп, и остальные бы убежали? А если нет? Если бы они только отступили в темноту и вернулись с дубьём и камнями? И тогда вариантов немного: или кого-то покалечить, убить и сесть в тюрьму, или быть самому убитым или покалеченным. И вот я бы мерил шагами тюремную камеру или сидел в инвалидной коляске и думал: — Эх, надо было перетерпеть, перемолчать. Ну, унизили бы, наплевали в душу. Ну, настучали бы по голове... Зато остался бы на свободе целым и невредимым. И тогда жизнь могла сложиться совсем по-другому. Я бы мог нормально работать, воспитывать детей, заниматься спортом, писать стихи и песни, пить с друзьями водку, ездить в горы и на море... Ведь все учебники, все инструкторы по боевым искусствам говорят, что нужно уклоняться от столкновений с агрессивной толпой. И если всё-таки избежать столкновения не удалось, то нужно использовать любую возможность, чтобы покинуть место событий, то есть убежать. Я искал оправдания в том, что всем нормальным людям присуще чувство страха, самосохранения и ответственности перед своими близкими — что будет с ними в случае твоей гибели или увечий.

Я не находил ответа, но одно мне было ясно, что после этого случая у меня нет права прожить никчёмную жизнь, чтобы никто не смог сказать: — Лучше бы ты взялся тогда за топор и не допустил этого позора. Пусть бы тебя покалечили или убили, пусть бы ты кого-нибудь покалечил или убил, зато навсегда бы остался для нас героем...

Я кандидат наук, заслуженный изобретатель, кандидат в мастера спорта. Я написал книжку стихов и книжку коротких рассказов. У нас с женой три замечательных сына, внуки, свой дом. В отпусках мы объездили полмира, были в горах, на морях и океанах...

Я правильно поступил, что не схватился за топор тогда ночью в лесу под Калиново?

Соблазны

Однажды Стас обратился к маме: — Мам, дай денег, я хочу съездить в Москву на фабрику звёзд. — Мама округлила глаза:

— Стасик, ты о чём?

— Я хочу попробовать отобраться.

— Стас, ты в своём уме? Там люди готовятся годами, занимаются с преподавателями, подбирают репертуар, шьют костюмы...

— Мама, я всё понимаю, но если я не съезжу, я всю жизнь буду думать, что не использовал свой шанс.

— Стас, ты звезда своего университета и не более. Ну, какая тебе фабрика? Что ты возомнил о себе?

— Пусть мне скажут в Москве, чего я стою.

— Стас!...

— Мам! ...

— Ну, ладно!

И Стас поехал. В Москве у нас были знакомые, у этих знакомых нашлись свои знакомые, которые взяли Стаса за руку и в обход длинной очереди, которая началась ещё перед зданием Останкино, поставили перед дверью помещения для прослушивания. В коридоре томились молодые претенденты, стильно одетые, каждый в своём образе...

Из дверей вывалился очередной конкурсант: — Следующий! — Стас вошёл в зал и предстал перед комиссией во главе с Пугачёвой.

— Фамилия?

— Березин Стас.

— Что будем петь?

— «Мы желаем счастья вам!» — Стас выбрал песню, с которой он двадцать лет назад был лауреатом детского сада.

— Правила вы знаете: когда Вам скажут «спасибо», Вы тут же прекращаете петь. Слушаем Вас.

В мире, где кружится снег шальной,

— Спасибо!

Где моря грозят крутой волной,

— Большое спасибо!

Где подолгу добрую

— Всё! Вы свободны! До свидания!

Ждём порой мы весть.

— Следующий!

И Стас пошёл к выходу, не добравшись до припева.

Когда он рассказывал нам эту историю дома, мы с мамой помирали со смеху. И звёздная болезнь у Стаса прошла, как лёгкая простуда.

Но вирус подхватил я. В своё время я написал с десятков песен и выступал с ними в компаниях, на концертах, фестивалях. Были восторги, были овации, призы.

Случалось — кидали цветы. Спортивные песни знали многие ориентировщики страны. Всё это создавало благоприятную среду для развития болезни. Я представлял себе, как мои песни где-нибудь случайно услышит некто Фадеев или еще какой-нибудь айзеншпиц от шоу-бизнеса. Ими заинтересуются ... начнут вставлять в передачи... Какая-нибудь моя песня прорвётся в хит-парады. Мне будут заказывать тексты... Но эти мечты заслоняли другие земные заботы, и дальше любительских записей на магнитофон дело не шло.

Но вот как-то после очередного всплеска интереса к моим песням на мемориале Юрия Безымянного, нашего выдающегося тренера и спортсмена, я опять испытал соблазн записать свои песни на диск. Я даже придумал название диска «Любимые песни Ю. И. Безымянного в исполнении Александра Березина». Нет, лучше Александра и Инны Березиных. И поделился проектом с женой. Точно так же, как в своё время Стасика, она спросила меня участливо: — Сашуля, ты о чём? Хочешь пополнить ряды бездарных исполнителей? — Я понял, что её имя с обложки придётся убрать. Вскоре у меня появилась звучная двенадцатиструнная гитара — и это был знак. А уж когда жена уехала в зарубежную командировку, то я решил, что все звёзды сошлись.

Я пришёл к знакомому звукооператору, Саше Шибакову, в студию ДК «Строитель». Он отнёсся к моему желанию записать диск вполне серьёзно и по-деловому.

И начались муки творчества. Нас не устраивало одно, другое, третье... Мы переставляли микрофоны, меняли гитары, писали отдельно инструмент, отдельно голос, перезаписывали дубли целиком и кусками. Саша, проявляя чудеса изобретательности, вытягивал баланс, устранял несовпадения, латал аккомпанемент... Через две недели я понял, что, наметив записать два десятка песен, я сильно погорячился. Мне уже не надо было ни славы, ни денег, я был готов всё бросить и извиниться за потраченное зря время. Но Саша оказался настойчивее меня и сделал всё, что мог.

И вот этот диск в единственном экземпляре у меня. Иногда, когда дома никого нет, я достаю его из тайника и слушаю:

*В это вечер, в этот час
Мы хотим поздравить вас,
Просим — выслушайте нас
Хоп — хей — хоп!
Хоп — хей — хоп!*

Я слушаю сам себя и думаю: — Как хорошо! Как здорово! Ну, какой я молодец, что не пошёл по этой скользкой дороге шоу-бизнеса!

-2013-

Две гитары

У меня появилась двенадцатиструнная гитара. Не новая, но из хороших рук. Немного тяжеловатая, с изящными формами. Сквозь свежий лак было замет-

но, что над её передней декой хорошо потрудился мастер. Порожки безупречно сидели на идеально ровной накладке. Полукруглый подгрифник наполнял тяжестью всю ладонь. И целых двенадцать струн! Их незакреплённые концы с продуманной небрежностью курчавились вокруг головки. На лёгчайшее прикосновение гитара отзывалась сочным насыщенным звуком. Мне даже было неловко за свои узловатые пальцы и слишком простые аккорды. Я любовался ею и пытался представить себе — каким он будет наш первый выход в свет.

И вскоре такая возможность представилась. Я наконец-то решил записать свои песни в студии. Нет, не для славы, а чтобы сделать сюрприз тем, кто вот уже несколько десятилетий не представляет меня без гитары. И тут такая возможность! Тем более что на моей гитаре, с которой мы неразлучны со свадьбы, лопнули две струны.

Я пришёл со своей новой гитарой в студию. Знакомый звукооператор Саша с любопытством оглядел гитару, подстроил её и взял пару заумных аккордов — гитара не сфальшивила.

И мы начали записывать. Саша был озабочен. Он менял микрофоны, двигал их, переставлял местами, устанавливал на разной высоте. Нет! Гитара упорно лезла в голосовой микрофон. Вскоре от чрезмерных усилий и с непривычки у меня стало сводить пальцы. Они перестали попадать на лады, появился дребезг. После нескольких дублей левая рука повисла как плеть.

На другой день история повторилась. Всё разладилось. Не получалось даже то, что было отшлифовано десятилетиями. Ни одной песни не удалось записать до конца.

Перед следующей записью я несколько дней не брал в руки гитару — одна лишь мысль о том, что надо опять ворочать эту оглоблю, отзывалась болью в левом запястье и вызывала беспокойство: а вдруг опять не справлюсь и не допою до конца? Надо было что-то решать.

Я подошёл к своей старенькой шестиструнке. Она безмолвно смотрела со стены. Две лопнувшие струны висели на оплётке. Я бережно взял её в руки, провёл ладонью по знакомым изгибам. Паутинка трещинок покрывала некогда полированные поверхности. На грифе были чёткие следы моих пальцев на любимых ладах. На задней деке, отполированной моим животом, виднелись знакомые шрамы, история которых известна только мне.

Прогнувшуюся верхнюю деку подпирала деревянная вставка. Колки уже другие — родные просто стёрлись. На обечайке проступал страшный след от падения с высоты — не удержал. Сколько было переживаний! Гитару пришлось отдавать в ремонт. Я прижал своё сокровище к себе: — Прости, гитарка! Беспутал...

Я решительно открыл ящик шкафа и достал самый дорогой комплект струн, который купил когда-то за границей и хранил его неизвестно для какого случая. Перетянул струны, настроил, взял аккорд, другой... Пальцы удобно ложились на привычные лады. Струны откликнулись помолодевшим знакомым голосом.

*Ну, поедem со мной, ну, поехали
В край забытого детского сна.*

Боже мой! Когда это было — целина, агитки, концерты, песни у костра, гитара — по кругу...

*Белка ждёт с золотыми орехами,
Белоснежка глядит из окна.*

...походы на Адуи, на Конжак, сплавы по Чусовой, по Белой...

*Забредём в глушь лесную пахучую
И уйдём в предрассветный туман,*

Да уж! Со мной вместе повидала моя боевая подруга и зной, и холод, и дождь, и снег — откуда ж ему быть — лакированному блеску! Но форму и строй она держала всегда. Когда я видел её в чужих руках, то испытывал смешанное чувство гордости и ревности.

*И с дружкой или просто с попутчиком
Будем петь про любовь и обман.*

На следующий день я пришёл в студию со своей шестиструнной гитарой. Саша пожал плечами: — Как знаешь, твой выбор. — Он включил аппаратуру, и мы записали все песни с первого дубля.

В нашей каминной комнате висят две гитары на разных стенах. Двенадцатиструнная гитара с молчаливым любопытством смотрит сбоку на мою старую гитару, а та её как будто не замечает.

*Мы уйдём на зелёные просеки
По дорогам, заросшим травой.
Мы уйдём — вы напрасно нас просите,
Мы вернёмся, клянусь головой!*

-2013-

Рецепт реабилитации

В народе говорят: «Больная жена никому не нужна». Сурово, но объяснимо. Я это испытал на себе. Месяц после операции со мной ещё носились: «Папа, не поднимай! Папа, не двигай! Папа, отдохни!». Но уже через полтора месяца Инна, уезжая в Болгарию, со вздохом произнесла как бы сама себе (есть у неё такая привычка — уходя, придумывать работу): — Надо бы второй этаж достроить, газ провести в дом, забор покрасить, стеклопакеты установить на Комсомольской, скважину обо-

рудовать. — Я понял эти прозрачные намёки на то, что хватит прикидываться, пора делами заниматься. И летом 2012 года в нашем доме было сделано столько, сколько не делалось ни в один из последних 10-12 лет. Мы оборудовали второй этаж, то есть настелили паркет, установили радиаторы, двери, полки, провели в кладовки свет, выгородили туалет, подвели воду, установили сантехнику. Я лично пёр на руках из магазина до машины радиаторы по 10 штук в каждой из четырёх секций, помогал разгружать двери. Нам вырыли траншею и провели в дом газ. Я отвозил на тачке лишнюю землю, а потом возил её обратно, когда земля в траншее осела. Мы выправили и покрасили забор с внешней стороны участка, вставили стеклопакеты в квартире на Комсомольский, где я перетаскивал мебель из комнаты в комнату. Хорошо, что до скважины дело не дошло. На следующий год земля вокруг трубы уплотнилась, верховая вода перестала заливаться в скважину, и необходимость в организации дренажа отпала.

И я сказал, что если проживу долго (тьфу-тьфу-тьфу), то всем расскажу секрет того, как надо восстанавливаться после операций.

Расставание с трудовым коллективом

38 лет на вопрос «Где работаете?» я гордо отвечал — УЭХК, ЦЗЛ, лаборатория № 6, группа спектрального анализа.

38 лет на вопрос «Кем работаете?» я отвечал — Инженер — спектроскопист.

За 38 лет работы я сделал массу глупостей: я бил посуду, сжигал электрику, сносил программы, выводил из строя датчики, ставил на уши заказчиков, ошибаясь в запятых в результатах анализа.

Вместе с тем мне удалось кое-что сделать для производства анализов, в науке, в изобретательстве, в общественной работе, в самодеятельности и спорте. И я надеюсь, что пользы от меня было всё-таки больше, чем вреда.

Я не сделал карьеры, в смысле продвижения по служебной лестнице. Не то, чтобы не хотел, а просто с годами понял, что у меня нет нужных качеств в нужном количестве. Даже если бы я всё подчинил карьере, то, возможно, стал бы на одну — две ступеньки выше. Но при этом не известно, как бы сложилась моя остальная жизнь. Она как-то бы сложилась, конечно, но не факт, что более благополучно. А так — я не упустил детей, уделял им достаточно много времени, передал им всё, что знал и умел, получал при этом (и получаю до сих пор) массу положительных эмоций. Я обеспечивал тылы на семейном фронте, когда это было нужно. Я занимался спортом, самодеятельностью, сочинительством. Я практически ни с кем не испортил отношений. А это очень трудно — быть руководителем и никого не обидеть.

И вот моя трудовая деятельность подошла к концу. У меня нет ощущения, что я отстаю от поезда. Просто сейчас моя станция, я приехал и я выхожу. Всем спасибо. И до новых встреч на вечерах отдела, в театрах и кино, на лыжне и горнолыжных трассах!

-31 марта 2010-

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Самое трудное в этой книжке было — остановиться. Чем закончить? К какому событию привязать? Ведь жизнь не стоит на месте, в ней происходят всё новые и новые события. И я решил — пусть эта книжка будет подарком нам с Инной на очередную годовщину нашей свадьбы. А ещё я хотел, чтобы эту книжку увидели родители Инны, Ханан Ефимович и Вера Петровна. Низкий им поклон за всё, что они сделали для нас и всей своей большой семьи. В этом году на 95-летие деда собралось двадцать человек, среди них двое детей, пятеро внуков и пятеро правнуков. Это ли не пример семейного счастья!?

Родители передали нам свои таланты и сделали всё, чтобы мы их развили и предали следующему поколению. Я считаю, что нам это удалось. Наши дети во многом пошли дальше нас.

Денис связал свою жизнь с математикой. Он окончил матмех УрГУ, преподаёт в том же университете, доцент, кандидат наук, финансовый директор в фирме, которой руководит Инна. Он окончил музыкальную школу и не забывает про фортепиано (теперь уже синтезатор), пытается сочинять музыку.

Стас также окончил УрГУ, экономфак. Он очень разносторонний человек: играет на фортепиано и гитаре, поёт, сочиняет стихи, пишет рассказы, организует массовые мероприятия, концерты, шоу. Начиная с университета, поработал на многих поприщах и нашёл себя в рекламном бизнесе. Он основатель и владелец «Фабрики трогательных стендов».

Максим пошёл по нашим стопам и окончил физтех УПИ, нашу кафедру ФХМА. Он с детства тяготеет к технике, мастерит, придумывает, изобретает, но может и почитать наизусть из Евгения Онегина или сыграть на гитаре. Он является техническим специалистом у Инны на фирме.

Подают большие надежды и наши внуки. Шестилетний Алик с четырёх лет поёт в хоре городской филармонии, ходит играть в теннис, в футбол, научился плавать, очень быстро осваивает гаджеты.

Трёхлетняя София очень любознательная артистка: поёт песни из многих мультиков, рассказывает стихи, задаёт массу вопросов и на ходу сочиняет истории.

Маленькой Кире ещё нет полутора лет, но она уже бегает и очень быстро осваивает этот мир.

Может быть, в преемственности и совершенствовании поколений и есть смысл жизни!?

-Ноябрь 2013 года-

Моя семья, 1954 год

С сестрой Людмилой. 1961 год

Вера Петровна и Ханан Ефимович Рашкован. 1995 год

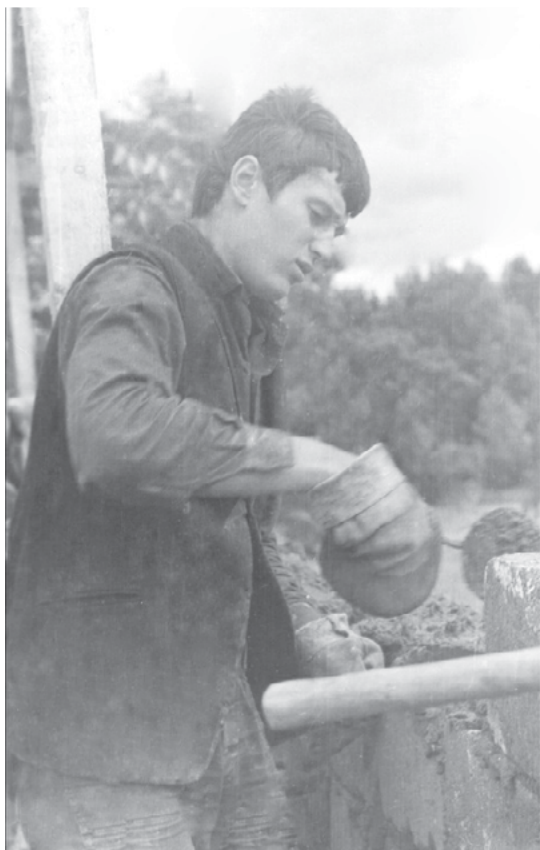
Семья Рашкован.
1961 год

Годовщина свадьбы в квартире на Авиационной. 1971 год

Отпуск в Молдавии. 1974 год

Гренадёры

20 лет «Гренаде». 1983 год

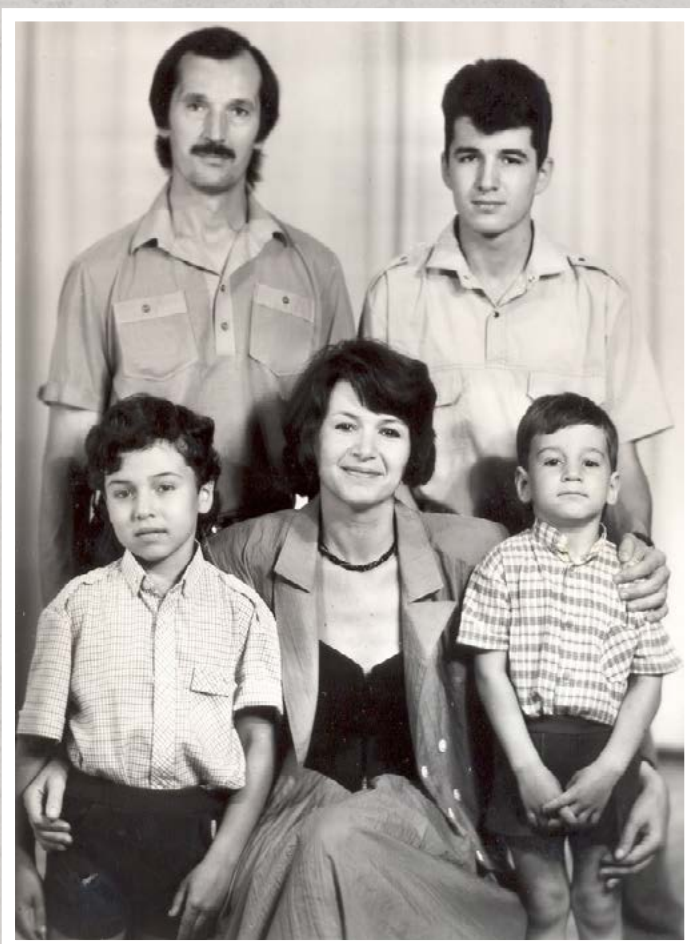
С Денисом. 1978 год

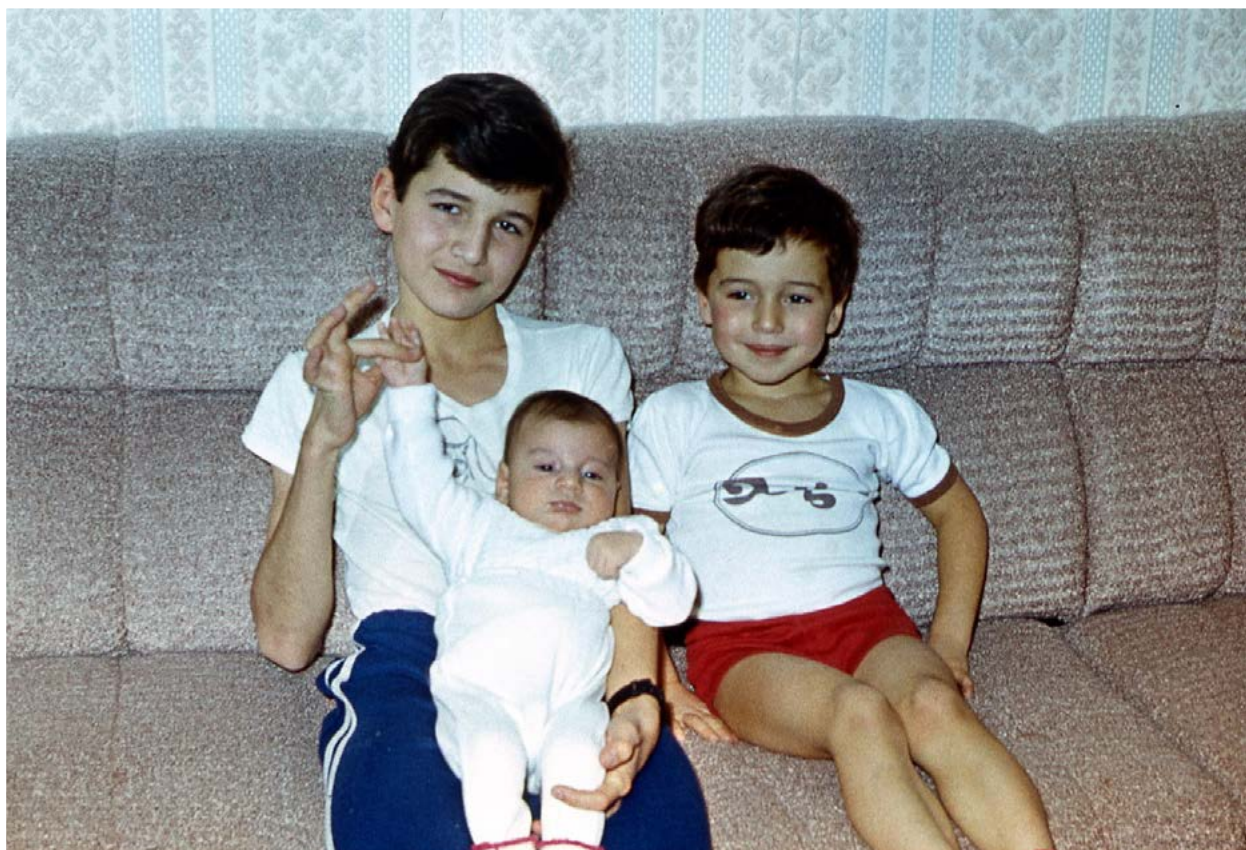
Стасик. 1986 год

Максимка. 1990 год

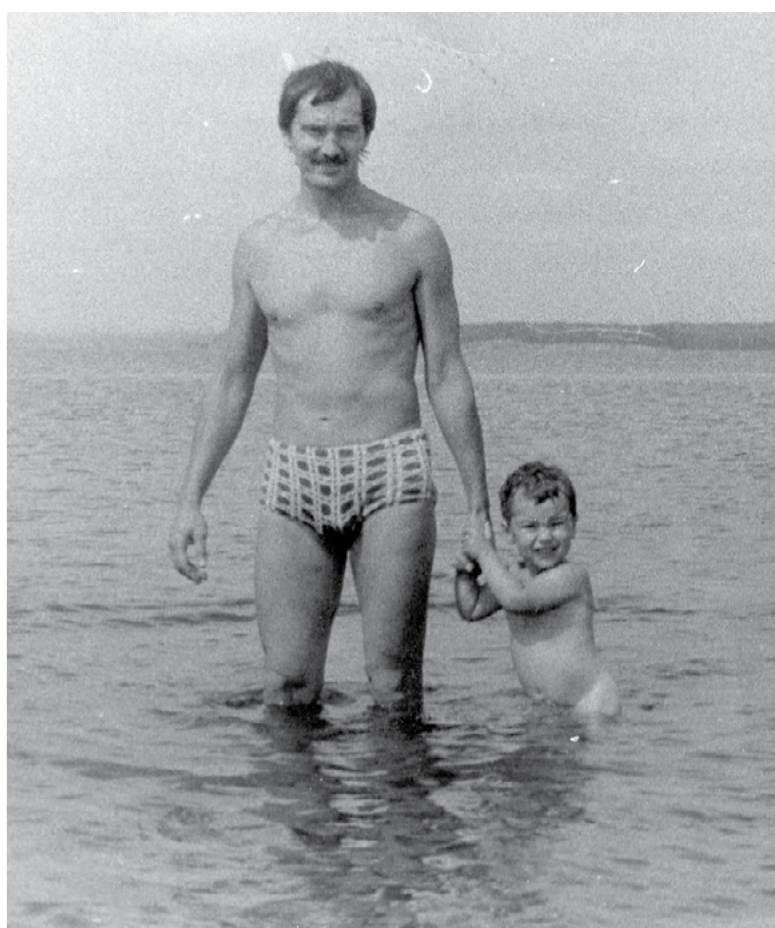
Наша семья. 1990 год

Денис, Стас, Максим в 1986 году...

и 23 года спустя

Со Стасиком на озере.
1983 год

Стасик во дворе на ул. Комсомольской с Коршуновыми Алёной и Лёшей.
1985 год

Батуми. 1985 год
Через год родился Максим

В квартире на Комсомольской 12-15. 1986 год

С Максимом во дворе
дома на Комсомольской

Максимка. 1991 год

Максим. 1996 год. «Даром преподаватели время со мною тратили...»

Весь пьедестал – наш!

Стас
с учительницей
музыки
Сивковой Т.А.
1995 год

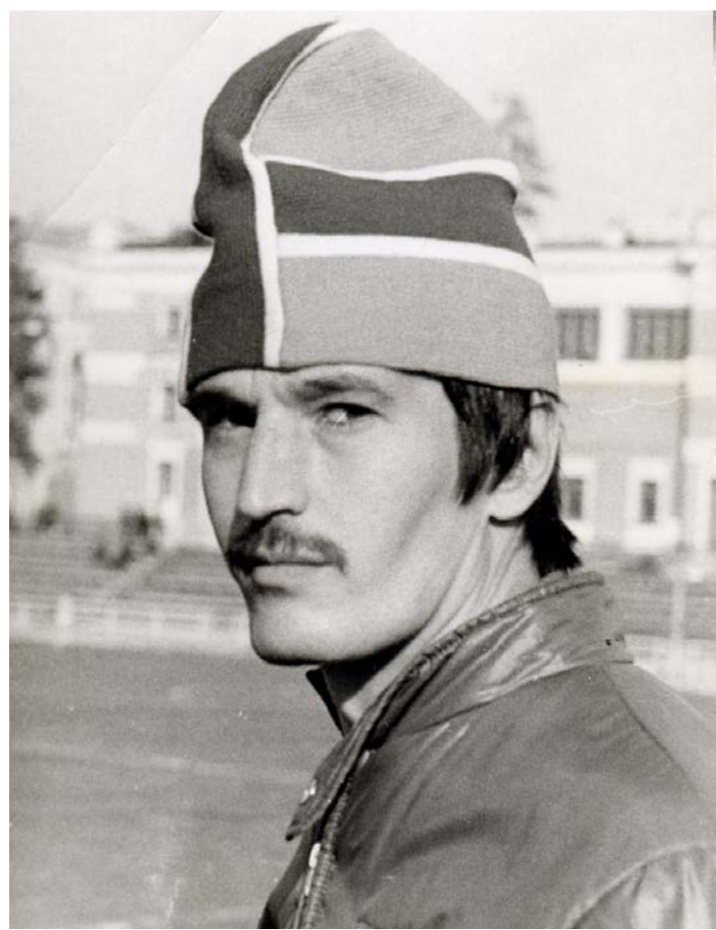
Стас и Максим. 2004 год

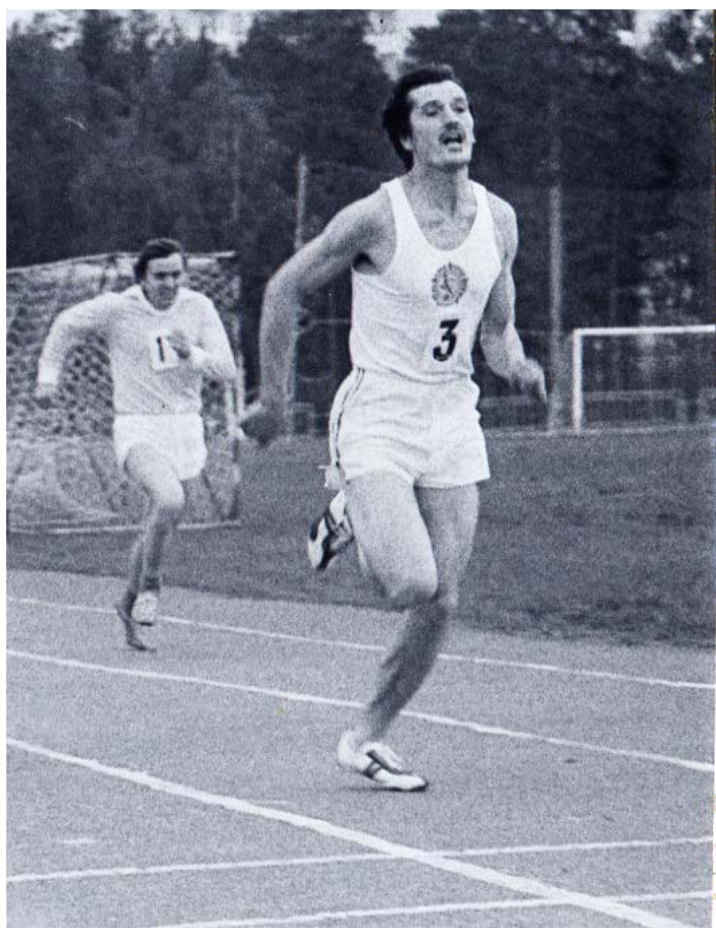
Сплав по Белой. 1990 год

Вокруг чемодана

Многоборец ГТО.
Хороший парень,
но не чемпион.
1979 год

12,5 на стометровке.
1979 год

В Снежинске. 1985 год

На том же месте 10 лет спустя

Рыбалка на Иртыше. 2000 год

Тобольск. На фоне Исторического музея. 2000 год. «Культурней надо быть...»

На очередном дне рождения деда

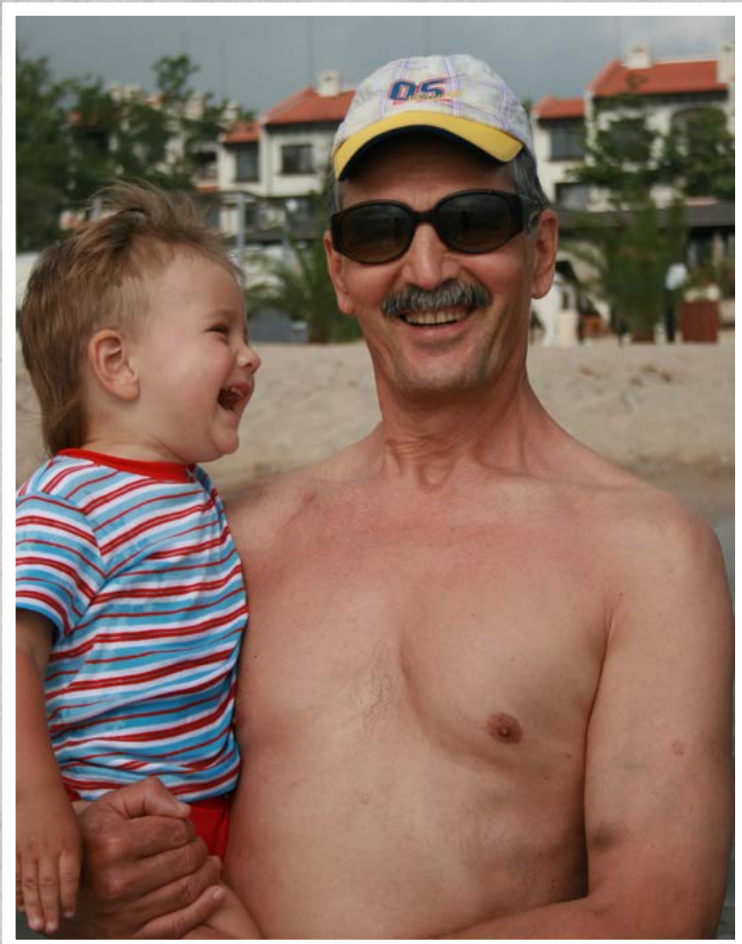
Снежинск. 2008 год. За пять минут до папиного стресса.

Не любите баян?
Это ваши проблемы

С Синди в Мурзинке

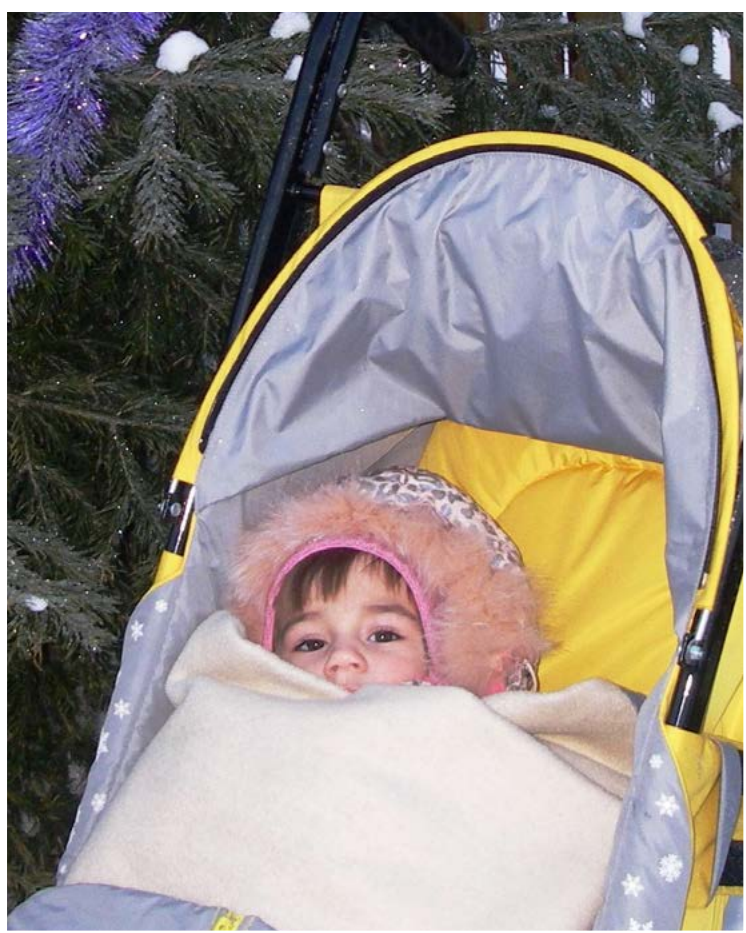
Два Александра Денисовича.
Болгария. 2009 год

Алик в Мурзинке.
2010 год

София
Мурзинка.
Август 2010

Январь 2012

Большие Галашки. 24 июля 2011 года. Пока ещё собственники

Криуль

Наше древо

Вера Петровна и Ханан Ефимович. Снежинск. 4 мая 2013 года

На новогоднем
вечере отдела
30 декабря
2008 года

... и шестью годами раньше

Банско. България. 2009 год. Рождество ещё впереди

Когда нет свидетелей

На карнавале в Венеции. Площадь св. Марка.
21 февраля 2012 года

В Снежинске. Ноябрь 2007

Первые шаги по жизни

и на эстраде

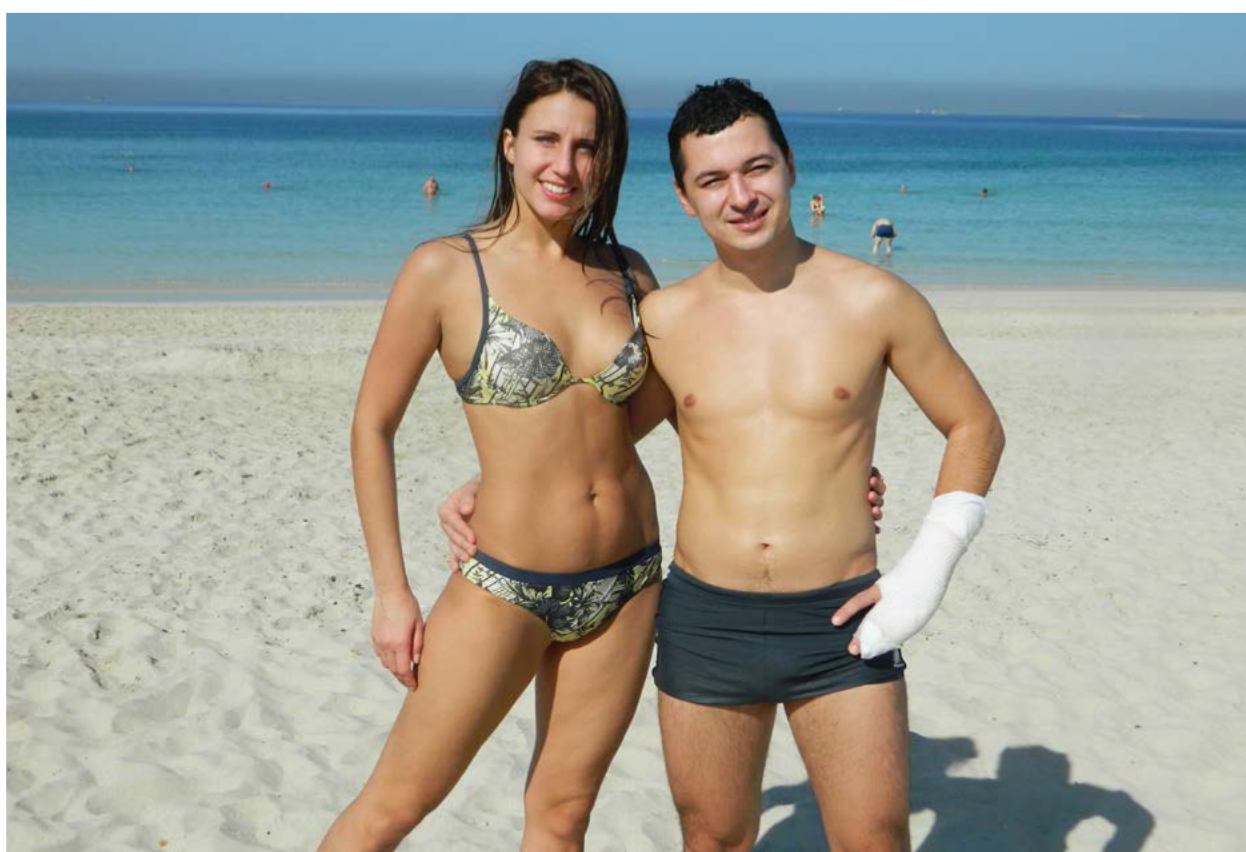
С Аней и Пашей Елисеевыми. Снежинск. Май 2011

Болгария. Несебр. 2012 год

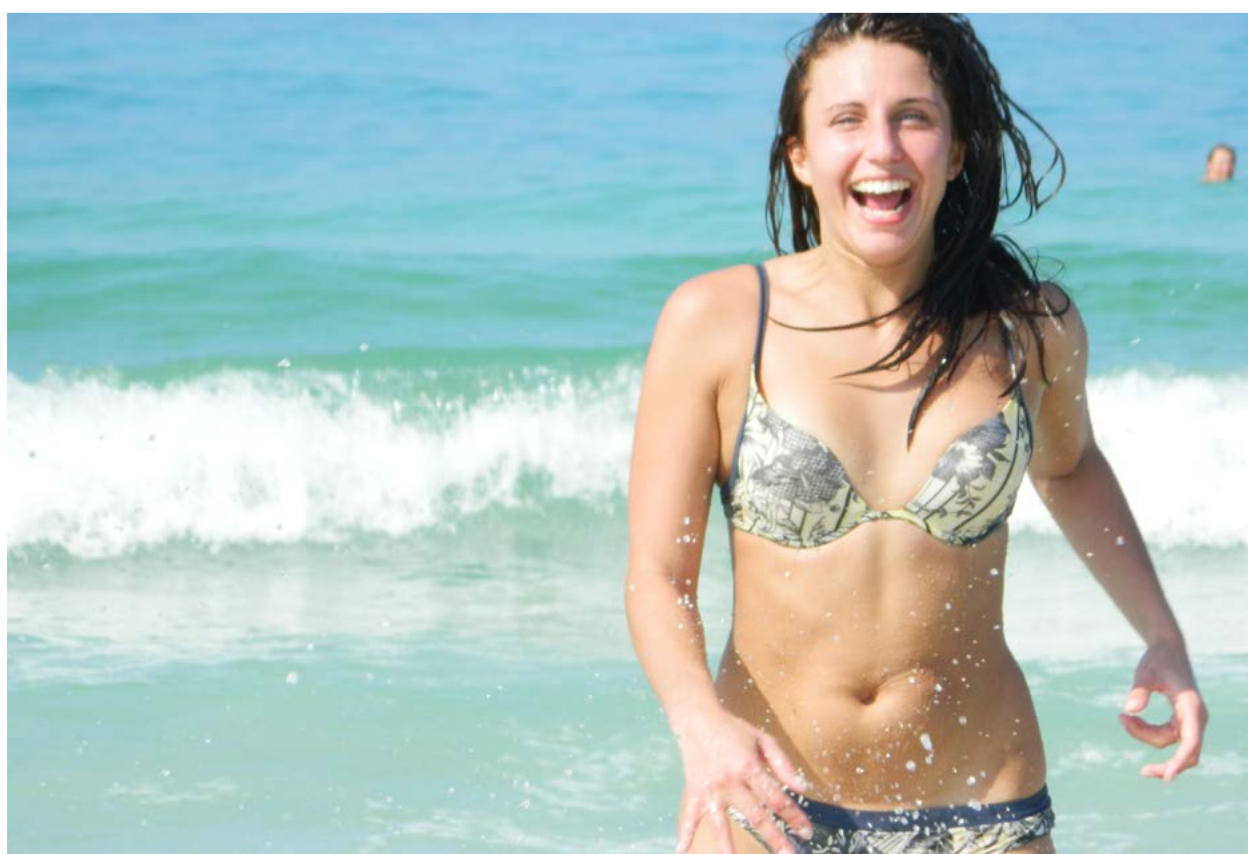

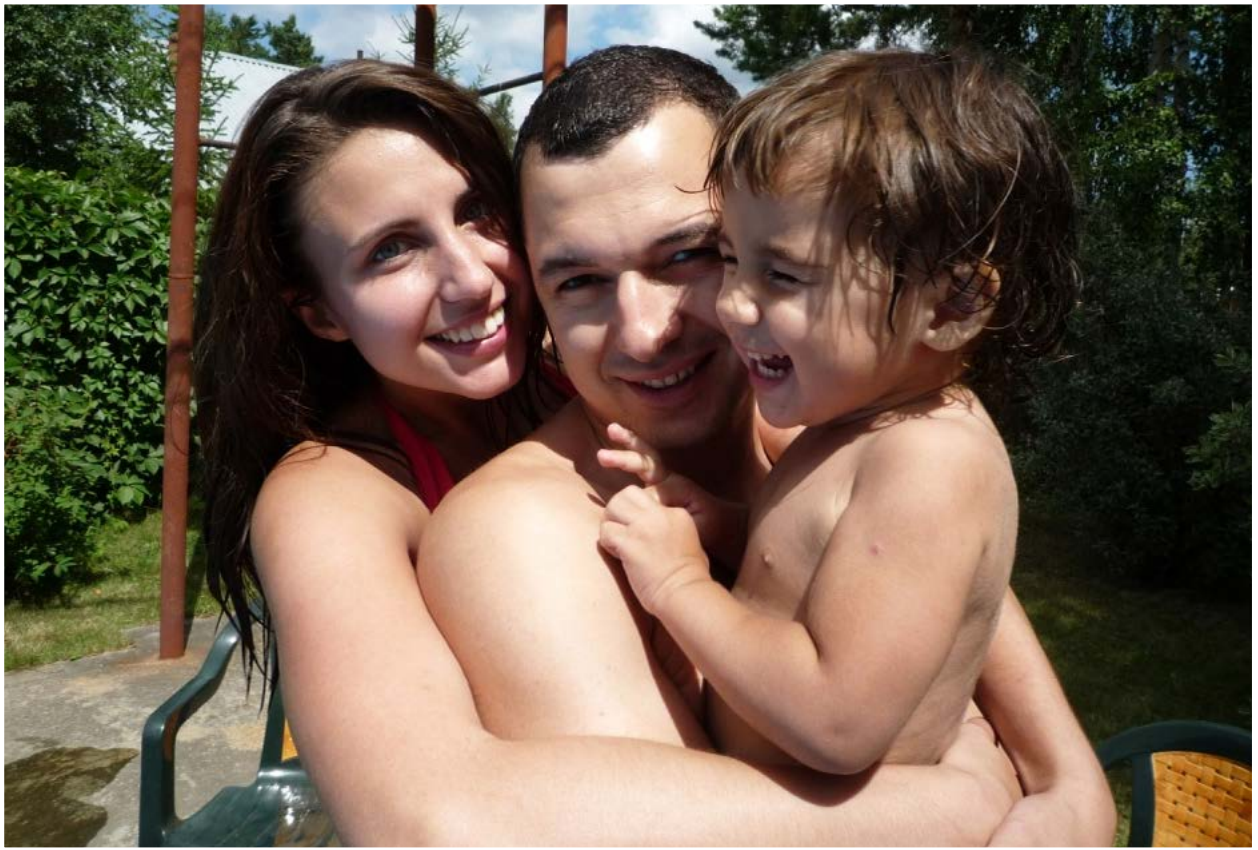
Екатеринбург 2009

Эмираты 2012

Дети разных стран и столетий

Фабрика звёзд много потеряла

Египет. Сентябрь 2011 года

Боровое. Июль 2013

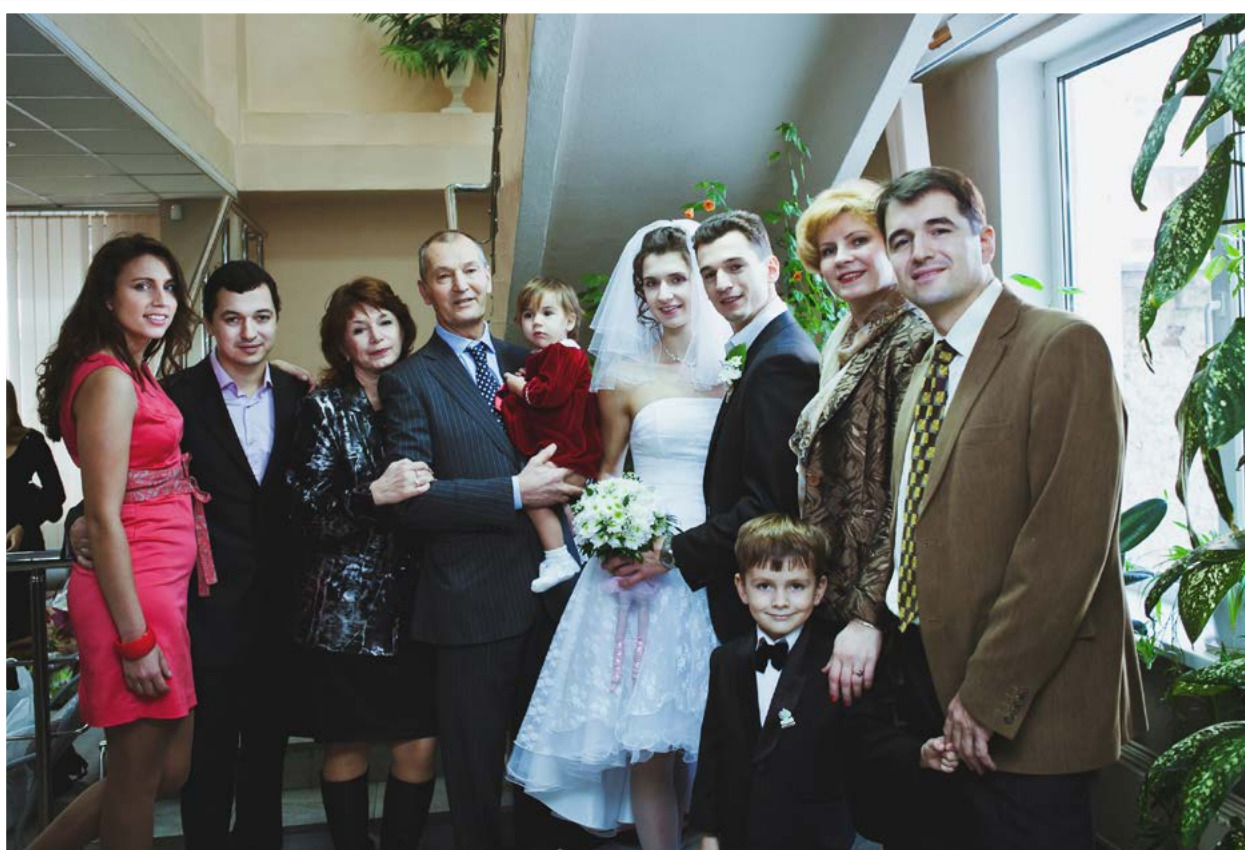

Болгария 2013

3 декабря 2011.

Возле роддома. Екатеринбург. 12 июня 2012 года

Трудовой коллектив 6-й лаборатории 16 отдела УЭК. 1982 год

